

Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Востоковедение»

Ответственные редакторы

- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- С. А. Комиссаров канд. ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

- А. В. Варёнов канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- С. А. Арутюнов чл.-кор. РАН, доктор исторических наук, профессор (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
- Ван Вэй член Академии наук КНР, чл.-кор. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, проф. (Институт археологии, Пекин, КНР)
- Н. Л. Жуковская д-р ист. наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
- Кан Инук д-р истории, проф. (Университет Кен Хи, Сеул, Республика Корея)
- А. И. Кобзев д-р филос. наук, проф. (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия)
- Н. В. Кутафьева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ли Хонджон д-р истории, проф. (Национальный университет Мокихо, Республика Корея)
- А. А. Маслов д-р ист. наук, проф. (Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия)
- А. Н. Мещеряков д-р ист. наук, проф. (НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия)
- Г. Парцингер д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
- В. Н. Пластун д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- П. Э. Подалко д-р истории, проф. (Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония)
- Н. В. Сухадолник д-р истории, проф. (Университет Любляны, Словения)
- Ж. К. Таймагамбетов чл.-кор. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Национальный музей Казахстана, Астана, Республика Казахстан)
- Такакура Хироки д-р истории, проф. (Университет Тохоку, Япония)
- Такэда Масанао д-р истории, проф. (Университет Хоккай Гакуэн, Япония)
- Л. фон Фалькенхаузен д-р истории, проф. (Калифорнийский университет, США)
- Е. Л. Фролова канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Aleksander K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Oriental Studies”

Executive Editors

- Elena E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Sergey A. Komissarov Candidate of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

- Andrey V. Varenov Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- Sergey A. Arutyunov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Wang Wei Member of the Chinese Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Literature), Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology, Beijing, China)
- Nataliya L. Zhukovskaya Doctor of Sciences (History) (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Kang Inuk Doctor of Sciences (History), Professor (Kyung Hee University, Seoul, Republic of Korea)
- Artem I. Kobzev Doctor of Sciences (Philosophy), Professor (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Nataliya V. Kutafyeva Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Lee Heonjong Doctor of Sciences (History), Professor (Mokpo National University, Republic of Korea)
- Aleksey A. Maslov Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Aleksandr N. Mescheryakov Doctor of Sciences (History), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation)
- Germann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- Vladimir N. Plastun Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Petr E. Podalko Doctor of Sciences (History), Professor (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan)
- Natasha V. Suhadolnik Doctor of Sciences (History), Professor (University of Ljubljana, Slovenia)
- Zhaken K. Taymagambetov Corresponding Member of Academy of Sciences of the Kazakhstan Higher School, Doctor of Sciences (History), Professor (Kazakhstan National Museum, Astana, Republic of Kazakhstan)
- Takakura Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Tohoku University, Sendai, Japan)
- Takeda Masanao Doctor of Sciences (History), Professor (Hokkai Gakuen University, Sapporo, Japan)
- Lothar von Falkenhausen Doctor of Sciences (History), Professor (University of California, Los Angeles, USA)
- Evgeniya L. Frolova Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2021. Том 20, № 10: Востоковедение

СОДЕРЖАНИЕ

Философия и культура Восточной Азии

- Маслов А. А.* Практика «контролируемых сновидений» в алхимической традиции даосизма 9
- Войтишек Е. Э.* Основные этапы развития ароматической культуры Китая 24
- Чыонг Ань Туан.* Уникальное явление встречи западной медицины и традиционной китайской и вьетнамской медицины в XVII–XVIII веках (на англ. яз.) 38
- Филиппов Е. А.* История формирования японского фонда Российской национальной библиотеки (на англ. яз.) 47

История и искусство Восточной Азии

- Целуйко М. С.* Надпись на сосуде *Бу Ци гуй* и возникновение циньского государства 57
- Кужель Ю. Л., Бреславец Т. И.* Необычные скульптуры буддийских божеств Японии в ореоле легенд и реалий 72
- Щепкин В. В.* Реформы Петра I как модель для Японии в сочинениях конца эпохи Эдо 82

Приграничные регионы Сибири и их соседи

- Актамов И. Г., Родионов В. А.* Инструменты мягкой силы Монголии в отношении российских регионов в начале XXI века 92
- Епифанова Н. С., Акулинин В. Н.* Приграничная торговля регионов России и провинций Китая 103
- Шмакова А. С.* Проблемы и перспективы экономической интеграции России и Южной Кореи в ТОР 117

Хроника

<i>Лю Дэпэй.</i> Начальный этап борьбы с эпидемией COVID-19 в Китае: взгляд изнутри	126
<i>Варенов А. В.</i> XI Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири, Северного Китая»	131

Рецензии

<i>Десницкая Е. А.</i> Популярная книга о древнеиндийских лингвистических традициях	136
<i>Гирченко Е. А.</i> Фундаментальное исследование раннего неолита Южного Китая	141
<i>Ефименко М. В.</i> Обобщающий труд по древней истории Китая	145
Информация для авторов	148

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies

CONTENTS

Philosophy and Culture of East Asia

- Maslov A. A.* The Practice of “Controlled Dreams” in the Alchemical Tradition of Taoism 9
- Voytishek E. E.* The Main Stages of the Development of Incense Culture in China 24
- Truong Anh Thuan.* The Unique Phenomena in the Meeting between Western Medicine and Traditional Chinese and Vietnamese Medicine during the 17th and 18th Centuries 38
- Philippov E. A.* The History of Formation of the Japanese Collection in the National Library of Russia 47

History and Art of East Asia

- Tseluyko M. S.* The *Bu Qi Gui* Inscription and Genesis of the Qin State 57
- Kuzhel Yu. L., Breslavets T. I.* Unusual Sculptures of Buddhist Deities in Japan in the Halo of Legends and Historical Facts 72
- Shchepkin V. V.* Reforms by Peter the Great as a Model for Japan in the Writings of the Late Edo Period 82

Border Regions of Siberia and Their Neighbours

- Aktamov I. G., Rodionov V. A.* Mongolia’s Soft Power Tools in Relation to Russian Regions at the Beginning of the 21st Century 92
- Epifanova N. S., Akulinin V. N.* Border Trade between Regions of Russia and Provinces of China 103
- Shmakova A. S.* Problems and Prospects of Economic Integration of Russia and South Korea in the ASEZs 117

Chronicle

<i>Liu Depei</i> . Initial Stage of the Fight against COVID-19 Pandemic in China: A View from Inside	126
<i>Varenov A. V.</i> XI International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal and South Siberia, Northern China”	131

Book Reviews

<i>Desnitskaya E. A.</i> A Popular Survey of Indian Linguistic Traditions	136
<i>Girchenko E. A.</i> A Fundamental Investigation of the Early Neolithic of Southern China	141
<i>Efimenko M. V.</i> A General Survey of Ancient Chinese History	145
Instructions to Contributors	148

Научная статья

УДК 299.513 398.22 (571)

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-9-23

Практика «контролируемых сновидений» в алхимической традиции даосизма

Алексей Александрович Маслов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

amaslov@iaas.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7337-2874>

Аннотация

Исследование посвящено даосской концепции «сна», рассматриваемой с точки зрения медитативной практики «осознанных» или «контролируемых сновидений». В разные эпохи известные даосские мастера Чэнь Туань (X в.), Ма Даньян (XII в.), Бай Юйчань (XII в.) и другие предлагали использовать контролируемые сновидения как вид медитативной алхимической практики: стирание грани между сном и явью, долгие периоды бдения приводили в деактуализации собственного «эго». Избавление от конвенций мира «во снах» должно приводить к началу трансформаций внутри тела, в результате которых практикующий проходит несколько этапов: налаживания дыхания, успокоение сознания, начала «совокупления» внутри тела аналогов алхимического свинца и ртути и, в конце концов, формирования «чудесного средства». Техника контролируемого сна не существовала в отрыве от общей алхимической практики и была скорее ее дополнением, чем центральной частью.

Ключевые слова

Китай, религия, культура, даосизм, буддизм, контролируемое сновидение, медитация, алхимия

Для цитирования

Маслов А. А. Практика «контролируемых сновидений» в алхимической традиции даосизма // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 9–23. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-9-23

The Practice of “Controlled Dreams” in the Alchemical Tradition of Taoism

Alexey A. Maslov

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

amaslov@iaas.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7337-2874>

Abstract

The paper focuses on the Taoist concept of “dreams”, which is considered from the point of view of the meditative practice of “realized dreams” or “controlled visions”. Famous Taoist masters Chen Tuan (10th cent.), Ma Danyang (12th cent.), Bai Yuchan (12th cent.) and many others implemented techniques of “controlled dreams” as a type of

© Маслов А. А., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 9–23

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 9–23

meditative alchemical practice: erasing the frontier between sleep and reality, long periods of vigil in a state of “almost sleep” lead to deactualization of the own “ego”. Deliverance from the conventions of the “dream world” leads to the beginning of the mystical transformations inside the body, and the practitioner passes through several stages: to set up breathing, calm consciousness, the beginning of the “copulation” inside the body of two agents (analogs of alchemical lead and mercury), concluding with the formation of a “miracle remedy”. With the control of the spirit-*shen*, overnight visions were the continuation of the Taoist self-control during the day, while due to various psychosomatic methods, dreams and reality were perceived as a single indistinguishable continuum, and various “lustful desires” were expelled from consciousness. In this regard, the popular idea of a “dream” in Taoist practice, just as a philosophical and aesthetic category, seemed to be too one-sided. The technique of “controlled dreams” did not exist in separation from the general alchemical practice and was rather an additional than the central part of it. Dreams themselves, in other words, the uncontrolled immersion of a person into the world of images and traces of consciousness, at that moment turned into his opposite – a similar, but not identical – in the colossal work of the spirit for the complete transformation into an “immortal”.

Keywords

China, religion, culture, Taoism, Buddhism, controlled dreaming, meditation, alchemy

For citation

Maslov A. A. The Practice of “Controlled Dreams” in the Alchemical Tradition of Taoism. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 9–23. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-9-23

Контролируемые сновидения: от «сна Чжуан-цзы» до медитативной практики

Даосские наставники X–XIII вв. неоднократно обращались к традиционной для даосизма теме «сна» или сновидения, которую в отличие от ранних мастеров (Чжуан-цзы) рассматривали не как эстетико-философскую категорию неразличимости яви и сна, но как медитативную алхимическую технику. В результате такой практики «контролируемого сна» (в дальнейшем мы покажем, что речь идет об «управляемых сновидениях» или визуализации образов) практикующий погружается в состояние глубокого покоя, лишь подобного сну, но при этом способен контролировать феномены своего сознания и вызывать определенные образы.

Понятие 夢 *мэн* может быть переведено как «сон», «греза», «сновидение», под воздействием буддийских концепций приобрело также значение «пустые иллюзии». Контекстуальное значение может содержать как позитивные коннотации (использования сна как визуализации), так и негативные (сон как синоним привязанности к иллюзиям мира). Несмотря на многообразие значений, в данной работе мы рассматриваем *мэн* именно как особую медитативную практику, нацеленную на получение трансцелестного опыта («утраты себя», «потери тела»), а в ряде случаев и визуализации духов-наставников, которые передают особые знания. Это также связано и с преображением тела (化身 *хуа шэнь*) в практике внутренней алхимии 內丹 *нэйдань*, адепт намеренно тормозит внешние когнитивные реакции, уподобляется спящему и использует сновидения как форму параллельного существования. И это отличает подход к утилитарному использованию техники «сна» в школе Цюаньчжэньдао от философско-мистических рассуждений ранних даосов, например, о Чжуан-цзы и бабочке.

Даосские практики сна не являются уникальными, различные компоненты или даже целостные системы контролируемого сна можно встретить, например, в тибетских системах для обнаружения «кармических следов» и даже в западных концепциях [Holecsek, 2016; Norbu, 2002; Waggoner, 2015]. Однако стоит оговориться, что нас в данном случае интересует именно алхимическая медитативная практика, при которой сновидение (или видение) выступает лишь стимулятором начала трансформаций в теле адепта.

Сон выступает в этом случае как своего рода над-медитация – медитация нестандартная, но тем и эффективная, за счет обращения мира в пространство «иного». Сон для даоса является особым способом путешествия в иной мир. Предельное состояние мира, его граница об-

наруживается как предельное состояние самого сознания. Например, мотив «дальнего странствия» (遠遊 *юань ю*) во сне следует понимать исключительно как тему мистического путешествия внутри себя для обретения нового типа опыта, несводимого ни к какому другому переживанию или ощущению в этой жизни. У Чжуан-цзы сон вообще напрямую понимается как канал общения с потусторонним миром. Это хорошо видно в притче из «Чжуан-цзы» о черепахе, с которым он беседует, положив его под голову и заснув. Мотив жизни как сна, как вечнодлющейся грезы, где пробуждение – лишь короткий миг, и дано только для того, чтобы осознать сам сон, весьма характерен для любого мистического опыта.

В эпоху Сун появляется множество текстов, говорящих о сне как об отдельном виде практики, которые описывают манипуляции со «сном» как особую методику, связанную с трансформациями сознания и алхимическими превращениями, что заметно отличает ее от мотива «сна» у Чжуан-цзы. Обычно начало этой техники традиционно возводят к даосскому магу Люй Дунбиню, например, в «Полном собрании книг Предка Люй [Дунбиня]» (呂祖全書 *Люй цзу цюаньшу*) мы встречаем текст «Речитатив о мастерстве снов» (睡功訣 *Шуйгунцзюэ*) [Люй цзу цюаньшу, 1776]. В X в. «мастер снов» Чэнь Туань составляет «Важнейших наставлений в двенадцати упражнениях мастерства снов с горы Хуашань» (華山十二睡功總訣 *Хуашань шиэр шуйгун цзунцзюэ*), в XII в. Бай Юйчань пишет текст «Рассуждение о грезах» (夢說 *Мэншо*), Ма Даньян – «Пять ночных страж для практики отшельника» (五更寄趙居士 *У гэн цзичжао цзюйши*). Философ и алхимик Чэнь Цзыдэ (陳自得) из провинции Фуцзянь в XV в. составляет «Искусство Великих снов» (大睡功 *Да шуй гун*) [Чжунхуа даоцзяо, 1995, с. 201]. В эпоху Мин подобные методы включаются в многочисленные компендиумы о повседневных даосских практиках и способах оздоровления, например, в коллекцию даоса и знатока китайских древностей Чжоу Люйзина (周履靖) – «Обширные чтения у Врат покоя» (夷門廣牘 *И мэнь гуан ду*).

Эта практика не была единой и разнилась от школы к школе, объединяющим же было понимание достижения «иносостояния», которое открывало «врата к глубочайший тайне» и к «тайным механизмам Неба» (天機 *тянь цзи*). В основном эти методы переживания состояния «сна» получили свое распространение с XII в. в направлении Цюаньчжэньдао. Главной целью было заставить последователя избавиться от «грез», фантазий и образов, которые возникают в сознании в моменты практик углубленной медитации. В известной степени это было дословным исполнением заповеди Чжуан-цзы «мудрец не грезит» или «мудрец пребывает вне грез».

Вместе с этим сон опасен и враждебен, так как заставляет адепта потерять контроль над самим собой, а поэтому даосская традиция всегда опасалась самого явления сна. Он воспринимался как неконтролируемое погружение в мистическое, где разум-сердце (心 *синь*) разрывает свою связь с духом-шэнь, где действует не сам человек, но его темный двойник, который многократно превосходит его по могуществу и власти над миром духов. В школе Цюаньчжэньдао эти опасения неконтролируемого сна сочетались с идеями об утрате самоконтроля, что приводит к потере семени-цзин и энергии ян. Ряд текстов говорит о внезапно появляющихся либидозных желаниях, эротических снах и ночных поллюциях, – все это нарушает целостность практики даоса, которую он столь тщательно выстраивает днем¹. И как следствие, сон надо победить, изгнать его, обратить в свою противоположность. Суть практики заключается в том, что дух (神 *шэнь*) должен оставаться хозяином организма и днем, и ночью, и последователь за счет контроля своих психических свойств («сердца» 心 *синь* и намерений 意 *и*) остается способен контролировать свои действия и ограничивать коммуникации с внешним миром.

¹ Например: «Следует тщательно оберегать начало Ян, дабы оно не излилось наружу, и быть крайне внимательным в отношении ночных поллюций». Сунь Жучэн (XVII в.). Цзиньдань чжэньфа (Истинная передача Золотой пилюли 孫如忠. 金丹真傳) («Лучшие избранные тексты из Хранилища Дао»), серия 2, т. 7.

Строго говоря, китайский текст не различает сон как момент погружения в состояние сна и сон как грезу, когда человек визуализирует различные образы или общается с духами. Этот мотив мы уже можем встретить в «Ле-цзы», где рассматриваются шесть типов снов: «истинные сны», т.е. спокойные и без сновидений (正夢 чжэн мэн); «беспокойные» или «беспорядочные сны» (噩夢 у мэн); сны, наполненные мыслями (思夢 сы мэн); «сны, подобные бодрствованию», в которых видишь тех, с кем встретился днем (寤夢 у мэн); «радостные сны» (喜夢 си мэн); «пугающие сны» (懼夢 цзю мэн). Возникновение сна связано непосредственно с контактом или даже прямым совокуплением с духами («в шести этих проявлениях сна совокупляешься ты с духами») ².

Есть и другой смысл контролируемого сна: божества, управляющие людьми, совершают «ночные визиты», во время которых рекомендуется бодрствовать, чтобы не поддаться их чарам. В этот момент сознание не ограничено пространством, временем или личным опытом, и практикующий может встречаться с различными сущностями, получать наставления от них как от настоящих учителей. Сон используется как метод преодоления ограничений и конвенций, устранения препятствий на своем пути, осознания своей истинной чистой природы (性 син). В результате этой техники практикующий может слиться с самой иллюзорной частью себя самого, которая все знает и связана со всем, но которая отрезана от нашего бодрствующего ума.

Контроль сознания ночью важен и для того, чтобы подавлять влияние «демонов сна» (睡魔 шуй мо), которые днем находятся под контролем, а во время сна могут вызывать «происхождение семени», то есть ночные поллюции, которые ослабляют организм. Даос Бай Юйчань даже посвящает этому целый раздел в трактате «Десять книг о пестовании истины» (Сюйчжэнь шишиу) ³.

Техника «сновидений» как медитативная практика и техника «пяти страж»

Даосская медитация обычно приходится на ночные часы, непосредственно на часы 子 цзы, то есть с 00:00 до 2:00 ночи – это считается временем зарождения начала ян, а поэтому наиболее благоприятным периодом. Большинство систем нэйдань школы Цюаньчжэнь, начиная с эпохи Сун, применяли в качестве основной именно ночную медитацию. И здесь важнейшим требованием было не только не заснуть (учитывая, что ночные медитации повторялись много дней подряд), но и перевести состояние мучительной полудремы в ощущение континуума сна и яви.

В целом можно выделить несколько техник контролируемого сна, которые, очевидно, в реальной жизни пересекались.

Первую технику можно обозначать как «насильственное бодрствование» (термин – наш), при котором практикующий пребывает вне реального сна всю ночь, находясь в состоянии дремотного бодрствования. Отключаясь от проявлений внешнего мира, он создает условия для начала внутренних алхимических трансформаций, что ведет к формированию «чудесного средства». Эти техники применялись в Цюаньчжэньдао и нашли свое отражение в коротких стихах «пяти ночных страж». Другая техника, которую можно условно перевести как способы «контролируемого сна» или «воздействия сном» (睡功 шуй гун), была связана с системой вызывания у себя различных видений, «встреч с духами и патриархами», а также «странствия» в этом состоянии. Но так или иначе обе техники связаны с алхимической традицией.

² Ле-цзы, глава «Чжоу Му-ван» (《列子 周穆王》). Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/liezi/zhou-mu-wang/zhs#n37441> (дата обращения 01.07.2021).

³ Бай Юйчань. Сюйчжэнь шишиу (修真十書). Десять книг о пестовании истины. Даоцзан 道藏, 263, 42.5a–7b.

Еще одна техника базировалась на полном отказе от сна на долгий период, когда «сон смешивался с явью»: бессонное бдение обнажает истинный облик существования, стирая границу между сновидениями и явлениями этого мира (например, в «Хуантин цзин» – «Если семь дней и ночей напролет сможешь пребывать в мыслях без дремоты, то на седьмой день дух пронзит тебя, днем и ночью будешь пребывать ты на горе Куньлунь, чистейшее начало *ян* лишит тебя сна – вот это и зовется Истинным человеком») ⁴.

Например, школа Цюаньчжэньдао рассматривала практику сокращения сна или даже полного отказа от него в качестве одного из эффективных психосоматических методов воздействия. Формально последователь в этот момент пребывал как бы «во сне», но при этом бодрствовал и оставался способен полностью контролировать свои мысли и образы. К такому типу практики надо было подходить постепенно, а тексты описывают циклы без сна до 25 дней. Так, один из крупнейших мастеров школы Цюаньчжэньдао Инь Чжипин (1169–1251) считал, что самыми непреодолимыми для человека являются три желания: пищи, сна и плотских наслаждений. Он так описывает свой опыт преодоления желания сна: «Начинайте с сокращения времени ночного сна, день за днем, месяц за месяцем, не надеясь на быстрый успех. Естественным образом сонливое состояние уйдет, и вы постепенно обретете силу. Когда я жил в Шаньдуне, я занимался именно таким образом. Когда я хоть немного чувствовал усталость или утомленность, я сразу же приступал к выполнению упражнений. День за днем я выдерживал так до 24 или 25 дней. Это стало для меня естественным, и мой разум был ясен и радостен» ⁵.

Бодрствование могло продолжаться всю ночь, сама же практика разделялась на пять этапов по числу ночных страж, не случайно каждый этап описывался как начинающийся с «удара в барабан или гонг» (鼓 *гу*). Это нашло свое отражение в различных стихах и стихотворных наставлениях из пяти частей – каждая часть описывала достижение определенного состояния. Таким образом, серии стихов о пяти стражах представляют собой пошаговую «иллюстрированную» и аллюзивную инструкцию, описывающую весь алхимический процесс от первых стадий очищения до окончательного формирования «чудесного средства» [Goossaert, 2000, p. 252–255]. Более того, сам путь в «пять шагов» (у *гэн* – «пять ночных страж», «пять ударов в гонг») рассматривается как метафора духовного пути. Практически все такие стихи принадлежат традиции Цюаньчжэньдао и не встречаются в других направлениях. Большинство произведений о ночных бдениях вошло в сборник даосских стихов «Отголоски криков журавлей» (鸣鹤余音 *Минхэ юйинь*), составленный Пэн Чжичжуном (彭致中) в середине XIII в. в 9 цзюанях и 12 стихотворениях ⁶.

Пять страж – это пять ночных отрезков с 19:00 до 5:00 утра – лучшее время для медитации. Каждый стих – по сути период практики – открывается «ударом» колокола. Строго говоря, реальная продолжительность пяти отрезков не фиксирована: она зависит от продолжительности медитации, потому подобные стихотворные наставления используют символическую игру слов, связывающую временные циклы, триграммы и алхимические процедуры. Удар в гонг (*гу*) есть лишь символ к началу нового этапа, но не реальный указатель на временной отрезок (скажем, на два часа), так как никаких прямых упоминаний этого мы не встречаем. В монастырях (как даосских, так и буддийских) пять временных отрезков отмечаются ударом в гонг или барабан. Например, чаньские бдения даже предусматривают пять интервалов (點 *дянь*); каждый из этих 25 интервалов отмечается определенным количеством ударов по металлической «облачной доске» (雲板 *юньбань*) [Goossaert, 2000, p. 252].

⁴ Хуантин нэйцзин юйцзин чжу (Нефритовый канон внутреннего вида Желтого двора с комментариями 黃庭內景玉經註). China text project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=817092> (дата обращения 06.04.2021).

⁵ Инь Чжипин. Цинхэ чжэньжэнь бэйю юйлу [尹志平. 清和真人北游語錄]. Речения Истинного человека Цинхэ из Северного странствия // China text project URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=455195> (дата обращения 06.04.2021).

⁶ Текст вошел в «Чжэтуан Даоцзан», в раздел «Тайсюаньбу» – «Великого сокровенного» (正統道藏太玄部).

В школе Цюаньчжэньдао широко использовались как понятие 眠 *мян*, так и 夢 *мэн*, которые были взаимозаменяемыми, обозначая состояние глубокого транса. Так, текст (ксилографическое воспроизведение 1880 г.) говорит о том, что следует «медитировать в забвении, лишь уподобляясь тому, кто спит» (坐忘眠 *цзюван мянь*) [Даоцзя цзиньши, 1988, р. 622–623]. Примечательно, что здесь упоминается техника «сидения в забвении» (*цзюван*) – многоуровневая система погружения в медитацию, связанная с постепенным «отключением» адепта от пребывания в этом мире и переходе в неконвенциональный мир пустоты [Маслов, 2020, с. 17–20].

В момент контролируемых сновидений внутри человека начинается алхимическое превращение. Тигр и дракон, дракон и змея, девица и младенец, то есть символы двух важнейших алхимических компонентов свинца и ртути постепенно «сплавляются» воедино, формируя пилюлю бессмертия. Это возможно при полном отключении сознания от внешнего мира, его «засыпании». В частности, известный даос Ма Даньян (1123–1184) [May et al., 1999, р. 12–16] подробно описывал технику медитативного сна (*мян*) в цикле стихотворений «Пять ночных страж для практики отшельника» (五更寄趙居士 *У гэн цзичжао цзюйши*)⁷.

Первый стих показывает, что адепт «засыпает» (眠 *мян*), сохраняя состояние глубочайшей концентрации, и осознает происходящее в видениях. Затем он «обрабатывает (или вспахивает) землю», то есть начинает возгонку пилюли из нижнего *дантянь* вверх – техника, хорошо известная во многих даосских школах⁸. На нижний *дантянь* из «облаков» проливается дождь и появляется бессмертный зародыш в виде «пурпурного гриба». На втором этапе продолжается возгонка пилюли вверх, и два начала внутри тела начинают сплавляться в единую пилюлю, на третьем этапе последователь «пробуждает» готовую пилюлю внутри себя, на четвертом через осознание высшей мудрости избавляется от всех страстей и раздражающих факторов, которые могут нарушить его сосредоточение, на пятом – происходит окончательная трансформация, и бессмертный зародыш «предстает в своем великолепии».

Вот первый удар прозвучал – в одиночестве я засыпаю и это внутри сберегаю. 一鼓孤眠內守，

С облаками я вспахиваю драгоценную землю, 寶陸用雲耕透。

И густо высаживаю в нее ростки своего пурпурного гриба⁹. 密種紫芝苗，

Отныне в моем небесном гроте¹⁰ более нет места никаким страстям¹¹. 自是洞天無漏。

Совсем никаким!

И вот уж тигр-кан и дракон-ли сплелись воедино¹². 無漏，無漏，坎虎離龍交媾

Вот второй удар звучит – я сплю в одиночестве и это внутри сберегаю. 二鼓孤眠內守，

⁷ Ма Даньян. У гэн цзичжао цзюйши [馬丹陽. 五更寄趙居士]. Пять ночных страж для практики отшельника. China text project: URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=241117#五更寄趙居士> (дата обращения 06.05.2021).

⁸ См., например, трактовку «вспашки земли»: [Despeux, 2018, р. 215–219].

⁹ Пурпурный (фиолетовый) гриб – указатель на зарождение мудреца или бессмертного зародыша. В обычном понимании – тутовник японский.

¹⁰ Небесный грот (*дун тянь*) – обитель бессмертных, один из десяти или 35 священных гротов в даосизме.

¹¹ Страсти (無漏 *улоу*) – дословно «отсутствие проистечений», отсутствие страстей, иллюзий. Выражение пришло из буддизма (санскрит. *anasrava*): освобождение от всех иллюзий, забот, страстей и соблазнов жизни благодаря истинной мудрости.

¹² Тигр-кан и дракон-ли – алхимические символы Неба и Земли, также ртуть и свинец (основные компоненты пилюли бессмертия), дева и ее дитя. Речь идет о начале формирования чудесной пилюли.

Облака разрываются, обнажая усыпанное звездами небо,	雲綻遍天星宿。
Где солнце и луна обмениваются сиянием.	日月兩交光，
С этого момент мой драгоценный сосуд ¹³ свободен от страстей. Полностью свободен!	自是寶瓶無漏。
И вот уж дракон и змея поднялись из земли и вступили в сражение.	無漏，無漏， 起陸龍蛇戰鬥
Вот третий удар прозвучал – я сплю в одиночестве и это внутри сберегаю.	三鼓孤眠內守，
Вновь и вновь я стучу в сокровенную дверь,	重把玄門頻扣。
Взываю к пробуждению того, кто заперт внутри.	喚覺箇中人，
С этого момента моя нефритовая застава свободна от страстей. Абсолютно свободна!	自是玉關無漏。無漏，無漏，
И вот уж девица и ребенок ¹⁴ взяли друг друга за руки.	姹女嬰兒携手
Вот четвертый удар прозвучал – я сплю в одиночестве и это внутри сберегаю.	四鼓孤眠內守，
С величайшими предосторожностями от грабителей я себя защищаю ¹⁵ ,	謹謹小心防寇。
Своей бдительной мудростью-праджней одолеваю я злобных демонов.	慧照破邪魔，
Отныне мое золоченое семя ¹⁶ свободно от страстей. Целиком!	自是金精無漏。
И вот уж ореол чудесного света озарил все вокруг ¹⁷ .	無漏，無漏， 一點靈光結就
Вот пятый удар прозвучал – я сплю в одиночестве и это внутри сберегаю.	五鼓孤眠內守，
В совершенном спокойствии в самом центре отсутствия возникает наличие.	湛寂無中得有。
Лишь откликаясь на вещи, я пребываю в истинном постоянстве.	應物處真常，
Отныне моя священная киноварь больше не затронута страстями, никак, никак!	自是神丹無漏。
И вот уж мой бессмертный зародыш предстал во всем своем великолепии.	無漏，無漏， 顯現胎仙清秀

¹³ Драгоценный сосуд (寶瓶 *бао пин*) – символ сознания. В обиходе это бутылка для воды, используемая монахами во время церемонии, например, для окропления головы, а в буддизме это *amṛta-kalasa* – сосуд для нектара, который носят с собой некоторые буддисты.

¹⁴ Девица и ребенок (姹女嬰兒 *чанью иньэр*) – ртуть и свинец в алхимическом превращении, то есть начинают сливаться два компонента.

¹⁵ Грабители (寇 *коу*) – здесь чувства и страсти, которые отбирают сосредоточение у практикующего.

¹⁶ Золоченое семя (金精 *цзиньцзин*) – субстанция, связанная с семенем и началом металла в алхимических превращениях.

¹⁷ Чудесный свет (靈光 *лингван*) – ареол света, нимб, характеризующий просветленное или (в буддизме) освобожденное от всех страстей состояние, высшую чистоту сознания.

Близкая к этому техника описывается и во многих других наставлениях, например, Ян Чжэньчжэня или Ян Минчжэня (1150–1228), ученика Ма Даньяна в стихотворении «Под платаном» (梧桐樹 *У тун шу*)¹⁸, приписываемом Люй Дунбиню. В них также описывается пятичленная система медитации в период ночного бодрствования: адепт проходит пять этапов от обуздания своего сознания («Мысль мечется, как лошадь, сердце скачет, как обезьяна – их надо обуздать») через «внутренний нагрев» для начала сплавления двух потоков энергии («Золотой котел уж разогрет, нефритовая печь раскалена. Так плавь же истинные ртуть и свинец!») и вплоть до обретения на пятом этапе абсолютных чистоты и покоя, когда «не стыдно о достижениях своих наверх мудрецам доложить».

Алхимические визуализации снов Чэнь Туаня

Идея стимулирования алхимических превращений через практику контролируемых видений проповедуется у даосского мастера X в. Чэнь Туаня (陳搏, 871–989). Наставления Чэнь Туаня под названием «Важнейшие наставления в 12-ти упражнениях мастерства снов с горы Хуашань» (華山十二睡功總訣 *Хуашань шиэр шуйгун цзунцзюэ*) вводит в оборот Чжоу Люй-цзин, включая ее в коллекцию «Обширные чтения у Врат покоя» (夷門廣牘 И мэнь гуан ду).

Сама даосская методика «мастерства снов» пошла по линии семьи Чэней с династии Сун, как утверждалось в текстах конца XVI в.¹⁹, и заключалась в двух циклах упражнений лежа соответственно на левом и правом боку. Одна из версий жизни этого мастера утверждает, что Чэнь Туань погружался в особое состояние на сто и даже более дней, которое и именовалось «сном» – 睡 *шуй*. Чэнь Туань даже получил прозвище «спящий бессмертный» – 睡仙 *шуй сянь*. На известном портрете японского мастера Хасэгава Тобаку (1539–1610) Чэнь Туань изображен именно спящим сидя. На многих других изображениях он показан как даос, спящий на боку, который визуализирует различных духов на небесах.

О реальной жизни Чэнь Туаня известно мало, его биография в основном известна из агиографического раздела в «Истории династии Сун»²⁰ (сост. 1345 г.), а также из сочинения «Биографии талантов периода Тан»²¹ (сост. 1304 г.), причем в обоих случаях с момента предполагаемой жизни Чэнь Туаня прошло более 300 лет.

Прослыл он отшельником, хотя и имел множество учеников. Как гласит его описание, приведенное в «Биографии талантов периода Тан», «воздерживался он от пищи и упражнял *ци*». И далее: «Поселился он на горе Хуашань, в обители «Облачной террасы» – Юньтайгуань, закрыл все двери и возлежал один, бывало декадами и месяцами не вставал».

Как-то его призвал ко двору император царства Чжоу Ши-цзун (прав. 954–959) и по преданию Чэнь Туань не принял предложения (по другой же версии, он все же явился во дворец, но там «лишь сладко спал, сопел да храпел»).

Текст «Важнейших наставлений» состоит из двух частей: общего «теоретического» раздела и 12 упражнений лежа «во сне». Вторая часть включает 12 иллюстраций, сопровождаемых короткими стихами. На картинках изображен спящий отшельник, причем в ряде случаев он лежит на соломенной или бамбуковой подстилке, в ряде случаев – у него из головы выходит образ некоего божества. Все это указывает нам на медитативную технику визуализации образов во сне.

¹⁸ Минхэ юйинь [鳴鶴餘音卷七]. «Отголоски криков журавлей», цзюань 7 // China text project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=386360#p69> (дата обращения 12.06.2021).

¹⁹ Гао Лянь. Цзуньшэн ба цзянь [高濂. 遵生八箋: 卷七]. Восемь собраний эссе о почитании жизненности, цз. 7 // China text project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=606837#p61> (дата обращения 12.03.2021).

²⁰ Сун ши: Лечжуань, инь шан [宋史: 列傳二百一十六 隱逸上]. История династии Сун: Биографии 216: Отшельники, ч. 1 // China text project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=950341> (дата обращения 12.03.2021).

²¹ Тан цай цзы чжуань [唐才子傳]. Биографии талантов периода Тан // China text project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=290429#p31> (дата обращения 14.03.2021).

Примечательно, что хотя формально текст относится к даосским наставлениям, он изобилует буддийскими понятиями и даже цитирует буддийские сутры – такова примета времени периода Сун, когда даосские и буддийские методики в реальной практике практически повсеместно смешивались.

Вся методика рассчитана на три основных этапа совершенствования: первый занимает сто дней («будешь дышать незаметно, как черепаха»), второй – триста дней (сформируется пилюля бессмертия и откроются «врата меж бровями»), третий – два года (тело станет легким), четвертый – три года. Формирование пилюли бессмертия происходит уже на втором этапе, а четвертый этап позволяет адепту избавиться от собственного тела – «воспарить, достигая неслышимого и невидимого», причем из текста не следует точного объяснения этого состояния: приобрести абсолютный внетелесный опыт или физически умереть.

Во введении Чэнь Туань четко постулирует, что «мастерство снов» можно практиковать как днем, так и ночью: «Если вы, мужи, что изучаете путь-Дао и пестуете истинность, стремитесь изучить мастерство снов в соответствии с сокровенными речениями, то выберите дневное или ночное время полного покоя и свободное от любых дел. Когда почувствуете приход энергии *ян*, сядьте выпрямившись и постучите зубами 36 раз, а затем одного за другим соберите вместе духов, что пребывают в вашем теле».

На втором этапе адепт принимает позицию лежа, в которой и начинает выполнять дыхательные упражнения, массируя себе живот определенным образом: «Расстегните одежду и распустите пояс, ложитесь на один бок, следуя такому предписанию: крепко закройте рот и наполовину прикройте глаза, прижмите кончик красного дракона (т. е. языка) к верхнему небу, согните одну ногу в колене и пальцы стопы выгните на себя, как крючок. Тогда *инь* и *ян* возвращается в отверстия тела²² – это будто снаружи солнце и луна смешивают свое сияние.

После этого пальцами одной руки сформируйте «вонзающийся меч» (т. е. вытяните два пальца. – А. М.) и поместите руку на «врата жизненности»²³ (живот). Другую руку, также в виде «вонзающегося меча», согните в локте и положите под голову, как подушку. Глаза направьте на нос, нос – на «врата жизненности», сомкните зубы, раскройте «Небесные Врата»²⁴ (что расположены на лбу. – А. М.) и закройте «Земной двор»²⁵.

Обрати взор своего сердца вовнутрь. Тогда триграммы *кань* и *ли* перемешиваются и соединяются²⁶».

Основным для этого этапа является, прежде всего, регулирование дыхания до такой степени, чтобы уподобиться «дыханию черепахи», то есть дыхание должно стать незаметным, как у спящего: «Это – созидание изменений, происходящих в соответствии с Небом и Землей. Все это заключено в сокровенной заставе и подобно мехам²⁷».

²² Отверстия тела (竅 *цяо*) – по китайским предоставлениям, тело обладает девятью отверстиями: верхними или «чистыми» отверстиями (глаза, уши, ноздри, рот, язык) и нижними «грязными» отверстиями – анус и гениталии.

²³ Врата жизни (生門 *шэнь мэнь*) – область живота.

²⁴ Небесные врата (天門 *тянь мэнь*) – область на лбу, соответствует верхнему *даньтянь*. Эта фраза коррелируется с фразой из «Дао дэ цина»: «Можно ли, открывая и закрывая Небесные врата, обрести состояние самки?». В комментарии Хэшан-гуна к этой фразе он объясняет: «Небесными вратами зовут Пурпурный дворец Нефритового императора Северного полюса».

²⁵ Скорее всего, под «Земным двором» (地戶 *ди ху*) подразумевается область живота, нижний *даньтянь*. Фраза соотносится с древней поговоркой «На Небе есть врата, на земле есть дворы».

²⁶ Триграмма Кань 坎 соответствует сердцу, триграмма Ли 離 – почкам. Речь идет о традиционной даосской практике внутренней алхимии «смешения огня сердца и воды почек».

²⁷ Это отсылка к фразам из «Дао дэ цина» о «сокровенной заставе» (玄閤) и «мехам» (囊籥): «Не подобно ли пространство, между Небом и Землей [кузнечным] мехам?» (§ 5). Другой перевод термина 囊籥 «футляр для флейты». Сокровенная заставка и футляр для флейты (玄閤囊籥 *сюань гуань нан юэ*) – возможно, речь идет о символах женского и мужского начала.

На втором этапе следует достичь максимального успокоения, что и приводит к формированию «чудесной пилюли», то есть средства бессмертия: «Пускай твои намерения, мысли и дух вернутся к изначальному духу»²⁸.

Постепенно идет отключение практикующего от внешнего мира, его полное «сокращение» до внутриутробного эмбриона, который порождает сам себя алхимическим образом, что приводит в деактуализации собственной личности: «Сделай так, чтобы внутреннее и внешнее составляли единое, это и станет методом проникновения в Дао. Когда твоя практика достигнет этих границ, то «шесть воров»²⁹ (чувственных ощущений. – А. М.) сами исчезают, а пять первостихий естественным образом сходятся воедино».

Это приводит к началу «плавки внутренней пилюли», которая на этом этапе напитывается сглатыванием слюны, причем важно регулировать интенсивность концентрации («периоды огня»): «Свежесваренный отвар – это и есть истинная жидкость (т. е. слюна. – А. М.), что омывает и вскармливает «корень духов» (язык. – А. М.). А поэтому и говорят, что, когда сокровенная самка³⁰ проникает прямо в уста, человек словно пьет весеннее вино³¹ (слюну. – А. М.) в своих снах. ... И истинное начало *ян* никогда не покинет тебя».

На этом первый цикл упражнений завершается – его выполнение должно привести к полному успокоению, ощущению внутреннего комфорта и укреплению *ци*, *цзин* и духа-*шэнь*. Именно ощущение чистоты и покоя являются показателями правильности прохождения этого этапа: «После того как завершишь упражняться в мастерстве снов, помассируй область сердца. Затем потри глаза – и тогда сердце и тело будут чувствовать себя комфортно и беззаботно. ... Когда дух пребывает в покое, то нет больше ни намерений, ни размышлений, а если и *ци* пребывает в покое, то и дыхание исчезает. Когда семя-*цзин* пребывает в покое, то исчезают и все похотливые желания. После этого «три изначальных» возвращаются к единому, а восемь каналов обращаются к своему истоку»³².

Здесь вновь звучит очевидный буддийский мотив «иллюзии» в постижении мира как полного тупика в саморазвитии и самозапутывании в бесконечных «кармических причинах»: «Совершенный человек – он вне заблуждений, а будучи свободным от заблуждений, он свободен и от грез... Обычные люди пребывают в заблуждениях – заблуждениям этим нет конца. Их страсти и желания постоянно сжигают друг друга, а сердца загрязнены мириадами кармических причин. Даже на короткое мгновение их дух не может обрести покой и чистоту! Затуманенные, грезят они и днем, грезят они и ночью. Они грезят, когда пробуждаются, грезят, когда засыпают. Даже накануне смерти, когда их время уже подходит к концу, охвачены они бесконечными чувственными желаниями».

Трактовка «грезы» и «иллюзии» полностью заимствована из буддизма – даос Чэнь Туань теперь твердо стоит на буддийской почве: «Будучи однажды вовлеченными в этот кармический цикл, у них даже нет возможности вырваться из него... Сегодня обычные люди радуются лишь тогда, когда испытывают любовь, желание, алчность, гнев или безумное влечение. Так откуда же им знать, что такая радость – это и есть причина страданий? Подобны они мо-

²⁸ Изначальный дух (元神 *юань шэнь*) в даосской мифологии – изначальная душа человека или владыка Небес, предшествующий всем духам.

²⁹ Шесть воров (六賊 *лю цзэй*) – в буддизме шесть органов чувств (глаза, уши, нос, язык, тело и мысли-представления), которые формируют представления о чувственном мире и соотносятся с шестью индриями.

³⁰ «Сокровенная самка» (玄牝 *сюань пинь*) – символ первоначального рождения всего мира, истока всего сущего, Дао. В древности этот символ сопрягался с духами, что обитают в долинах: «Дух в долине никогда не умирает. И зовется это сокровенной самкой. Врата сокровенной самки зовутся корнем Неба и Земли» («Дао дэ цзин», § 6).

³¹ Весеннее вино (春酒 *чунь цзю*) – обычно особый сорт вина, который выдерживается с весны до наступления холодов. В данном случае, скорее всего, подразумевается слюна.

³² «Три изначальных» (三元 *сань юань*) – дух-*шэнь*, семя-*цзин*, пневма-*ци*. Восемь каналов (八脉 *ба май*) – восемь основных нечетных меридианов, которые принимают избыток крови (阳维 *ян вэй*, 阴维 *ян инь*, 阳跷 *янцяо*, 阴跷 *инь цяо*, передне-срединный 任 *жэнь*, 冲 *чун*, задне-срединный 督 *ду*, опоясывающий 带 *дай*).

тылькам, что летят на пламя свечи, или мухам, что привлечены [блеском расплавленного] олова. Мотыльки и мухи даже не понимают, что сами же губят себя».

Одна из опасностей такой практики самоуспокоения заключается в появлении либидозных желаний («возбуждение семени») и вообще в стремлении к плотским удовольствиям. Единственный выход заключается не в подавлении желаний, что породило бы еще большие привязанности, а в «трансформации семени», то есть его переводе в другое агрегатное состояние: «Сначала следует снаружи обуздать демонов семени, а внутри успокоить истинную природу. Затем, упражняя семя-цзин, трансформировать его в пневму-ци, упражняя ци, трансформировать его в дух, упражняя дух, вернуть его к пустоте».

В результате избавления от иллюзий, прерывания кармических причин и долговременной практики «сбережения видений», очищения духа и семени наступает формирование бессмертного зародыша: «Чудесность этого заключена в том, что дух поселяется в центре [тебя]. Подобно это тому, как два типа *ци* (*инь* и *ян*) соединяются в Желтом дворце³³, а три цветка смешиваются воедино в Изначальном отверстии³⁴ – тогда и формируется бессмертный зародыш³⁵. И тогда истинный дух преобразуется – ты выходишь за пределы жизни и смерти, и превосходя все, становишься един с Дао».

В дальнейшем текст описывает систему визуализации 12 образов, которые следует вызывать в уже успокоенном и опустошенном сознании. Это стихотворные наставления даосских учителей о смысле своих видений, фиксация мистического опыта, который должны воспроизводить последователи. Приведем одно из таких наставлений:

Мао Сюаньхань об укрощении дракона и тигра

Изначальное *ци*, что пребывает в сердце, драконом зовут.

Изначальное семя-цзин, что пребывает в теле, тигром зовут.

Если твоя изначальная природа обретает устойчивость,

То дракон вернется в воду.

Если чувства твои успокаиваются,

То тигр укроется в горах.

Когда эти двое объединятся и придут в гармонию,

Имя твое будет занесено в списки Бессмертных.

Примечательно, что все стихи так или иначе связаны именно с алхимическими трансформациями, то есть не соотносятся лишь только с успокоением сознания или «праздным отдыхом», что и является целью «искусства снов» Чэнь Туаня.

Метод Бай Юйчаня: «Сон без сновидений»

Если два вышеописанных метода рассматривались в качестве метода алхимических преобразований через контролируемое сновидение, то патриарх южного направления школы «Золотой пилуоли» (Цзиньдани-пай) мастер Бай Юйчань (白玉蟾, 1194–1229) считал сон скорее показателем общего состояния сознания человека и отражением его опыта дневной жизни. Как следствие, единственно правильный метод сна – избавление от любых сновидений или грез. Свой метод Бай Юйчань описывает в приписываемом ему [Anderl, Eifring, 2006, p. 195–207] трактате «Рассуждения о грезах» или «Рассуждения о сновидениях» (夢說 *Мэн-шо*) – небольшом тексте, который был включен в обширный трактат «Хуаньчжэнь цзи» –

³³ Два типа *ци* (二氣) – *ян-ци* и *инь-ци*, «Желтый дворец» (黃庭) – область в центре живота в центре живота или область в центре тела, включающая живот, сердце и селезенку – место «сплавления» двух начал, соответствующих триграммам *кань* и *ли*, где формируется бессмертный зародыш (聖胎).

³⁴ «Изначальное отверстие» (元竅 *юань цяо*) – предположительно область между бровями человека.

³⁵ Три цветка (三華): дух-шэнь, пневма-ци и семя-цзин.

«Собрание о возвращении к истине», который, в свою очередь, является частью «Дао цзана» (цз. 1074)³⁶.

Бай Юйчань проповедует достижение чистоты образов сна, что связано с предшествующим поведением человека. Его интересует природа сна и образы, которые в нем возникают. Как считает Бай Юйчань, сновидения рождаются из-за «трансформации *ци*». Отсюда же и важность того, кто контролирует сновидение: светлые души-хунь или темные души-по: «Когда начало *ян* господствует над *инь*, тогда и светлые души-хунь контролируют темные души-по, дух обретает сновидения, а видения становятся чистыми и светлыми. Когда *инь* господствует над *ян*, тогда темные души-по контролируют светлые души-хунь, а дух оказывается замутнен желаниями различных вещей. Поэтому в своих сновидениях ты погружаешься в смятение и хаос – темны они и беспросветны».

Бай Юйчань возвращается к раннему мотиву сна как возможности получения сверхтелесного опыта, причем только добродетельный человек способен достичь в своих снах истинного знания, например, так делали Шэнь-нун, Хуан-ди, Чжуан-цзы, Конфуций – «их дух *ян* сиял над массой *инь*³⁷, ослепительно яркий и невероятно чистый. И пускай обладали они сновидениями, но пребывали они вне этих сновидений – это и есть тайна проявления духа».

Бай Юйчань перечисляет пять каналов загрязнения сознания, которые полностью совпадают с концепцией «пяти корней» (五根 у *гэнь*) в буддизме: «Днем изначальный дух пребывает в голове. Когда глаза алчны, а взор нацелен на похотливое, то и дух загрязняется похотью. Это и есть грезы, что проникают через глаза. Когда уши алчны, а слух различает лишь [соблазнительные] звуки, то и дух загрязняется этими звуками. Это и есть грезы, что проникают через уши. Когда нос алчен и одержим ароматами, то и дух подавлен ароматами. Это и есть грезы, что проникают через нос. Если рот алчен и одержим разными вкусами, то дух загрязнен вкусовыми ощущениями. Это и есть грезы, что проникают через рот».

У обычного человека ночью грезы становятся неконтролируемыми и разрушающими сознание: «В ночное время дух возвращается и пребывает в сердце. Как только человек засыпает, земные души-по начала *инь* окутывают небесные души-хунь, и сновидения становятся сумрачным и смутными. Ты ничего не видишь, и все оказывается спутанным. Следуешь мыслями ты за метаморфозами собственных иллюзий (念幻), а поэтому, даже открывая глаза, ты продолжаешь пребывать во снах. И даже смыкая глаза, ты все равно продолжаешь грезить».

Очевидно, что сон здесь имеет отрицательную коннотацию, причем неважно реален ли этот сон или это лишь ощущение продолжения сна в состоянии бодрствования – и то, и другое является лишь псевдореальностью. Человек в результате заболевает и занимается саморазрушением – сон опасен, как и любое заблуждение. Он истощает себя: «Когда душа твоя не очищена, дух не способен сохраняться внутри обители, при солнце он будет сосредоточен, при луне – утомлен. Семя-*цзин* и дух-*шэнь* расходуются и рассеиваются, а сам [человек] погружается в шесть сфер перевоплощений³⁸ и входит в чертоги снов и иллюзий. Это то, что люди древности называли «корнем жизни и смерти». Когда лишь одна мысль создает сновидения и грезы, то она и есть корень жизни и смерти».

³⁶ Мэншо («Рассуждения о грезах» 夢說) в «Хуаньчжэнь цзи» («Собрание о возвращении к истине» 還真集) // China text project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=380264#夢說>. (дата обращения 12.03.2020).

³⁷ Масса *инь* (цзюнь *инь*) – означает любые проявления начала *инь*. Это выражение встречается в даосских текстах, например в «Ляуши чунцю» – «Весны и осени господина Ляу» (ок. III в. до н. э.), разделе «Цзин тун» – «Тончайшее проникновение», где сказано, что «луна является основой всей массы *инь*». China text project. URL: <https://ctext.org/lv-shi-chun-qiu/jing-tong/zh> (дата обращения 12.03.2020).

³⁸ Шесть сфер перевоплощений (六趣 *люцю*) – в буддизме шесть кругов (гати) перевоплощений: круги ада, голодных духов, животных, демонов асуров, человеческого существования и небесного существования.

Бай Юйчань проповедует единственно возможный выход из этой ситуации, который заметно отличается от методов стимулирования видений Чэнь Туаня – сон без сновидений (無夢): «человек, что занимается великими практиками, не имеет сновидений. Что днем, что ночью он полностью избавлен от тревог... [Если твой дух] превосходит *инь* и *ян*, откуда же взяться снам?».

Как добиться этого – сна без грез, сна в пустоте? Только одним способом – осознать свой сон: «Человек, что постигает Дао, если сможет во сне понять, что это лишь сон, станет его правителем. Выходит он за пределы жизни и смерти и более не может быть покрыт даже началами *инь* и *ян*. Изучивший это получит истинное наслаждение!».

Как видим, метод Бай Юйчаня также представляет собой контролируемое сновидение, но уже очевидно апофатического, пустотного, беспредметного свойства.

Сон в даосизме после X в. стал пусть не ключевым, но весьма важным методом алхимической практики, представлял, по сути, методику контролируемых сновидений и визуализации образов. В этом плане представления о «сне» в контексте даосской практики исключительно как о философско-эстетической категории оказываются слишком однобоки. Сон не имел никакого отношения к реальному засыпанию человека, но представлял собой многоуровневую методику стимулирования возникновения и осознания образов в сознании, которое находится в полусонном состоянии. Контроль духа-*шэнь* даже над ночными видениями являлся продолжением самоконтроля даоса днем, при этом за счет различных психосоматических методов сон и явь воспринимались как единый, неразличимый континуум, а различные «похотливые желания» изгонялись из сознания. Это явилось «техническим» воплощением ранних даосских идей о сне как «мистическом путешествии», об «утрате тела». Очевидно, что методики заметно различались: от «сна без сновидений» Бай Юйчаня и методов «игры с образами» через практику *даоинь* Чэнь Туаня до многодневных бодрствований в школах Цюаньчжэнь, когда «лишь кажется, что спишь», но при этом порождает трансформации внутри тела. Однако все это было частью общей алхимической традиции, и главная цель заключалась в стирании грани между сном и явью, деактуализации собственного «эго» для стимулирования формирования внутри тела «чудесного средства». Техника контролируемого сна не существовала в отрыве от общей алхимической практики и была скорее ее дополнением, чем центральной частью. Сам по себе сон, т. е. неконтролируемое погружение человека в мир образов и следов сознания, в этот момент обращался в свою противоположность – похожую, но не тождественную – в колоссальную работу духа для полной трансформации в «бессмертного».

Список литературы

- Малявин В. В. Чжуан-цзы. М.: Мысль, 1985. 310 с.
- Маслов А. А. Трансформативная посвятельная традиция в даосизме и концепция *сяня* // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 9–24. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-9-24
- Anderl C, Eifring H., (eds.) Studies in Chinese Language and Culture: Festschrift in Honour of Christoph Harbsmeier on the Occasion of His 60th Birthday. Oslo: Hermes Academic Publishing, 2006. P. 195–207.
- Despeux C., Kohn L. Women in Daoism. Cambridge, MA: Three Pines Press, 2003. 296 p.
- Despeux C. Taoism and Self Knowledge. Leiden: Brill, 2018. 312 p.
- Goossaert V. Poèmes taoïstes des cinq veilles // Études Chinoises: Association française d'études chinoises, 2000. Vol. XIX, no. 1–2. P. 249–270.
- Holecsek A. Dream Yoga: Illuminating your life through lucid dreaming and Tibetan yogas of sleep. Boulder CO, 2016. 352 p.
- May B., Wang M. and Tomoda T. The life of Ma Dan Yang // Journal of the Australian Chinese Medicine Education and Research Council. 1999. Vol. 4, no. 6. P. 12–16.

- Norbu N.** Dream Yoga and the Practice of Natural Light. [Ithaca, NY]: Snow Lion Publications, 2002. 167 p.
- Waggoner R., McCready C.** Lucid Dreaming, Plain and Simple: Tips and techniques for insight, creativity, and personal growth. San Francisco: Conari Press, 2015. 224 p.
- Даоцзя цзиньши люэ / Чэнь юань бяньцзуань, чэнь чжичао, цзэн цинъин [道家金石略 / 陈垣编纂, 陈智超、曾庆瑛校补]. Собрание даосской эпиграфики / Сост. Чэнь Юань, доп. замечания Чэнь Чжичао, Цзэн Цинъин цзяобу. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1988. 1409 с. (на кит. яз.)
- «Люй цзу цюаньшу» люши сы цзюань / Тан люй янь сюань, цин шао чжилинь цзицзи [《吕祖全书》六十四卷 / 唐吕崑撰, 清邵志琳集辑, 乾隆四十年武林王氏刊本]. Полное собрание книг Предка Люй [Дунбиня] в 64 цзюанях / Создано Люй Янем (дин. Тан); сост. Шао Чжилинем (дин. Цин). Изд-во Улинь г-на Вана [Ван Люйцзе], 1776 (репринтное издание 2015). 2362 с. (на кит. яз.)
- Чжунхуа даоцзяо да цыдянь [中華道教大辭典 / 胡孚琛主編]. Большой словарь китайского даосизма / Сост. Ху Фучэнь. Пекин: Изд-во Академии обществ. наук, 1995. 2362 с. (на кит. яз.)

References

- Anderl C., Eifring H.** (eds.) Studies in Chinese Language and Culture: Festschrift in Honour of Christoph Harbsmeier on the Occasion of His 60th Birthday. Oslo: Hermes Academic Publishing, 2006, pp. 195–207.
- Despeux C.** Taoism and Self Knowledge. Leiden, Brill, 2018. 312 p.
- Despeux C., Kohn L.** Women in Daoism. Cambridge, MA, Three Pines Press, 2003. 296 p.
- Goossaert V.** Poèmes taoïstes des cinq veilles. *Études Chinoises: Association française d'études chinoises*, 2000, 19 (1–2), pp. 249–270.
- Holecsek A.** Dream Yoga: Illuminating your life through lucid dreaming and Tibetan yogas of sleep. Boulder CO, Sounds True, 2016. 352 p.
- Maliavin V. V.** Zhuang-zi. Moscow, Misl publishing house, 1985. 310 p. (in Russ.)
- Maslov A. A.** Tradition of transformative initiation in Taoism and the concept of *xian*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, pp. 9–24. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-9-24
- May B., Wang M., Tomoda T.** The life of Ma Dan Yang. *Journal of the Australian Chinese Medicine Education and Research Council*, 1999, 4 (6), pp. 12–16.
- Norbu N.** Dream Yoga and the Practice of Natural Light. [Ithaca, NY], Snow Lion, 2002. 167 p.
- Waggoner R., McCready C.** Lucid Dreaming, Plain and Simple: Tips and techniques for insight, creativity, and personal growth. San Francisco, Conari Press, 2015. 224 p.
- Daojia jinshi lue / Chen yuan bianzuan, chen zhichao, zeng qingying jiaobu [道家金石略 / 陈垣编纂, 陈智超、曾庆瑛校补]. Collection of Daoist Epigraphy. Compiled by Chen Yuan, additional materials by Chen Zhichao, Zeng Qingying. Beijing, Wenwu chubanshe, 1988. 1409 p. (in Chin.)
- “Lüzu quanshu” liushi si juan, tang lü yan zhuan, qing shao zhilin jiji [《吕祖全书》六十四卷, 唐吕崑撰, 清邵志琳集辑, 乾隆四十年武林王氏刊本]. The Complete Collection of Books of the Ancestor of Lü [Dongbin] in 64 juans. Created by Lü Yan (Tang dynasty), compiled by Shao Zhilin (Qing dynasty). Wulin publishing house of the Wang family, 1776 (reprinted edition 2015). (in Chin)
- Zhonghua daojiao da cidian цзяо / Hu fucheng zhubian [中華道教大辭典 / 胡孚琛主編]. Complete Dictionary of Chinese Taoism, ed. by Hu Fucheng. Beijing, Academy of Social Sciences Press, 1995. 2362 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Алексей Александрович Маслов, доктор исторических наук, профессор

Information about the Author

Alexey A. Maslov, Doctor of Sciences (History), Professor

*Статья поступила в редакцию 30.08.2021;
одобрена после рецензирования 22.09.2021; принята к публикации 08.10.2021
The article was submitted 30.08.2021;
approved after reviewing 22.09.2021; accepted for publication 08.10.2021*

Научная статья

УДК 94(510):008 + 7.03(510)

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-24-37

Основные этапы развития ароматической культуры Китая

Елена Эдмундовна Войтишек

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

e.voitishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

Аннотация

В статье представлен обзор основных этапов и тенденций развития ароматической культуры Китая с древности до современности. Данная сфера представляет собой сложный комплекс историко-культурных явлений, охватывая религиозно-магическую обрядность, санитарно-гигиеническую сферу, область традиционной медицины, совокупность духовно-целительных, художественных и игровых практик, ритуалов даосско-буддийского и конфуцианского характера.

За несколько тысячелетий в Китае накоплен колоссальный опыт использования ароматического сырья растительного, минерального и животного происхождения: написаны тысячи трактатов и справочников, изучены свойства отдельных благовоний и их сочетаний, составлены подробные классификации, выработаны принципы религиозных культов и обрядовых практик. Вместе с прикладным значением благовоний развивалось и эстетическое отношение к ароматам, что неоднократно обеспечивало периоды бурного расцвета ароматической культуры в древности, средние века и на пороге Нового времени. В настоящее время традиционная ароматическая культура в Китае переживает период подъема и возрождения. Это предоставляет широкие возможности ее изучения в разных областях знания, что свидетельствует об актуальности и многоаспектности изучения данной темы.

Ключевые слова

ароматическая культура, благовония, Китай, история культуры, этапы развития

Для цитирования

Войтишек Е. Э. Основные этапы развития ароматической культуры Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 24–37. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-24-37

The Main Stages of the Development of Incense Culture in China

Elena E. Voytishek

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

e.voitishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

Abstract

The article provides an overview of the main stages and trends in the development of the incense culture of China from antiquity to the present day. It covers religious and magical rituals, sanitary and hygiene, traditional medicine, a set of spiritual, healing, artistic, and game practices and rituals of Taoist-Buddhist and Confucian character. In China, over several millennia, a colossal experience has been accumulated in terms of the use of aromatic raw materials of plant, mineral and animal origin: thousands of treatises and reference books have been written, the properties of individual incense and their combinations have been studied, detailed classifications have been drawn up and principles of religious cults and ritual practices have been developed. Along with the applied value of incense, an aesthetic attitude toward incense aromas also developed, which repeatedly ensured periods of rapid flourishing of incense culture

© Войтишек Е. Э., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 24–37

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 24–37

in antiquity, the Middle Ages and on the cusp of the New Age. Currently, the traditional aromatic culture in China is experiencing a period of upsurge and revival. This provides ample opportunities for its study in various fields of knowledge, which indicates the relevance and multidimensional nature of the study of this topic.

Keywords

incense culture, fragrance, China, cultural history, stages of development

For citation

Voytishek E. E. The Main Stages of the Development of Incense Culture in China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 24–37. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-24-37

Введение

Культура ароматов (香文化 *сян вэньхуа*) сопровождала историю Китая с глубокой древности. Она издавна играла важную символическую и социокультурную роль, отражая общие тенденции развития культуры в разные исторические периоды. Постепенно совершенствуясь вместе с развитием общества, к настоящему времени она стала неотъемлемой частью китайской традиции. Через взаимодействие между различными конфессиями, множеством философских школ и направлений, а также вместе с эволюцией материальной культуры в Китае была создана сложнейшая система, включающая уникальные собрания благовоний, серьезные труды по изучению их свойств, художественные произведения, выражающие благоговение и восхищение перед ароматами. Вместе с изобретением техники смешивания ароматического сырья и специй, с изготовлением всевозможных курильниц и разнообразного инструментария в Китае много внимания уделяли вопросу развития нравственных качеств человека, воспитанию его сознания и психики, распространению и пропаганде «элегантного стиля жизни», подразумевающего наслаждение ароматами [Войтишек, Яо Сун, 2018, с. 510–511]. В сочетании с опытом предшествующих поколений и накопленным интеллектуальным багажом культура ароматов превратилась в важнейший ориентир для изучения подлинных ценностей традиционной китайской культуры.

Ниже представлен краткий исторический экскурс в историю развития ароматической культуры в Китае. Данный обзор составлен в соответствии с династийным принципом китайской историографической традиции.

Период 1. Зарождение: эпоха древности Шан-Чжоу (XVI в. – 256 г. до н. э.)

В Китае познакомились со свойствами ароматических веществ очень рано – во времена, задолго предшествующие эпохе Цинь, на фоне длительной традиции их использования, зародившейся еще в период неолита и укрепившейся в эпохи Чуньцю и Чжаньго (VIII–III вв. до н. э.), когда люди наблюдали за свойствами растений и веществ, которые под термическим воздействием начинали источать различные запахи.

Китайские исследователи истории благовоний склонны относить начало их сознательного применения к неолиту. Они упоминают археологические находки (древесину, травы, зерно, керамические и каменные изделия, останки жертвенных животных) возрастом в 5500–6000 лет, называя их 燎祭 *ляоцзи* (букв. «жертвоприношения на огне») ¹. Иероглиф 香 *сян* («благовоние», «аромат») первоначально обозначал запах зерна (преподнесение божествам зерна – то-

¹ Авторитетный словарь «Происхождение китайских иероглифов» 说文解字, составленный при династии Хань в 121 г., свидетельствует о том, что уже в эпоху Шан (XIV–XI вв. до н. э.) на древнейших письменах *цзягу-вэнь* встречался целый ряд понятий, связанных с возжиганием ароматических предметов. Знак 香 на надписях *цзягу-вэнь* реконструируется как колос проса в сосуде со зрелыми зернами в виде точек. Происхождение знака 香 связывается с волнующим ароматом, исходящим от нагретого зрелого зерна проса, одного из первых злаков, возделывавшихся в Древнем Китае [Хуашо ханьцзы, 2010, с. 389].

же известный с древности способ жертвоприношения). В дальнейшем происходило расширение границ значения этого знака – начиная с династии Восточная Хань, иероглиф 香 стал применяться и для обозначения любых видов ароматических лекарств и веществ.

Церемонии жертвоприношений эпох Западного Чжоу и Чуньцю (XI–V вв. до н. э.), сохраняя неизменными традиции предыдущих поколений, в основном представляли собой сжигание ароматной древесины, сельдерейной полыни, жертвенных предметов-*ляоцзи*, поднесение ароматного вина (鬯 *чан*) и зерна². Обряд жертвоприношения с поднимающейся струйкой дыма (ритуал 燔柴 *фаньчай*) подразумевал сожжение сложенной горкой древесины, на которую помещали куски нефрита (玉 *юй*), шелковую ткань (帛 *бо*), жертвенных животных (牺牲 *сишэнь*) [Фу Цзинлян, 2011, с. 8].

Эпоха Чжаньго (V–III вв. до н. э.) отмечена появлением большого количества ритуальной утвари, среди которой значительное место занимали курильницы (керамические, бронзовые, нефритовые), традиции изготовления которых были развиты в дальнейшем в эпоху Хань [Там же, с. 13–15]. При этом благовонные растения и травы использовались в различных очистительных ритуалах, в санитарно-гигиенических целях, для отпугивания насекомых и борьбы с плесенью в условиях жаркого и влажного климата (регулярное использование благовоний в бытовых целях начнется только с периода Западной Хань).

Период 2. Становление: между эпохами Цинь, Хань и Цзинь (221 г. до н. э. – 420 г. н. э.)

В периоды Цинь, Хань и Цзинь происходило дальнейшее развитие техники использования благовоний. С развитием представлений о свойствах ароматических деревьев и растений совершенствовались и методика приготовления благовоний, и способы «слушания ароматов», и технология изготовления бронзовых и керамических курильниц. Наследуя традиции создания бронзовых и керамических изделий эпохи Чжаньго, мастера стали изготавливать разнообразные жаровни и курильницы, различную утварь для воскурения благовоний.

Династия Хань считается первым из двух периодов (наряду со временем династии Сун – почти через тысячу лет) высшего расцвета культуры благовоний. Именно в этот период территория Китая стала прирастать новыми территориями. При ханьском императоре У-ди (汉武帝, 156–87 гг. до н. э.) были присоединены юго-западные районы, земли Миньюэ (государство на территории современной провинции Фуцзянь), Линнань (ныне – территории провинций Гуандун, Гуанси и северного Вьетнама), тем самым в состав Западной Хань вошли территории, где произрастали ароматические деревья, из древесины, масла и смолы которых традиционно производили благовония. Императорская миссия Чжан Цяня (张骞, умер ок. 113 г. до н. э.) в западные регионы инициировала открытие континентальных маршрутов Шелкового пути, что дало толчок к развитию торговли и культурных контактов между Востоком и Западом. Ароматическая культура пустила корни в Китае в том числе и благодаря проникновению благовоний и специй с Запада: туда начали проникать ароматические вещества из Индии, арабских стран и Европы (амбра, стиракс и другие), с побережья и островов Тихого и Индийского океанов, полуострова Индокитай, которые обогатили набор лечебных средств и благовоний Китая³.

² Описания жертвоприношений с применением ароматических веществ, упоминания о свойствах различных ароматов, рецепты благовоний и рекомендации по их применению встречаются во многих канонических текстах – «Книге песен» (诗经 *Ши цзин*), «Книге ритуалов» (礼记 *Ли цзи*), «Книге гор и морей» (山海经 *Шаньхай цзин*), «Чуские строфы» (楚辞 *Чу цы*), «Трактат Желтого императора о внутреннем» (黄帝内经 *Хуанди нэйцзин*) и др.

³ Ароматическое сырье добывали на юге, на территории современных провинций Гуандун, Гуанси, Цзянсу, Чжэцзян, Юньнань, Фуцзянь, Хунань, Цзянси, а также на о-ве Хайнань. При этом зачастую благовония не производились там, а были привозными товарами, которые вместе со специями поступали через южные провинции Гуандун, Фуцзянь и Хайнань, служившие основными морскими портами древнего Китая.

К 110 г. до н. э. южные территории современного Китая (о-в Хайнань, провинции Гуандун и Гуанси), а также районы нынешнего северного Вьетнама, где до сих пор в большом количестве произрастают различные виды аквиларии⁴, вошли в ханьское приграничье. Изысканный аромат аквиларии быстро вошел в моду среди западноханьских аристократов и в высшем обществе южных провинций⁵. Среди заморских благовоний именно аквиларии в силу ее необыкновенных качеств суждено было быстро приобрести большую популярность и занять центральное место в религиозных, бытовых и оздоровительных практиках.

В эпоху Хань считалось, что привозное ароматическое сырье (древесина аквиларии и сандалового дерева, амбра, душистая смола мастикового дерева и пр.) обладало более насыщенным ароматом, чем местное травянистое, а потому отличалось ярко выраженным целебным эффектом. В связи с этим привозное сырье постепенно вытеснило традиционные душистые местные травы.

Распространение привозного ароматического сырья привело к тому, что, начиная с эпохи Хань, в бытовых и религиозных нуждах стали использоваться другие виды курильниц, форма которых оказалась более адаптирована для вязкой текстуры и насыщенного, терпкого дыма импортного сырья. В связи с этим изменился и внешний вид самих курильниц – крышка приобрела более вытянутую форму, дымовые отверстия стали уже в диаметре. Узкие отверстия в крышке таких курильниц замедляли отток воздуха, что создавало благоприятные условия для длительного тления ароматических веществ [Сунь Чжанфэн, 2015, с. 95–97].

Очевидно, возникновение таких сосудов было вызвано запросами и нуждами общества, а также распространением в среде знати мистических учений и практик, связанных с обретением бессмертия. Косвенным доказательством этого предположения является большое количество курильниц, найденных в захоронениях эпохи Хань. Среди находок выделяется особый тип курильниц 博山炉 *бошаньлу* с крышкой в виде горы, которые можно считать своеобразными предшественниками всех курильниц, известных в Китае [Чэнь Цингуан, 1994, с. 33–36]⁶. Дизайн этих изделий был связан с даосскими представлениями о физическом бессмертии. Курильницы *бошаньлу* обычно изготавливали из металла или керамики, при этом верхнюю часть (крышку) оформляли в виде горы (仙山 *сяньшань*), где, по даосским понятиям, обитали бессмертные. В оформлении крышки присутствуют выгравированные фигурки ле-

⁴ Аквиларию (沉香 *чэньсян*) изначально называли 沈木香 *чэньмусян* (букв. «аромат тонущего дерева»), подразумевая тот факт, что древесина, пропитанная смолой, тонет в воде. Благовония со сладковатым пряным запахом, полученные из древесины аквиларии, называли «древесным медом» (木蜜 *муми*), «древесным благовонием» (木香 *мусян*).

⁵ Будучи горячим поклонником древесины аквиларии, ханьский император У-ди во многом поспособствовал распространению обычая использования благовоний. В результате древесина аквиларии очень рано стала применяться при дворе в Западной Хань, а при династиях Вэй и Цзинь уже регулярно упоминалась в книгах по ботанике и медицине как чудодейственное лекарственное средство [Фу Цзинлянь, 2011, с. 24–25; 34–36]. Такое обилие растительного сырья обеспечило расцвет культуры благовоний при династии Хань, о чем есть многочисленные свидетельства в ханьских источниках. Из труда историографа Бань Гу (32–92) «История ранней династии Хань» (前汉书) можно узнать, что торговля благовониями была одной из главных на маршрутах Шелкового пути. В «Поздней истории династии Хань» (后汉书), написанной Фань Е (398–445), есть раздел «Дворец императрицы и рецепты благовоний» (后宫和香方), где подробно описываются основные ханьские благовония в виде мазей (香膏), порошков (香粉), пилюль (香丸) и различные ароматические лекарства, в том числе смешанные благовония (некоторые рецепты из них уже утрачены). См. [Беседы с Фу Цзинлянем о китайской культуре благовоний. Серия 5. Благовония династии Хань (傅京亮 五：汉代香的前世今生) // URL: http://www.youtube.com/watch?v=Nxx9J6U_hsk] (дата обращения 24.07.2021).

⁶ Название горы Бошань 博山 (букв. «универсальная гора») связывалось с мифологическими представлениями древних китайцев о двух важнейших обителях бессмертных небожителей – на священной горе на острове Пэнлай 蓬萊 в заливе Бохай в Восточном море, а также на горе Тайшань 泰山 в провинции Шаньдун, одной из пяти священных гор даосизма, являющейся символом верховной власти императора и величия мироздания.

гендарных святых и мифологических животных, а среди горных пиков искусно замаскированы отверстия, через которые выходит ароматный дым от благовоний⁷.

Свидетельствами распространения в обществе благовоний и обычая их возжигания в курильницах являются археологические находки во многих захоронениях эпохи Хань. Эти находки позволяют предположить, что в ханьское время использование благовоний и курильниц уже прочно вошло в обиход, их применяли при лечении болезней и обеззараживании помещений. Использование ароматической древесины и различных видов курильниц для окуривания комнат, одежды, постельных принадлежностей, тканей стало обыденным явлением – приятный аромат не только изгонял дурной запах, но дарил ощущение чистоты и радости.

Применение ароматических средств во время собраний и пиров тоже стало одним из способов наслаждения жизнью. Со временем чисто утилитарное отношение к благовониям и ароматам трансформировалось в возвышенный культ, призванный служить добру и благородным целям. Изготовление благовоний согласовывалось с нормами поведения: к их выбору, рецептуре, методам приготовления подходили очень серьезно, считая, что правильно составленное благовоние помогает совершенствованию тела и духа. При этом если в древности использовали только «одиночные благовония», состоящие из одного ингредиента (单香 *дансян*), то с эпохи Хань появились смешанные благовония (合香 *хэсян*). Их составляли в соответствии с учениями об *инь* и *ян*, пяти стихиях, параллелях и меридианах человеческого тела.

В период расцвета культуры благовоний при Восточной Хань применение душистых снадобий стало неперенным и очень важным компонентом дворцового церемониала⁸. Во время погребальных церемоний тоже не обходилось без благовоний – тело усопшего умащивали благовонными мазями, в гроб закладывали куски ароматической древесины, что препятствовало процессам гниения, надолго сохраняя нетленным тело.

С позднего периода династии Восточная Хань (25–220 гг. н. э.) упоминания о благовониях стали все чаще встречаться в письменных памятниках: книгах по медицине, географии, ботанике, истории, литературе, в энциклопедиях и трудах буддийских и даосских монахов. В этот период продолжились поиски методов самосовершенствования, эликсира бессмертия и способа его изготовления. Ритуалы воскурения благовоний, омовение в ароматических настоях были неперенным атрибутом этих поисков и алхимических опытов⁹.

В конце эпохи Хань лучшие виды благовоний стали цениться так же высоко, как зеркала, драгоценные шпильки, шелковые ткани, цитры *цин* и другие предметы роскоши, дополнив собой ряд настоящих сокровищ, которые в Азии прочно ассоциировались с китайской культурой.

⁷ Этот вид курильниц просуществовал около 700 лет, сохранив свою популярность вплоть до V–VI вв. В эпоху Северных и Южных династий, или Наньбэйчао (420–589) курильницы с рельефом в виде гор были так популярны, что само слово *бошаньлу* стало употребляться в значении «сосуд для воскурения благовоний» или «благовония» [Фу Цзинлянь, 2011, с. 20–22].

⁸ Специальные слуги окуривали благовониями помещения и самих посетителей перед их визитом к государю; чиновники всех рангов использовали ароматизированные платки и одежды; во время докладов высочайшим лицам чиновники держали во рту благовония (口含香 *коухансян*) – сушеную гвоздику, смолу камфорного или масличного дерева. Придворные ханьского Китая пробовали свои силы и в смешении различных трав, предвосхищая изобретение множества растительных рецептов и формул, которые позже были опробованы в основных ароматических смесях [Pease and Harmony, 2011, p. 176].

⁹ В знаменитом труде по медицине – «Каноне травоведения Священного земледельца» (神农本草经 *Шэнь-нун бэньцао цзин*), составленном в эпоху Восточная Хань, – отражены способы борьбы народа с болезнями, практикующиеся с древности. В трактате описано 365 видов лекарственных веществ (среди них – мускус, кирказон слабый, девясил, коричник, дудник, орхидея, белая полынь и др.), подробно перечислены их свойства. Указано, например, что мускус устраняет дурной запах, изгоняет злых духов, помогает от бессонницы; дудник и дягиль лечат от астмы, оказывают успокоительное действие при испуге или гневе; борщевик шероховатый оказывает увлажняющее действие на кожу, помогает регенерации кожных покровов и мышц (цит. по: [Фу Цзинлянь, 2011, с. 30]).

Фактически к этому этапу китайская историография зачастую относит не только время правления династий Западной и Восточной Цзинь (265–420), но и периоды Шести династий, или Лючао (229–589), а также Южных и Северных династий, или Наньбэйчао (420–589). Для всех этих периодов характерны свои региональные особенности историко-культурного развития, в том числе и те, которые касаются традиции использования благовоний. Однако здесь уместно говорить лишь об основных тенденциях развития ароматической культуры, которые, беря свое начало с древности, предваряют дальнейший ее взлет в эпохи Тан (618–907) и Сун (960–1279).

В это время большую роль в распространении аромакультуры сыграло влияние даосизма и набирающего силу буддизма с его развитым культом благовоний как формы благодарения Будды и божеств буддийского пантеона, когда продолжали ввозиться новые виды благовоний и специй, совершенствовались способы и приемы их использования [Чжан Хайя, 2010, с. 21–31; Чжоу Цзячжоу и др., 2010, с. 1–2]. С появлением практики окуривания одежды ароматным дымом и активным строительством буддийских храмов и монастырей в V–VI вв. была заложена традиция использования разнообразных курильниц в повседневной жизни.

Период 3. Достижение зрелости: эпохи Суй и Тан (581–907)

Во времена правления династий Суй и Тан наступившее после раздробленности объединение страны дало развитие транспортному сообщению по морю и по суше, что обусловило и стремительное развитие экономики и культуры Китая. Прирост территорий и оживление торговых контактов обеспечили резкий взлет интереса к ароматическим веществам и благовониям, что привело в конечном итоге к формированию культуры благовоний 香文化 *сян вэньхуа* и даже искусства благовоний 香艺 *сян и*. Этот период стал временем систематизации знаний о благовониях, изучения способов их изготовления и применения.

Несмотря на то что при династиях Суй и Тан в целом сформировалось представление о свойствах и функциях ароматических веществ, а также существенно расширилась сфера использования благовоний, еще нельзя говорить об их распространении среди простого народа. При этом утварь для возжигания благовоний становилась все проще, поскольку использовалась в основном для бытовых нужд, а не как предмет роскоши. Однако было немало и утвари высокого класса, востребованной представителями высших сословий.

Неслучайно использование благовоний стало важной составляющей дворцовых ритуалов¹⁰.

Эпоха Тан вошла в историю как эпоха расцвета буддизма. При династии Тан в главные религиозные буддийские праздники государь жаловал своим министрам, женам, принцессам и наложницам лекарственные благовония, душистые мази, кремы, губную помаду и разную праздничную утварь. В повседневный обиход знати вошел обычай воскурения благовоний, использования саше, душистых мазей и кремов, чая, пропитывания одежды благоуханным дымом, омовения в ароматических настоях¹¹.

В это время на фоне изучения религиозных воззрений и опыта проведения даосско-буддийских практик интеллектуальная элита, ученые-книжники, лекари накопили значительный

¹⁰ По свидетельству «Новой истории династии Тан» (新唐书 *Синь Тан шу*), были созданы специальные службы, которые ведали ароматическими снадобьями и воскурением благовоний, а именно – Высшая служба покоев (尚舍局 *Шаньшэцзюй*) и Высшая служба врачеваний (尚药局 *Шаньяоцзюй*) [Фу Цзинлянь, 2011, с. 60]. Э. Шефер тоже упоминает о важной символической роли курений при императорском дворе, когда во время больших приемов в зале для аудиенций раскладывали старинные одеяния и церемониальные ковры, а перед Сыном Неба помещали «стол благовоний». Чиновники вставали перед этим столом и, овеянные магическим благоуханием, приступали к вершению государственных дел [Шефер, 1981, с. 210].

¹¹ У Букун. Благовония и китайская традиционная культура благовоний, медицина и возвращение жизни (悟不空. 香与中国传统文化及医理、养生) // Китайская социальная сеть Доубань. URL: <http://www.douban.com/group/topic/10802786/> (дата обращения 21.06.21).

объем знаний относительно свойств ароматических веществ, их медицинских функций, сведений о местах произрастания и добычи благовоний растительного и животного происхождения, техники смешивания компонентов и пр. Тогда же было написано большое количество специальных трудов по ароматерапии, а также справочников и энциклопедических сводов, где обязательно присутствовали разделы, связанные с культурой благовоний¹².

К танскому времени благовония и ароматическое сырье стали важной экспортной продукцией для многих уездов и провинций Китая – этому способствовало активное развитие торгово-экономических отношений с другими странами. Из стран Арабского халифата, из Индии и Юго-Восточной Азии через арабских и персидских купцов, осевших в таких крупных городах, как Чанъань, Лоян, Кайфын, Гуанчжоу, Ханчжоу, Янчжоу, поступали многие лекарственные благовония.

Постепенно совершенствовались формы курильниц, становились более разнообразными сами материалы и сюжеты, используемые при их изготовлении. Вместе с многолетним импортом благовоний с Запада это привело к созданию прочной социальной основы для развития аромакультуры [Чжан Хайя, 2010, с. 21–31].

Экономические достижения, социальная стабильность и в целом рост благосостояния в обществе позволили со временем занятиям искусством благовоний превратиться в изысканное развлечение и изысканное времяпрепровождение¹³.

Таким образом, эпоха Тан во многом подготовила второй в истории Китая расцвет культуры благовоний, произошедший во времена династии Сун.

Период 4. Расцвет: эпохи Сун и Юань (960–1368)

Установление династии Сун (960–1279) ознаменовалось невиданным развитием науки, техники, экономики, словесности, различных искусств, вследствие чего культура благовоний в Китае в это время тоже достигла высочайшего уровня. Наследуя традиции предыдущих эпох, ароматы и благовония стали активно использоваться в разных сферах: они стали обязательным атрибутом дворцовых пиров, свадебных и похоронных церемоний, религиозных обрядов и чайных ритуалов.

Вместе с развитием кораблестроения и мореходства активизировалась торговля по морю с другими странами, резко возрос объем импортируемых благовоний¹⁴. Во дворцах устраивали специальные хранилища для лекарств и благовоний (香药库 *сяньяо ку*), где специаль-

¹² В числе знаменитых трудов можно упомянуть сборник «Классифицированное собрание произведений искусства и литературы» (艺文类聚 *Ивэнь лэйцзюй*), среди 48 тематических рубрик которого немало разделов отведено благовониям и лекарственным травам; справочники по травам «Вновь вышитые корни и травы» (新绣本草 *Синьсю бэньцао*, 656–661) и «Дополнения к травнику» (本草拾遗 *Бэньцао ши*, 741), «Рецепты ценою в тысячу золотых» (千金要方 *Цяньцзинь яофан*), «Дополнение к рецептам ценою в тысячу золотых» (千金翼方 *Цяньцзинь ифан*) и др.

¹³ Интеллектуалы танского времени не мыслили своей жизни без благовоний, воскуряли их во время сочинения стихов и эссе, считали их друзьями в учении и отдыхе. В среде приближенных ко двору аристократов, объединенных интересом и любовью к благовониям, сформировался специфический вид собраний, когда их участники приносили на встречи разные виды ароматического сырья, экспериментировали в смешивании компонентов, сравнивали и угадывали различные ароматы. Такие встречи, предполагающие изысканную атмосферу наслаждения благовониями, назывались «состязания в составлении благовоний» (香会 *сянхуэй*, 斗香 *доусян*, 比香 *бисян*). Эти состязания, проводившиеся в виде торжественных и пышных церемоний, при династии Тан проникли через Корею в Японию и в дальнейшем там привели к становлению национального искусства «путь аромата» (яп. 香道 *ко:до:*) [Линь Жуйсюань, 2008, с. 40–57; Войтишек, 2011, с. 187–209].

¹⁴ Появились даже специальные суда для перевозки благовоний по морю за границу – 香船 *сянчуань* («благоухающие корабли»), которые тысячами скапливались в южных портах Китая. С начала эпохи Сун были созданы Управления морской торговли (市舶司 *шибосы*) для контроля грузоперевозок и сбора пошлины за ввозимый товар. Чиновники Управления заведовали внешней торговлей, следили за перемещениями таких категорий товаров роскоши, как керамика и фарфор, шелк, чай, рог носорога, слоновая кость, целебные благовония [Фу Цзинлян, 2011, с. 74–75].

ные чиновники следили за доставкой благовоний в государевы сокровищницы. Доход от продажи благовоний был основным источником для процветания Южной Сун.

Вместе с тем аромакультура перестала быть привилегией только высших социальных слоев – использование благовоний и наслаждение ароматами вошли в повседневную жизнь простых людей¹⁵.

Не осталась в стороне от процесса популяризации благовоний и сфера культуры¹⁶. В кругу художников, литераторов и «людей культуры» *вэньжэнь* были изобретены изысканные способы воскурения ароматических порошков и наслаждения благовониями. Едва ли не высший расцвет средневековой китайской поэзии на тему ароматов также приходится на эпоху Сун – эти стихи отличаются высочайшим качеством и разнообразием, необыкновенной утонченностью и изысканностью. В это время появилось множество руководств, трактатов, сборников рецептов, каталогов, инструкций, касающихся содержания и техник проведения церемоний воскурения различных благовоний¹⁷. К этим трудам примыкает ряд сочинений в жанре географических и этнографических очерков, написанных китайскими политиками, купцами и путешественниками, которые по разным причинам оказались за пределами империи. Наряду с этим необыкновенного расцвета достигло развитие буддийской и мировоззренческой эстетики, некоторым идеям которой суждено было большое будущее в культуре и искусстве целого региона¹⁸.

Военно-морское могущество империи Сун послужило важным фактором для развития политического и экономического влияния династии Юань на другие страны региона. Династии Юань удалось сохранить приоритет в торговле благовониями и развить господство на морских просторах, которое до этого удерживалось купцами с Ближнего Востока. В это время внешняя торговля процветала под покровительством монгольского двора, который видел в них главное средство увеличения своего дохода [Lo Jung-Pang, 2012, p. 313–316]. Политика правителей Юань заключалась в получении золота, серебра, драгоценных камней, благовоний, специй и других сокровищ от вассальных государств в форме дани или в обмен на китайские товары и бумажные купюры. В этом императорскому двору Юань помогали торговцы, которые финансировали строительство и оснащение кораблей для военно-морского флота, содействовали в управлении внешней торговлей и другими государственными предприятиями, пытаясь подчинить иностранные государства монгольскому господству.

Время династии Юань можно рассматривать как переходный период между этапами развития культуры благовоний, который послужил мощным фундаментом для очередного расцвета ароматической культуры при династии Мин, когда сформировались основные правила

¹⁵ В Кайфыне (汴京 *Бяньцзин*), столице Северной Сун, были открыты специализированные лавки по торговле благовониями из сандала и аквиларии; в питьевых заведениях города Ханчжоу при династии Южная Сун работали специальные служанки (香婆 *сянпо*), в обязанности которых входили подготовка курильниц на столах и угощение гостей благовониями [Фу Цзинлян, 2011, с. 3].

¹⁶ В среде интеллектуалов сформировалось понятие 文人四艺 *вэньжэнь сии* (букв. «четыре искусства “человека культуры”»), которое объединяло такие таланты, как воскурение благовоний 焚香 *фэньсян*, приготовление чая 烹茶 *пэнча*, живопись 挂画 *гуахуа* и аранжировку цветов 插花 *чахуа* [Чжан Фань, Цзян Юэцзинь, 2014, с. 45].

¹⁷ К примеру, в «Общем каталоге священных рецептов» (圣济总录) указано более ста рецептов с использованием гвоздики. В 10-м свитке даны рецепты настоев и ароматного чая, рекомендации по воскурению благовоний. В каталоге приводятся популярные рецепты по изготовлению пилюль из ликвидамбара восточного, росного лада-на, гвоздики, холодного отвара из борнеола, отвара из аквиларии, регулирующего поднявшееся *ци*, и др. См. У Букун. Благовония и китайская традиционная культура благовоний, медицина и возвращение жизни (悟不空. 香与中国传统文化及医理、养生) // Китайская социальная сеть Доубань. URL: <http://www.douban.com/group/topic/10802786/> (дата обращения 28.07.2021).

¹⁸ Одним из ярких примеров может служить творчество известного поэта и каллиграфа сунской династии Хуан Тинцзянь (黄庭坚, 1045–1105), которому приписывается разработка понятия «десяти добродетелей благовоний» (香十德) и составление обобщающего списка важнейших характеристик и свойств ароматов. Впоследствии этот список широко распространился в Японии, став основой для многих аналогичных перечней «добродетелей благовоний» и «добродетелей чая», созданных известными буддийскими монахами и чайными мастерами.

и ритуалы, сложились предпосылки к более широкому использованию ароматического сырья в бытовых и медицинских целях.

Период 5. Популяризация: эпохи Мин и Цин (1368–1911)

В период династий Мин и Цин культура благовоний развивалась в основном русле традиционной культуры Китая. Благовония пользовались большой популярностью, технологии изготовления ароматических веществ стали более изощренными. Для воскурения благовоний мастера создавали различную утварь – коробочки, лопаточки, щипцы, миниатюрные курильницы для спален, для храмов и парков стали изготавливать курильницы огромных размеров. Многие предметы отливали из латуни, украшали гравировкой, резьбой, искусным орнаментом. Со времени династии Мин (1368–1644) в Пекине возникли предприятия по изготовлению благовоний, где трудились профессиональные мастера. По своим достижениям в области технологии изготовления смешанных благовоний, искусно выполненного инструментария и разнообразной продукции изделия этого периода значительно превосходят все, что было накоплено в результате развития аромакультуры в предшествующие этапы¹⁹.

Важный аспект развития культуры благовоний связан с исламом, который имеет длительную историю в Китае и представляет собой доминирующую религию в тех районах, где проживают китайоязычные мусульмане *хуэй-цзу*²⁰. Несомненен вклад мусульманской культуры в развитие производства сосудов и утвари для возжигания благовоний (например, бронзовые курильницы с сакральными надписями, прославляющими Пророка), что напрямую связано с ритуальной и религиозной практикой ислама.

Говоря о заслугах мусульман в развитии культуры благовоний, надо упомянуть и о знаменитом мореплавателе Чжэн Хэ 郑和 (Саид-хаджи, 1371–1435), который при поддержке 3-го императора Мин Чжу-ди (明朱棣, 1360–1424) возглавил семь морских военно-торговых экспедиций в страны Индокитая, Индонезии, Аравийского полуострова и Восточной Африки²¹. Тем самым благовония и специи поступали в Китай не только через сухопутные маршруты Шелкового пути (丝绸之路 *сычоу чжи лу*), но и морскими маршрутами через Аравию, образуя так называемый Ароматный путь (香料之路 *сянляо чжи лу*) [Peace and Harmony, 2011, p. 191].

Продолжая традицию прошлых династий, ученые и лекари эпох Мин и Цин продолжали активно составлять справочники, компилятивные и оригинальные труды по истории благовоний, собирали сведения о свойствах лекарственных душистых растений, о рецептах изготовления благовоний, утвари и инструментария, способах воскурения ароматического сырья²². При упоминании важнейших источников по изучению ароматической культуры не-

¹⁹ В годы Сюаньдэ эпохи Мин (1426–1435) появились бронзовые курильницы 宣德炉 *сюаньдэ лу*, которым суждено было стать важной вехой в развитии технологий изготовления курильниц и всего инструментария, использующегося в декоративно-прикладном искусстве. Превосходные материалы, изящный дизайн, непревзойденная техника плавки позволили этим курильницам приобрести высокую репутацию и статус классических образцов среди всех существующих в Китае бронзовых курильниц [Peace and Harmony, 2011, p. 177–178].

²⁰ Основатель династии Мин, император Тай-цзу 明太祖 (Чжу Юаньчжан, 1328–1398) и его семья оказывали большое почтение исламу, при императоре Тай-цзу было переведено и издано много мусульманских текстов, построено немало мечетей.

²¹ Из своих путешествий он привез немало специй и благовоний (перец, пачули, гвоздика, мускус, камфора, сандал, аквилария и др.), о чем свидетельствует масса исторических документов [Су Цимин, 2005, с. 86–106].

²² Один из самых выдающихся трудов китайской фармакопеи того времени – «Компендиум лекарственных веществ» (本草綱目 *Бэньцао ганьму*) – был составлен в 1578 г. китайским врачом и ученым-естествоиспытателем Ли Шичжэнем (李时珍, 1518–1593). В 52 томах этого монументального труда были проанализированы почти две тысячи растений (в том числе разные виды сандалового и агарового деревьев), приведены иллюстрации и комментарии, даны более десяти тысяч рецептов, описаны методы смешивания различных лекарственных компонентов, указаны вкусы и запахи, рекомендации и противопоказания. См. Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=本草綱目> (дата обращения 30.07.2020). Почти сто видов проанализированных там благовоний разделены на две категории: душистые травы и ароматическая древесина. Ли Шичжэнь рекомендовал

возможно обойти вниманием монументальный труд эпохи Мин «История благовоний» (香乘 Сян шэн), составленный в 1641 г. за 20 лет работы ученым-книжником Чжоу Цзячжоу (周嘉胄, 1582–1658)²³.

Во время цинской династии (1644–1911) аромакультура проникла практически во все сферы жизни, охватывая при этом самые широкие слои населения – от императорской семьи и аристократов, состоятельных граждан и ученых мужей до простого народа. В эпоху Цин в привычку ученых и литераторов вошел обычай воскурения благовоний в качестве благородного и изысканного фона во время занятий науками и творчеством. В среде интеллектуалов стало популярно украшать полки с книгами и свитками изящными курильницами, яркими вазами, цветами, блюдами, грациозными чайниками, кувшинами, подсвечниками и другими изысканными атрибутами деятельности «людей культуры» 文人 *вэньжэнь*, что нашло свое отражение в развитии декоративно-прикладного искусства цинского Китая (создавались грандиозные ширмы и экраны с инкрустацией) и оказало большое влияние на формирование специфического вида конфуцианской жанровой живописи *чхэккори* в соседней Корее²⁴. Литераторы, ученые и интеллектуалы этого периода оставили большое письменное и художественное наследие, связанное с изучением благовоний, внося всем укладом своей жизни и разносторонним творчеством существенный вклад в развитие культуры ароматов.

Технологии изготовления ароматических смесей стали более изощренными²⁵, а сфера использования благовоний существенно расширилась. Для воскурения благовоний стали создавать настоящие произведения искусства – курильницы и утварь из различных материалов, богато украшенные гравировкой, резьбой, инкрустацией. Укрепилась традиция установления курильниц больших размеров возле павильонов в парках и садах, а также в различных культовых местах, в храмах и монастырях. Постепенно складывалась целая система ароматических веществ, ответственных за определенную сферу применения и обладающих целым шлейфом ассоциаций в восточной культуре.

Начиная с поздней Цин (конец XIX в.) западная агрессия, непрерывные социальные потрясения и политические кризисы оказали сильнейшее влияние на китайское общество, в том числе и на культуру благовоний, для которой наступили тяжелые времена. После опиумных войн, когда Китай стал фактически полукOLONиальной страной, развитие науки о благовониях остановилось, прекратились теоретические и практические исследования в этой области. В образе жизни и ценностных ориентирах интеллектуалов *вэньжэнь*, долго содействовавших распространению культуры благовоний, произошла кардинальная перемена, а их привычка

применять целебные благовония для утилизации нечистот, предотвращения эпидемий, для душевного успокоения, избавления от бессонницы, лечения различных болезней [Фу Цзинлян, 2011, с. 100]. Ли Шичжэнь отмечал высокую эффективность древесины аквиларии в регулировании взаимодействия внутренних органов, а также поддержании физических и духовных сил человека [Войтишек, 2019, с. 63–64].

²³ В 28 главах этого сочинения обобщены все известные к тому времени сведения о благовониях: приводятся разные классификации душистых растений и деревьев, анализируются виды и сочетания различных ароматических субстанций, описываются старинные рецепты и традиции воскурения благовоний при дворе, особенно пути и способы их применения в даосско-буддийской ритуальной практике. Отдельное внимание Чжоу Цзячжоу посвятил анализу всех известных курильниц и богатейшей утвари культуры ароматов, а также описанию упоминаний благовоний в китайской поэзии. Со времени своего появления «История благовоний» признается выдающимся сочинением, касающимся всех аспектов традиционной культуры ароматов. При династии Цин этот труд как большое достижение в китайской гуманитарии был включен в авторитетный императорский каталог «Полное собрание книг по четырем разделам» (四库全书 *Сыку цюаньшу*). См. Сян шэн [香乘]. История благовоний. Электронная энциклопедия «Байкэ». [百科]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%A6%99%E4%B9%98> (дата обращения 02.05.2021).

²⁴ См., например, [Kim Sunglim. Chaekgeori: Multi-Dimensional Messages in Late Joseon Korea / Archives of Asian Art, Volume 64, Number 1, 2014, pp. 3–32. By Univ. of Hawai'i Press. DOI: 10.1353/aaa.2014.0011].

²⁵ В конце правления династии Цин появились методики создания искусственных благовоний, что заложило основу для использования ароматизаторов в медицинской и промышленной области в последующих поколениях. См. сайт Тяньцзиньского музея искусства аквиларии. URL: <http://www.chenxiang-art.com> (дата обращения 19.07.2021).

постоянно использовать изысканные ароматические смеси и воспевать их в стихах ушла в прошлое²⁶. Для ароматической культуры надолго наступили тяжелые времена.

Период 6. От упадка к возрождению: Новое и Новейшее время (середина XX в. – настоящее время)

Вместе с политической и социальной турбулентностью, которой была отмечена вся первая половина XX в., культура благовоний в Китае продолжала испытывать кризис. Определенную роль в отмирании важных функций аромакультуры сыграла и постепенная вестернизация китайского общества. Наука и техника, военное дело переживали период модернизации по европейскому образцу, когда ко всему китайскому даже внутри страны относились с недоверием и скептицизмом. Активное использование благовоний ограничивалось лишь ритуальными и религиозными практиками в храмах [Фу Цзинлян, 2011, с. 9].

С конца XX в. в Китае постепенно начало возрождаться производство благовоний. При этом химические благовония, изготовленные на фабриках, изрядно потеснили изделия из натуральных компонентов, изменилась и рецептура. Качество благовоний также существенно снизилось: вместо натуральных ингредиентов зачастую стала использоваться смесь синтетического сырья и горючих веществ. Китайские ученые сетуют, что в обществе почти забыты традиционные способы изготовления благовоний, а составление ароматов потеряло свое значение быть украшением жизни и формировать высокие душевные качества, поскольку для большинства современных людей возжигание благовоний лишь бездумное развлечение или пустая формальность при посещении храмов. Ценители традиционной культуры предостерегают от использования красиво оформленных, но не полезных (а то и вредных) ароматических препаратов, напоминая о том, что благовония надо не просто возжигать, а «слушать» (闻香 *вэнь сянь*).

По мнению многих аналитиков, до недавнего времени положение культуры благовоний вызывало большое беспокойство. Однако на фоне глобализационных процессов начала XXI в. вместе с ломкой стереотипов достижения традиционной культуры приобретают новые фазы развития.

В этих условиях вызывают уважение усилия китайского общества к возрождению национальных традиций: за последние годы упрочили свои позиции фестивали традиционных искусств и ремесел, ежегодные передвижные выставки каллиграфических и живописных работ (см.: [Войтишек и др., 2012]). В этом ряду можно отметить и позитивные сдвиги в развитии аромакультуры: создаются ассоциации и тематические объединения, которые служат платформой для распространения и пропаганды культуры благовоний. При их содействии проводятся форумы и обучающие семинары, посвященные традиционной культуре благовоний, издаются книги и выпускаются документально-исторические фильмы о благовониях.

Примером таких усилий может служить подвижническая деятельность многих организаций – как материкового Китая (например, Ассоциация аквилярии в г. Дунгуань в провинции Гуандун, Тяньцзиньский музей аквилярии, Музей провинции Шаньдун, храмы и центры традиционной культуры в провинции Цзянсу), так и Тайваня, Гонконга²⁷. Цели и задачи подобных организаций сводятся к популяризации традиционной культуры благовоний через форумы, выставки, семинары и конференции, к объединению всех, кто занимается благовониями. Такие мероприятия дают возможность передачи ценного опыта последующим поколениям.

Несмотря на то, что современное состояние ароматической культуры в Китае бесконечно далеко от масштабов ее развития в древности и средние века, тем не менее постепенно все

²⁶ См. сайт по китайской культуре благовоний. URL: <http://www.xiangwenhua.org/> (дата обращения 01.08.2021).

²⁷ О Дунгуаньской ассоциации см. сайт правительства г. Дунгуань <http://www.dg.gov.cn/dgskw/index.htm> (г. Дунгуань (东莞) находится в 50 км южнее Гуанчжоу. Информацию о музеях благовоний см., например, на сайте Тяньцзиньского музея аквилярии <http://www.chenxiangart.com/> и сайте музея пров. Шаньдун <http://www.sdmuseum.com/> (дата обращения 03.08.2021).

больше людей начинает изучать ее историю и особенности использования благовоний в тех или иных случаях. Любители ароматов все активнее вовлекаются в деятельность различных организаций, музеев, арт-галерей и центров традиционной культуры, проникаясь тем огромным потенциалом методов духовного самосовершенствования, которое сулит изучение разных аспектов культуры благовоний.

Выводы

Ароматическая культура Китая, истоки которой связаны с возжиганием растительного сырья еще в эпоху неолита, к настоящему времени представляет собой сложнейший комплекс историко-культурных явлений. Она охватывает религиозно-магическую обрядность, санитарно-гигиеническую сферу, область традиционной медицины, совокупность духовно-целительных практик, ритуалов даосско-буддийского, синто-буддийского и конфуцианского характера. Ряд аспектов аромакультуры справедливо рассматривать через анализ и интерпретацию археологических памятников и артефактов, письменных источников, игровых традиций, а также изделий декоративно-прикладного искусства, что позволяет говорить не только о культуре ароматов, но и об искусстве благовоний.

В Китае за несколько тысячелетий накоплен колоссальный опыт использования ароматического сырья растительного, минерального и животного происхождения: написаны тысячи трактатов и справочников, изучены свойства отдельных благовоний и их сочетаний, составлены подробные классификации, выработаны принципы религиозных культов и обрядовых практик. Вместе с прикладным значением благовоний развивалось и эстетическое отношение к ароматам, что неоднократно обеспечивало периоды бурного расцвета ароматической культуры в древности, средние века и на пороге Нового времени. В настоящее время традиционная ароматическая культура в Китае сейчас переживает период подъема и возрождения. Это предоставляет широкие возможности ее изучения в разных областях знания, включая археологию, историю, антропологию, этнологию, искусствоведение, медицину, биологию и ботанику, что свидетельствует об актуальности и многоаспектности изучения данной темы.

Список литературы

- Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). Новосибирск: НГУ, 2011. 311 с., 44 с. илл.
- Войтишек Е. Э. «Царственный аромат» в культуре Восточной Азии: виды, свойства и особенности агаровых деревьев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 61–74. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-61-74
- Войтишек Е. Э., Борджигид А., Карпова Т. К., Измайлова М. В. Традиционный праздник каллиграфии в Павильоне Орхидей и судьбы современных китайских интеллектуалов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 12, № 10: Востоковедение. С. 163–173.
- Войтишек Е. Э., Яо С. Курильницы бошаньлу в ароматической культуре Китая: символика и социальные функции // Вестник С.-Петерб. ун-та. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 510–524. DOI 10.21638/spbu13.2018.408
- Линь Жуйсюань. Сяндао жумэнь [林瑞萱. 香道入门]. Введение в культуру «путь аромата». Тайбэй: Цзюангу чадао чжунсин. 2008. 167 с. (на кит. яз.)
- Су Цимин. Чжэн хэ юй хайян вэньхуа: чжэн хэ ся сиян любай чжоунянь тэжэнь [蘇啓明. 鄭和與海洋文化：鄭和下西洋六百周年特展]. Чжэн Хэ и культура мореплавления: выставка к 600-летию путешествий Чжэн Хэ на Запад. Тайбэй: Государственный музей Гугун, 2005. 175 с. (на кит. яз.)

- Сунь Чжанфэн.** Бошаньлу дэ синци юй сычоу чжи лу [孙章峰。博山炉的兴起与丝绸之路]. Расцвет бошаньлу и Шёлковый путь // Хуася каогу (Чжэнчжоу), 2015. С. 94–100. (на кит. яз.)
- Фу Цзинлянь.** Чжунго сян вэньхуа [傅京亮。中国香文化]. Китайская культура благовоний. Цзинань: Цилу шушэ, 2011. 316 с. (на кит. яз.)
- Хуашо ханьцзы. Туцзе шовэнь цзецзы (Дун Хань Сюй Шэнь) [画说汉字 (图解说文解字)。(东汉许慎)]. Иллюстрированный словарь происхождения китайских иероглифов (составлен Сюй Шэнем при Восточной Хань). Сиань: Шэньси шифань дасюэ чубаньшэ, 2010. 509 с. (на кит. яз.)
- Чжан Хайя.** Фоцзяо сянпинь юй сянци цюаньшу [张海雅。佛教香品与香器全书]. Полное собрание аксессуаров и инструментария, использующегося при воскурении благовоний в буддизме. Тайбэй: Шанчжоу чубань, 2010. 208 с. (на кит. яз.)
- Чжоу Цзячжоу, Цян Цзюньвэй, Чэнь Юньи.** Сян дянь [周家胄, 江俊伟, 陈云轶。香典]. Свод сведений о благовониях. Чунцин: Чунцин чубаньшэ, 2010. 560 с. (на кит. яз.)
- Чэнь Цингуан.** Гугун лиши сян цзюй тулу [陈擎光。故宫历史香具图录]. Каталог по истории инструментария культуры благовоний музея Гугун. Тайбэй: Государственный музей Гугун, 1994. 310 с. (на кит. яз.)
- Шефер Э.** Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / Пер. с англ. Е. В. Зеймаля и Е. И. Лубо-Лесниченко; ред., стихотвор. пер. и коммент. Л. Н. Меньшикова. М.: Наука, 1981. 608 с.
- Kim Sunglim.** Chaekgeori: Multi-Dimensional Messages in Late Joseon Korea / Archives of Asian Art, Volume 64, Number 1, 2014, pp. 3–32. By Univ. of Hawai'i Press. DOI 10.1353/aaa.2014.0011
- Lo Jung-Pang.** China as a Sea Power 1127–1368. A preliminary Survey of the Maritime Expansion and Naval Exploits of the Chinese People During the Southern Song and Yuan Periods // Singapore: National University of Singapore Press, 2012. 392 p.
- Peace and Harmony [祥和。中國香港沉香珍藏展]. The Divine Spectra of China's Fragrant Harbour. A Collection of 108 Aloes of Sacred Scripture and Related Artifacts / Ed. by Paul Kan. Hong Kong, 2011. 289 p. (на кит. и англ. яз.)

References

- Chen Qingguang.** Gugong lishi xiang ju tulu [陈擎光。故宫历史香具图录]. Catalog on the history of art objects of the culture of incense of the Palace Museum. Taipei, National Palace Museum, 1994, 310 p. (in Chin.)
- Fu Jingliang.** Zhongguo xiang wenhua [傅京亮。中国香文化]. Chinese incense culture. Jinan, Qilu shushe, 2011. 316 p. (in Chin.)
- Huashuo hanzi. Tujie shuowen jiezi (Dong Han Xu Shen) [画说汉字 (图解说文解字)。(东汉许慎)]. Illustrated Dictionary of the Origin of Chinese Characters (compiled by Xu Sheng under the Eastern Han). Xi'an, Shenxi shifan daxue chubanshe, 2010. 509 p. (in Chin.)
- Kim Sunglim.** Chaekgeori: Multi-Dimensional Messages in Late Joseon Korea / Archives of Asian Art, Volume 64, Number 1, 2014, pp. 3–32. By Univ. of Hawai'i Press. DOI 10.1353/aaa.2014.0011
- Lin Ruixian.** Xiangdao rumen [林瑞萱。香道入门]. Introduction to the culture of the “path of incense”. Taipei, Zuowanggu chadao zhongxing, 2008. 167 p. (in Chin.)
- Lo Jung-Pang.** China as a Sea Power 1127–1368. A preliminary Survey of the Maritime Expansion and Naval Exploits of the Chinese People During the Southern Song and Yuan Periods // Singapore: National University of Singapore Press, 2012. 392 p.

- Peace and Harmony [祥和。中國香港沉香珍藏展]. The Divine Spectra of China's Fragrant Harbour. A Collection of 108 Aloes of Sacred Scripture and Related Artifacts / Ed. by Paul Kan. Hong Kong, 2011. 289 p. (in Chin. and Engl.)
- Schafer Edward H.** Zolotie persiki Samarkanda. Kniga o chezhezemnih dikovinah v imperii Tang [The golden peaches of Samarkand. A book about foreign wonders in the Tang empire] / Translated by E. V. Zeimal and E. I. Lubo-Lesnichenko; ed., transl. and comments by L. N. Menshikov. Moscow, Nauka, 1981. 608 p. (in Russ.)
- Su Qiming.** Zheng He yu haiyang wenhua: Zheng He xia xiyang liubai zhounian tezhan [蘇啓明。鄭和與海洋文化：鄭和下西洋六百周年特展]. Zheng He and the Culture of Navigation: Exhibition for the 600th Anniversary of Zheng He's Journey to the West. Taipei, State Gugong Museum, 2005. 175 p. (in Chin.)
- Sun Zhangfeng.** Boshanlu de xingqi yu sichou zhi lu [孫章峰。博山爐的兴起与丝绸之路]. The heyday of Boshanlu and the Silk Road // Huaxia kaogu (Zhengzhou), 2015. P. 94–100. (in Chin.)
- Voytishek E. E.** Game Traditions in the Spiritual Culture of East Asian Countries (China, Japan, Korea). Novosibirsk, Novosibirsk State University Publishing House, 2011. 311 p., 44 p. ill. (in Russ.)
- Voytishek E. E.** The “Imperial Fragrance” of East Asian Culture: types, properties and features of the agarwood tree. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, pp. 61–74. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-61-74
- Voytishek E. E., Borjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V.** Traditional holiday of calligraphy in the Pavilion of Orchids and the fate of modern Chinese intellectuals. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, vol. 12, no. 10: Oriental Studies, pp. 163–173. (in Russ.)
- Voytishek E. E., Yao S.** Boshanlu censors in China's incense culture: Symbols and social functions. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2018, vol. 10, issue 4, pp. 510–524. (in Russ.) DOI 10.21638/spbu13.2018.408
- Zhang Haiya.** Fojiao xiangpin yu xiangqi quanshu [张海雅。佛教香品与香器全书]. A complete collection of accessories and tools used in the burning of incense in Buddhism. Taipei, Shangzhou chuban, 2010. 208 p. (in Chin.)
- Zhou Jiazhou, Jiang Junwei, Chen Yunyi.** Xiang dian [周家胄, 江俊伟, 陈云轶。香典]. Collection of information about incense. Chunqing: Chunqing Chubanshe, 2010. 560 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Елена Эдмундовна Войтишек, доктор исторических наук, профессор

Information about the Author

Elena E. Voytishek, Doctor of Sciences (History), Professor

Статья поступила в редакцию 15.08.2021;
одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 15.09.2021
The article was submitted 15.08.2021;
approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication 15.09.2021

Научная статья

УДК 94 / 930.85 / 61

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-38-46

The Unique Phenomena in the Meeting between Western Medicine and Traditional Chinese and Vietnamese Medicine during the 17th and 18th Centuries

Truong Anh Thuan

University of Science and Education
Danang, Vietnam

The University of Danang
Danang, Vietnam

tathuan@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9682-882X>

Abstract

Based on academic achievements of, primarily, Chinese and Vietnamese researchers including materials recorded in the form of writings, reports, diaries, and letters sent to Europe by Western missionaries operating in China and Vietnam in the 17th and 18th centuries, and at the same time combining the application of two main research methods of Science and History (historical method and logical method) with other research methods (systematization, analysis, synthesis, statistics, etc.) and especially the comparative method, this article aims to clarify two points of focus. The first is the open attitude of Chinese and Vietnamese rulers in accepting Western medical achievements and the positive, respectful, and admiring views of some missionaries towards different aspects of traditional Chinese and Vietnamese medicine. The second is the contradiction in some Western missionaries' perception and actions when they criticized the superstition in the way of disease diagnosis and treatment of the Vietnamese and Chinese, especially the Taoist priests, however they committed to such approaches in the process of examining and treating indigenous people. The study of some of the phenomena that arose during the connections made between Western medicine and traditional Chinese and Vietnamese medicine in the 17th and 18th centuries as mentioned above would make a certain contribution to the study of the history of the East-West cultural exchange in China and Vietnam in general, as well as the medical history in the two countries, in particular during this period.

Keywords

Western medicine, traditional medicine, China, Vietnam, Christianity, missionary, superstition

For citation

Truong Anh Thuan. The Unique Phenomena in the Meeting between Western Medicine and Traditional Chinese and Vietnamese Medicine during the 17th and 18th Centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 38–46. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-38-46

© Чьюнг Ань Туан (Truong Anh Thuan), 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 38–46

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 38–46

Уникальное явление встречи западной медицины и традиционной китайской и вьетнамской медицины в XVII–XVIII веках

Чьюнг Ань Туан

Университет науки и образования
Дананг, Вьетнам

Университет Дананга
Дананг, Вьетнам

tathuan@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9682-882X>

Аннотация

На основе использования достижений китайских и вьетнамских исследователей, так же как и ученых всего мира, и особенно оригинальных материалов, записанных в форме сочинений, отчетов, дневников и писем, отправленных в Европу западными миссионерами, действовавшими в Китае и во Вьетнаме в XVII–XVIII вв., а также сочетая применение двух основных исследовательских методов науки и истории (исторический метод и логический метод) со специальными исследовательскими методами (систематизация, анализ, синтез, статистика и т.п.), и особенно сравнительный метод, статья призвана прояснить два момента. Первый момент – открытость китайских и вьетнамских правителей к принятию западных медицинских достижений и позитивный, уважительный взгляд некоторых миссионеров на различные аспекты традиционной китайской и вьетнамской медицины и признание ее достижений. Второй момент – противоречивость в восприятии и действиях некоторых западных миссионеров, когда они критиковали суеверия при постановке диагноза и лечении болезней китайцами и вьетнамцами, особенно священниками-даосами, но сами совершали точно такие же ошибки при обследовании и лечении местного населения. Изучение некоторых явлений, которые возникли при контактах между западной медициной и традиционной китайской и вьетнамской медициной в XVII–XVIII веках, внесет несомненный вклад в исследование как общей истории культурного обмена между Востоком и Западом в Китае и во Вьетнаме, так и истории медицины в этих двух странах в рассматриваемый период.

Ключевые слова

западная медицина, традиционная медицина, Китай, Вьетнам, христианство, миссионеры, суеверия

Для цитирования

Truong Anh Thuan. The Unique Phenomena in the Meeting between Western Medicine and Traditional Chinese and Vietnamese Medicine during the 17th and 18th Centuries // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 38–46. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-38-46

Introduction

The 17th and 18th centuries, along with the application of the ‘missionary academic’ (學術傳教 *xueshu chuanjiao*) method in preaching the Gospel in China and Vietnam by Western missionaries [Truong Anh Thuan, 2020, p. 470], European scientific and technological achievements, including medicine, gradually penetrated the societies of the two countries. It was that which initially shaped the leading role of the missionaries as well as the advantage of the missionary path over other paths (commerce, travel, diplomacy, etc.) in the process of introduction and development of Western medicine in China and Vietnam. In fact, the presence of Western medicine in the two countries, where one was the origin of oriental medicine (China) while the other had already formed and developed traditional medicine for a long time (Vietnam), caused the connection between itself and indigenous medicine in the 17th and 18th centuries, giving rise to several unique phenomena¹. While the rulers of China and Vietnam showed an open attitude towards adopting European medicine as well as believing in using medicines brought by the missionaries, many Western missionaries also showed their respect and admiration for the traditional medicine of the two countries and conveyed its values to Europe in many different ways. Another unique phenomenon during this period was that Western missionaries, in their writings, reports and letters showed critical attitudes towards the

¹ For some aspects of the history of Vietnamese medicine see also: [Kalmykova, 1993].

superstitious cure of indigenous Taoist priests and the blindness of the Vietnamese and Chinese for believing in such things. However at the same time, they would apply superstition during medical examinations and treatment of local residents of the two countries.

Indigenous rulers' confidence in Western medicine and Western missionaries' high appreciation of Oriental medicine

In the 17th and 18th centuries, Western medical knowledge was being spread by the missionaries in order to penetrate China and Vietnam. Stemming from curiosity and a desire to understand European therapeutic approaches, especially to meet their own healthcare needs, the kings, Mandarins and aristocracies of the two countries showed a welcoming and highly appreciating attitude towards the missionaries knowledgeable in medicine and openly invited Western medical knowledge. In Cochinchina (Vietnam), during the period from the late 17th century to the second half of the 18th century, the need for the service of missionaries in the field of medicine of Lord Nguyen's government was always in high demand, which caused the ruling class in this missionary area to put pressure on the Portuguese government in Macau at times with statements that were detrimental to trade relations between the two sides, to force the Portuguese to intervene with the Diocese of Macao, sending missionaries who were familiar with Western medicine to Cochinchina [Montézon, 1858, pp. 254–255]. The indigenous rulers also expressed confidence in Western medical knowledge and the missionaries' therapy when the missionaries were appointed to the post of royal physicians in charge of healthcare for the king, royal family, and Mandarins. In fact, during this period, there were seven Jesuits (Barthélemy d'Acosta, Giambattista Sanna, Sébastien Pirès, Jean Siebert, Charles Slamenski, Jean Koffler and Jean de Loureiro) [Saraiva, 2013, pp. 32–33; Montézon, 1858, pp. 387–389; Gaide, 1921, pp. 189–190, 193–196; Dehergne, 1973, pp. 63–64, 137–138, 239–240, 247, 254–255] and two missionaries of The Society of Foreign Missions of Paris (Langlois, Bénigne Vachet) [Gaide, 1921, pp. 190–191; Missions étrangères de Paris, 1680, pp. 31–33] serving in the field of medicine at Lord Nguyen's Dynasty. In the process of working here, Western missionaries were always received with feelings of sympathy, affection, and respect from the king, aristocracy, and Mandarins [Gaide, 1921, pp. 190, 193–194]. At the same time, Lord Nguyen created favourable conditions in material terms and his commitment to protecting Christianity and missionaries [Montézon, 1858, p. 268; Gaide, 1921, p. 190] ensured they could feel secure serving here in the long term. Even in 1750, when the Cochinchina government drastically enforced a ban on Christianity and all missionaries of different religious orders were expelled at that time, this missionary area's ruler still expressed their favour to the Jesuit missionary Jean Koffler – Lord Nguyen's personal physician, allowing him to stay in the royal court to conduct healthcare work [Launay, 1924, pp. 358–363].

In China, the need to use the missionaries who mastered Western medicine of kings, Mandarins, and aristocracies of the Qing dynasty was also raised quite early. The Qing dynasty's kings repeatedly ordered the Mandarins in Guangdong province to strictly control the presence of missionaries in the province, and if any missionaries were discovered to be highly knowledgeable in Western medicine, they were required to report to the royal court and bring them to Beijing to serve as healthcare workers for the king, royal family, and Mandarins [Zhongguo di yi lishi dang'an guan, 1999, pp. 73–74; Zhongguo di yi lishi dang'an guan, 2003, pp. 22, 74, 176–177, 252–255]. Based on the materials recorded by missionaries operating in China in the 17th and 18th centuries, it was possible to know that during this period, operating in the field of medicine in Beijing, were 15 Jesuit missionaries (Isidoro Lucci, Joo Baptista Lima, Joseph Baudino, Bernard Rhodes, Pierre Frapperie, Jean Dominique Paramino, Michel Viera, Gilbert Bordes, Jean-Joseph da Costa, Etienne Rousset, António Gomes, Emmanuel de Mattos, Inácio Francisco, Louis Bazin, Luigi Cipolla, and Joseph Bernard d'Almeida) [Pfister, 1932, pp. 463–464, 476, 555–557, 491; Pfister, 1934, pp. 563, 622, 981, 640, 661, 812, 868–869, 962–965, 886–888], an Augustinian missionary (Anselmo da Santa Margherita) [Dong Shaoxin, 2004, pp. 439–453] and a missionary of the Congregation of the

Mission (Jean Joseph Ghislain) [Ming Xiaoyan, Wei Yangbo, 2007, p. 170]. Respect and affection were frequently mentioned by Western missionaries in charge of the healthcare in the Qing dynasty's royal court in letters or reports sent to Europe when talking about the Chinese rulers' attitude towards them [Pfister, 1932, p. 556; Pfister, 1934, p. 309]. The faith in missionaries' talents and the effectiveness of Western medicine gradually increased through successful treatments for kings, Mandarins and aristocracies. The Chinese rulers also expressed their admiration for some missionaries' medical ethics [Du Hede, 2001b, p. 132] and used noble titles to applaud them [Pfister, 1934, p. 662; Du Hede, 2001b, p. 132].

Notably, while the rulers in China and Vietnam believed in Western missionaries' therapy and openly embraced and experienced Western medicine, some missionaries were attracted by the new and miraculous concepts from the medical examinations and treatment used by the local indigenous physicians – the force representing traditional Chinese and Vietnamese medicine. From then, they showed respect and openness towards the medical achievements of the two countries.

In China, Western missionaries showed their appreciation towards Chinese traditional medicine because of its long-standing history compared to Western medicine. At the same time, they also appreciated the talent of local physicians. The missionaries noted that Chinese physicians were good at feeling the pulse for diagnosing diseases and how they used medicines to effectively cure it [Cao Zongyou, 1999, p. 368], typical for, for example the treatment of smallpox [Du Hede, 2001c, pp. 217–218]. The unique Chinese acupuncture technique also left an impression on Western missionaries [Han Qi, 1999, p. 107; Cao Zongyou, 1999, p. 373]. Through the writings, reports, and letters sent to Europe at that time, Western missionaries introduced the West to the strange and amazing things related to the Chinese physicians' use of minerals or resins and medicaments of animal origin [Du Hede, 2001c, p. 221; Du Hede, 2005, pp. 160, 305; Cao Zongyou, 1999, p. 390]. The missionaries also mentioned many medicinal herbs commonly used in Chinese medicine [Du Hede, 2001b, pp. 115–116; Du Hede, 2001b, pp. 50–56, 115–117, 305–306], as well as the preparation and use, pharmaceutical value, way of combination and treatment effectiveness of medicaments from these medicinal herbs [Xie Henai, 1993, p. 275].

Just like in China, Western missionaries operating in Vietnam in the 17th and 18th centuries in their records also showed their admiration and high appreciation towards local physicians in their ability to diagnose and cure. Although there was no medical university in this country, the missionaries realized that Vietnamese physicians' therapeutic level was not inferior to physicians in Europe [Rhodes, 1653, p. 190]. They could effectively treat several diseases that Westerners thought to be dangerous, such as purpura or venomous snake bites [Du Hede, 2001a, p. 84]. In a statement of the missionary situation in Cochinchina between 1618 and 1621, Jesuit missionary Christoforo Borri said that he and other missionaries witnessed and had interesting first-hand experiences in 'great secrets' in the way of medical examinations and treatments used by Vietnamese physicians [Borri, 1931, pp. 318, 319]. In *Divers Voyages et Missions*, missionary Alexandre de Rhodes also revealed the difference in Vietnamese physicians' fever treatment compared to Western physicians. In Europe, while patients were required to disinfect and inject medicaments, in Cochichins on the other hand, they simply needed to ingest an antipyretic medicine prepared by the local physicians. He also used this medicament from a Vietnamese physician and realized its miraculous effect, when within three days, he had no fever, and his health wholly recovered [Rhodes, 1653, p. 191]. Therefore, for the cases mentioned above, if Western medicaments and therapies seemed incurable, it was quickly and easily cured with medical knowledge that was relatively simple and primarily based on local physicians' experience.

Western missionaries felt quite curious about the diagnostic methods and medical procedures of physicians in Vietnam. When someone was sick, the residents of this country would invite the physicians. They would feel the pulse of the patient for quite a long time with high concentration. After that, if the disease was severe and incurable, the local physicians would definitively answer that they did not have any medicament to cure this disease. If this was not the case, they would agree to cure the patient and provide a specific treatment timeline. Another thing that made the missionaries

feel strange was that the agreement for payment to cure the patient was made in writing before the work was performed. Following this, the physicians would carry out the preparation of the medicaments [Borri, 1931, pp. 316–317; Rhodes, 1653, pp. 192–193]. This happened because there were no pharmacists in this land, unlike Europe. However more importantly, local physicians wanted to protect the secret prescription recipes used to cure diseases. If the patients recovered in the expected time, the physicians would receive the agreed amount. If they failed to cure the disease, the physicians would bear the costs for treatment and medicaments [Borri, 1931, p. 317].

The use of plant and animal parts to produce the medicaments by Vietnamese physicians also drew the missionaries' attention. In *Histoire du Royaume de Tunquin*, missionary Alexandre de Rhodes mentioned that Vietnamese physicians used meat, skin, bones, and especially rhino teeth, nails, and horns to produce medicaments against any venom [Rhodes, 1651, p. 53]. They also used fluids taken from a kind of fruit named 'Miengou' to cure dysentery, headache, and high fever [Du Hede, 2001a, p. 83]. In particular, indigenous physicians fully exploited the pharmaceutical properties of agarwood. In particular, the best agarwood type was called 'Calamba', which had a wonderful aroma with sound effects for heart health and fighting against any venom. The other two types, called 'Aquila' and 'Calambouc', had a quality that was not as good as the first one, however its curing properties were also just as effective [Rhodes, 1653, p. 65]. Just like in China, the Vietnamese used tea as an effective medicine to deal with stomachaches, headaches, sleep deprivation, nephrolith, and colds [Du Hede, 2001a, p. 84]. Western missionaries felt that while European medicaments, when taken, often caused vomiting and damage to the stomach, the medicines prepared by Vietnamese physicians had an aroma and were very nutritious, so that while taking them, patients would not need to eat other foods. Patients had to take the prescribed medicine several times a day. These did not cause side effects, helped the body work naturally, and did not cause pain to patients [Borri, 1931, pp. 316–317].

So far, from the above analyses, it could be seen that, in the 17th and 18th centuries, stemming from the curiosity and desire to learn about Western medicine, especially healthcare needs, the rulers of China and Vietnam showed an open attitude in the process of receiving the advantages of this knowledge, and at the same time, confidence in European missionaries who were good at medicine. Meanwhile, the actual observation and direct experience of the medical examination methods and traditional medicine treatment in these two countries brought Western missionaries exciting and unusual new knowledge and became the source of their admiration. Therefore, besides the significant role in bringing Western medical achievements to the Chinese and Vietnamese at that time, the missionaries also took on the part of a bridge in introducing the knowledge of traditional Chinese and Vietnamese medicine to Westerners through their writings, reports, diaries, and letters sent to Europe². This created a unique phenomenon: a two-way exchange between Western medicine and traditional Chinese and Vietnamese medicine in the 17th and 18th centuries.

Superstition: Western missionaries' criticism of Taoist priest cures in China and Vietnam or criticism of themselves?

In the letters and reports sent by Western missionaries operating in China and Vietnam in the 17th and 18th centuries, some criticism of the superstitious healing method of indigenous Taoist priests could be found and the described fanaticism for such things by the Chinese and Vietnamese. In *Histoire du Royaume de Tunquin*, Jesuit missionary Alexandre de Rhodes said, although at that time, in the mission area in Tonkin (Vietnam), there were quite a lot of talented physicians, the majority of people and especially many figures of the ruling force of this land still blindly believed in the cure based on enchantment, profoundly superstitious praying by the Taoist priests. In the course of treatment with superstitious measures, if the patient's health recovered, the Taoist priest would

² It is important to underline that this early acquaintance of Western people with traditional Chinese medicine only touched upon the specific methods of treatment, apart from basic theory. A more complex investigation and application began in the 20th century. See: [Komissarov, 2009].

boast triumphantly that this success was the result of his superior power and sorcery and requested more pay. Alternatively, in the event of failure, he would feel ashamed and go away quietly. Also, in this document, Alexandre de Rhodes mentioned the fact that Lord Trinh in Tonkin was so convinced of the sorcery-based healing method of the Taoist priests, he allowed the illness of his first son become increasingly more severe which ultimately resulted in his death [Rhodes, 1651, pp. 73–75].

Meanwhile, in China, although the traditional medicine of this country had a long history of development with many outstanding achievements, local physicians however could not cure all diseases that humans had at that time. Therefore, when suffering from strange diseases beyond physicians' knowledge and healing ability, many Chinese believed that such diseases were caused by demons. They approached the Taoist priests' superstitious healing practices, hoping that they would rely on a god's power or some supernatural forces to fight the demons and preserve life for the sick. In a letter written in Nanchang 南昌, Jiangxi Province sent to the Duke of De la Force on 26 November 1704, Jesuit missionary named Fouquet mentioned the blind cult of people towards a Taoist priest Zhang 張 who was given the name Tianshi 天師 by the people, meaning 'heavenly physician', as a result of his ability to use magic to treat many diseases. When this Taoist priest came to Fuzhou 撫州 (Jiangxi), all patients in this area rushed to see him, hoping to end the suffering caused by their diseases. Among them, there was a family with many members suffering from a severe mental disorder. Taoist priest Zhang and his disciples proceeded to treat them with superstitious methods, but in the end, he was unable to cure the disease [Du Hede, 2001a, p. 213]. Therefore, from some evidence as mentioned above, it could be seen that in the 17th and 18th centuries, the Western missionaries operating in China and Vietnam recognized the unscientific nature and expressed a strong critical attitude towards the healing methods based on enchantment, spells, and magic of indigenous Taoist priests – who the missionaries believed were taking advantage of the blind faith of the people to deceive and profiteer.

However, it was quite interesting that, while some Western missionaries criticized the role of superstition in the cure of Chinese and Vietnamese, and especially Taoist priests, they committed to such approaches in the process of examining and treating local people. The researchers could find some details expressing this in documents that missionaries operating in China and Vietnam recorded and sent to Europe in the 17th and 18th centuries. In the letter written in Nanchang 南昌, Jiangxi Province to the Duke of De la Force on 26 November 1704, Jesuit missionary Fouquet said that a family had many of its members suffering from a severe mental disorder and in a moment of desperation, they went to ask for the help of missionary Emeric de Chavagnac (沙守信 *Sha Shouxin*). The Jesuit missionary asked the patients to give up "evil religion" (i.e., Taoism), and at the same time he sent his followers to the patient's home, used the cross, Jesus statue, rosary, and holy water to cure the severe mental disorder for the members of this family [Du Hede, 2001a, pp. 214–215, 247]. In a report on the missionary situation in China written in 1703, Jesuit missionary François Noël (魏方濟 *Wei Fangji*) also said, to rescue those who suffered from demonic possession, missionaries and especially Christian believers used the crosses and holy water [Du Hede, 2001a, p. 236].

Just like the missionaries in China, in the letters and reports of missionaries operating in Vietnam that were sent to Macao or Europe in the 17th and 18th centuries, some notes on Western missionaries' healing methods could be found to be more spiritual-religious rather than scientific. The work of *Divers Voyages et Missions* and *Histoire du Royaume de Tonquin* missionary Alexandre de Rhodes mentions the miracles created by the use of the cross, a picture of the Blessed Mother, and specifically holy water to cure the blind, save the lives of patients in critical condition or revive the dead [Rhodes, 1651, p. 182; Rhodes, 1653, pp. 96–98, 157]. In particular, Alexandre de Rhodes also said that during Christian evangelization in Tonkin (1627–1630), using only the cross, Bible, and holy water, he and six local Christians saved the life of 272 patients in a commune of this region in less than five days [Rhodes, 1653, pp. 97–98]. Rumors of the miraculous use of holy water

in the treatment of various diseases led to the fact that not only parishioners and non-Christians in Cochinchina and Tonkin (Vietnam) blindly believed in these. They rushed to Western missionaries to ask for holy water. They stored holy water indoors and carried a small bottle to use for themselves and others when they went out. The missionaries found that the people's belief in the holy water's miraculous effects on the healing of many diseases was beneficial for evangelization. Because of this, they zealously provided holy water to parishioners and non-Christians. According to the record of missionary Alexandre de Rhodes, to satisfy the people's needs, every Sunday, he had to bless five large bowls of holy water [Rhodes, 1653, p. 102] by reading the Bible, praying, and adding salt into the water [Rhodes, 1651, p. 184].

Therefore, perhaps at that time with the knowledge of Western science and technology, especially the field of medicine studied by the missionaries in Europe or equipped by them before going to evangelize in the Far East, they could fully know that the cross, Bible, rosary and especially holy water had only religious and spiritual meaning rather than a healing effect. However, it was faith in the religion and the miracle of God which helped expand the influence of Christianity in China and Vietnam in the 17th and 18th centuries. This made Western missionaries operating in the two countries continue to use Christian 'items', especially holy water, as a panacea for healing to save the life of people, and at the same time creating a blind faith of the people in these two countries through the miraculous effects of those things. This inadvertently led them to fall into superstition during the healing process for the Chinese and Vietnamese.

Conclusion

In the 17th and 18th centuries, to realize the goal of 'Christianizing' the nations in the Far East in general as well as China and Vietnam in particular, the Western missionaries, especially Jesuit missionaries, set out and applied a flexible and creative policy of "adapting to indigenous culture." They used the method of 'missionary academic' (學術傳教 *xueshu chuanjiao*), that was, bringing scientific and technical achievements of Europe to the classes in the society of China and Vietnam, especially the ruling and upper classes, to draw attention to and more importantly conquer the faith of these social forces. In this context, Western medicine was introduced into China and Vietnam. In fact, the meeting between Western medicine and traditional Chinese and Vietnamese medicine has led to the emergence of several unique phenomena. The first is the critique of Western missionaries of the heavily superstitious cures employed by the native Taoist priests. However, it is the missionaries who made this mistake in the process of giving medical treatment to the people in China and Vietnam. In particular, while indigenous rulers believed in applying Western medicine, Western missionaries on the other hand, highly appreciated Oriental medicine. The issues mentioned above impacted more or less the results of the Chinese and Vietnamese receiving Western medicine and the propaganda of traditional medicine achievements of the two countries compared to the Western countries in the 17th and 18th centuries.

References

- Borri C.** Relation de la nouvelle mission des pères de la compagnie de Jésus au royaume de la Cochinchine. *Bulletin des Amis du Vieux Hué*, 1931, vol. 3–4 (Juillet–Déc), pp. 279–405.
- Cao Zongyou.** Chuanjiaoshi yu zhongguo kexue [曹增友。传教士与中国科学。北京，宗教文化出版社]. Missionaries and Chinese Science. Beijing, Zongjiao Wenhua chubanshe, 1999, 453 p. (in Chin.)
- Dehergne J.** Répertoire des jésuites de Chine de 1552 à 1800. Roma, Institutum Historicum S.I and Paris, Letouzey et Ané, 1973, 430 p.
- Dong Shaoxin.** Xiyi ru jing yu qing qianqi tianzhujiao zhengce zhi yanbian [董少新。西医入京与清前期天主教政策之演变]. Western medicine entering Beijing and the evolution of Catholic policy in the early Qing Dynasty. *Jinan shixue* 暨南史学, 2004, vol. 3, pp. 439–453. (in Chin.)

- Du Hede.** Yesuhuishi zhongguo shujian ji: Zhongguo huiyi lu [杜赫德. 耶稣会士中国书简集: 中国回忆录 I. 郑州, 大象出版社]. Jesuit missionaries letter collection in China: China memoirs. Zhengzhou, Daxiang chubanshe, 2001a, vol. I, 350 p. (in Chin.)
- Du Hede.** Yesuhuishi zhongguo shujian ji: Zhongguo huiyi lu [杜赫德. 耶稣会士中国书简集: 中国回忆录 II. 郑州, 大象出版社]. Jesuit missionaries letter collection in China: China memoirs. Zhengzhou, Daxiang chubanshe, 2001b, vol. II, 342 p. (in Chin.)
- Du Hede.** Yesuhuishi zhongguo shujian ji: Zhongguo huiyi lu [杜赫德. 耶稣会士中国书简集: 中国回忆录 III. 郑州, 大象出版社]. Jesuit missionaries letter collection in China: China memoirs. Zhengzhou, Daxiang chubanshe, 2001c, vol. III, 342 p. (in Chin.)
- Du Hede.** Yesuhuishi zhongguo shujian ji: Zhongguo huiyi lu [杜赫德. 耶稣会士中国书简集: 中国回忆录 IV. 郑州, 大象出版社]. Jesuit missionaries letter collection in China: China memoirs. Zhengzhou, Daxiang chubanshe, 2005, vol. IV, 408 p. (in Chin.)
- Gaïde D.** La médecine Européenne en Annam autrefois et de nos jours. *Bulletin des Amis du Vieux Hué*, 1921, no. 4 (Octobre–Décembre), pp. 189–214.
- Han Qi.** Zhongguo kexue jishu de xi chuan ji yingxiang (1582–1793) [韩琦. 中国科学技术的西传及影响 (1582–1793) 。石家庄, 河北人民出版社] The Westward spread of science and technology of China and its influence (1582–1793). Shijiazhuang, Hebei renmin chubanshe, 1999, 244 p. (in Chin.)
- Kalmykova O. L.** Vrachevanie vo V'etname: traditsii i sovremennost': Avtoreferat dissertatsii ... kandidata meditsinskikh nauk [Healing in Vietnam: traditions and modernity: Theses of dissertation ... of candidate of medical sciences] / Scientific research centre «Medicine museum», Russian Academy of medical sciences. Moscow, 1993. 16 p. (in Russ.)
- Komissarov S. A.** Ocherki po istorii i teorii traditsionnoi kitaiskoi meditsiny [Essays on the history and theory of traditional Chinese medicine]. Novosibirsk, NSU Publishers, 2009. 139 p. (in Russ.).
- Launay A.** Histoire de La Mission de Cochinchine, 1658–1823. Paris, Charles Douniol et Retaux éditeur, 1924, vol. 2, 447 p.
- Ming Xiaoyan, Wei Yangbo.** Lishi yi zong: Zhengfusi tianzhujiao mudi [明晓艳、魏扬波. 历史遗踪: 正福寺天主教墓地. 北京, 文物出版社]. Historical traces: Catholic Cemetery of Zhengfu Temple. Beijing, Wenwu chubanshe, 2007, 279 p. (in Chin.)
- Missions Étrangères de Paris.** Relation des missions et des voyages des évêques vicaires apostoliques, et de leurs ecclésiastiques es années 1676. & 1677. Paris, Charles Angot, 1680, 242 p.
- Montézon F., Estève E., Rhodes A., Tissanier J., Saccano M.** Mission de la Cochinchine et du Tonkin avec gravure et carte géographique. Paris, Charles Douniol, 1858, 412 p.
- Pfister L.** Notices biographiques et bibliographiques sur les Jésuites de l'ancienne mission de Chine. Shanghai, Imprimerie de la Mission catholique, 1932, vol. 1, 561 p.
- Pfister L.** Notices biographiques et bibliographiques sur les Jésuites de l'ancienne mission de Chine. Shanghai, Imprimerie de la Mission catholique, 1934, vol. 2, 430 p.
- Rhodes A.** Divers Voyages et Missions. Paris, Imprimeur ordinaire du Roy & de la Reyne, 1653, 281 p.
- Rhodes A.** Histoire du Royaume de Tunquin. Lyon, Chez Iean Baptiste Devenet, 1651, 326 p.
- Saraiva L.** (ed.). Europe and China: Science and Arts in the 17th and 18th Centuries. Singapore, World Scientific Publishing, 2013, 309 p.
- Truong Anh Thuan.** Processes of Receiving Western Astronomy in China and Vietnam. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, iss. 2, pp. 469–490.
- Xie Henai.** Ming qing jian ru hua yesuhuishi he zhong xi wenhua jiaoliu [谢和耐. 明清间入华耶稣会士和中西文化交流. 成都, 巴蜀书社]. Jesuits in China and cultural exchange between

China and the West during the Ming and Qing Dynasties. Chengdu, Bashu shushe, 1993, 317 p. (in Chin.)

Zhongguo di yi lishi dangan guan. *Ming qing shiqi aomen wenti dangan wenxian huibian* [中国第一历史档案馆。明清时期澳门问题档案文献汇编。北京，人民出版社]. Compilation of archives of the Macao Issue during the Ming and Qing Dynasties. Beijing, Renmin chubanshe, 1999, vol. 1, 839 p. (in Chin.)

Zhongguo di yi lishi dangan guan. *Qing zhong qianqi xiyang tianzhujiao zai hua huodong dangan shiliao* [中国第一历史档案馆。清中前期西洋天主教在华活动档案。北京，中国书局]. Historical Archives of Western Catholic Activities in China in the Early and Middle Qing Dynasty. Beijing, Zhonghua shuju, 2003, vol. 1, 427 p. (in Chin.)

Information about the Author

Truong Anh Thuan, PhD (History)

Информация об авторе

Чьонг Ань Туан, PhD (История)

*The article was submitted 12.03.2021;
approved after reviewing 03.08.2021; accepted for publication 10.08.2021
Статья поступила в редакцию 12.03.2021;
одобрена после рецензирования 03.08.2021; принята к публикации 10.08.2021*

Научная статья

УДК 026: 021.85: 94: 908

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-47-56

The History of Formation of the Japanese Collection in the National Library of Russia

Evgeny A. Philippov

National Library of Russia

St. Petersburg, Russian Federation

philippov@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5364-0787>

Abstract

The article introduces the history of the formation of the Japanese collection in the National Library of Russia. Materials in Japanese are available in various departments of the library; the article focuses on the largest collection of materials in Japanese, namely the Japanese collection of the Department of Asian and African Countries Literature (DAACL). An attempt is made to briefly present two topics: firstly, the history of the Japanese collection and the department, and secondly, the history and sources of the acquisition and formation of the Japanese fund. Therefore, the article is divided into two sections. In both sections, the history of the DAACL and the topic of international book exchange in the library are closely interconnected with the main topic of the article, the formation of the Japanese collection. The author also emphasizes the difficulties, negative factors and challenges faced by the fund and the library, not to underestimate the role of the Japanese collection of NLR, but to show what solutions were found throughout its history.

Keywords

National Library of Russia, NLR, Asia and Africa Department, history, acquisition, book-exchange, book fund, Russian-Japanese partnership, Japan

For citation

Philippov E. A. The History of Formation of the Japanese Collection in the National Library of Russia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 47–56. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-47-56

История формирования японского фонда Российской национальной библиотеки

Евгений Александрович Филиппов

Российская национальная библиотека

Санкт-Петербург, Россия

philippov@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5364-0787>

Аннотация

Статья знакомит с историей формирования японской коллекции Российской национальной библиотеки. Материалы на японском языке доступны в различных отделах библиотеки; статья посвящена только крупнейшему собранию, а именно японскому фонду Отдела литературы стран Азии и Африки (ОЛСАА). Автор стремится осветить два вопроса: во-первых, историю отдела и его японского фонда, и, во-вторых, историю его формирования и источники комплектования. Оба вопроса тесно связаны с основной темой статьи – формированием японской коллекции библиотеки, и поэтому статья разделена на два раздела: история ОЛСАА и международ-

© Филиппов Е. А. (Philippov E. A.), 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 47–56

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 47–56

ного книжного обмена. Второй раздел посвящен международному книгообмену, так как именно этот источник комплектования уже с XX века играет важнейшую роль, а в XXI веке становится основным, обеспечивая 53,8 % поступлений книжного и 99,8 % журнального фондов. Автор старался также подчеркнуть «трудности», «негативные факторы» и вызовы, с которыми сталкивались фонд и библиотека в целом. Но не для того чтобы преуменьшить роль японской коллекции РНБ, а чтобы показать, какие решения находили руководители и сотрудники на протяжении всей её истории. Например, в XIX веке ещё не существовало японского фонда, но уже были книги на японском (1814) – виднейшие востоковеды того времени помогли библиотеке с описанием и каталогизацией документов. После 1930-х, когда выросло число публикаций на языках народов СССР, отдел преобразовали в Отделение национальностей СССР. Но, несмотря на переименование, японский фонд увеличился, а работа продолжалась даже в блокадном Ленинграде. Из-за недоукомплектованности штата и недофинансирования во второй половине XX века к работе с фондом активно привлекались студенты и волонтеры. Также рассматриваются такие трудности как экономический кризис 1990-х, нехватка места для размещения фонда, неоднократные переезды (последний 2016–2018) и изменение читательской модели поведения.

Ключевые слова

Российская национальная библиотека, РНБ, ОЛСАА, история, комплектование, книгообмен, книжный фонд, российско-японское сотрудничество, Япония

Для цитирования

Philippov E. A. The History of Formation of the Japanese Collection in the National Library of Russia // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 47–56. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-47-56

Introduction

The Japanese Collection of the National Library of Russia (NLR) is represented in various departments. Hardly anyone will ever be able to unify and catalogue all the Japanese materials in the library. There are Japanese materials in the Print Department, Manuscripts Department, Rare Books Department, Maps Department and even in the main Russian book collection. However, most of the Japanese literature is held in a Japanese fund of the Department of Asian and African Countries Literature (DAACL).

Today, the Department fund contains 1,246,784 storage items¹: 226 000 books, 365 000 magazines and about 600 thousand newspaper issues, 1 thousand printed music sheets, 101 cartographic items, and over 2 thousand others (small material and non-traditional carriers such as data storage devices). Oriental book funds formed from the first years of the library, even before the construction of the building for the Imperial Public Library² (IPL) was completed; in its 1808–1812 reports, there were already references to books in oriental languages. Therefore, in 1810, the public library contained 175 items of uncatalogued volumes in oriental languages, in 1814 – 668 items: these were books in Sanskrit, Arabic, Hebrew, Persian, and Turkish. It can hardly be assumed that there was Japanese literature in the library during this period.

However, already in 1814 (the year of the opening of the IPL) Mikhail Matveyevich Buldakov (Russian merchant and traveler, organizer of several round-the-world expeditions, 1766–1830) presented the library with 4 books and 3 charters (manuscripts) in Japanese³. In the 19th century, the library already had about two-three hundred books in Japanese, which will all be catalogued later – in the late 19th and early 20th centuries. It was only in the 1930s when the Japanese collection began to form as a separate fund, and the department itself appeared only in 1952. The article is devoted to the history of the department, the history and sources of acquisition of the DAACL and of the Japanese fund in particular. If in the 19th century donated gifts were the only source of acquisition, then in the 20th–21st centuries the author can now talk about systemic acquisition.

¹ As at 16.10.2019.

² The Imperial Public Library (IPL, 1795–1917), Russian Public Library (1917–1925), State Public Library (SPL, 1925–1992).

³ ОАД РНБ 3, ф. 1, оп. 1, л. 1814, № 3 On the donation of 4 books and 3 charters in Japanese by M. M. Buldakov to the IPL.

The Brief History of the Department of Asian and African Countries Literature

In 1841, all literature in oriental languages was transferred to one of the departments called the Department of Oriental Languages and Theology (later the Department of Oriental Books, the Department of Oriental Writers). Geopolitical interests of Russia from the middle of the 19th century have caused increased attention to eastern countries. There was an attempt to replenish the fund by purchasing foreign publications. Though the main source of literature still remained the obligatory embassy of publications printed in Russia and donations by Russian orientalists, Japanese library visitors or the Japanese Embassy in Saint-Petersburg. For example, in 1894, the IPL received several books ⁴ from intelligence officer and lieutenant of the Japanese service, Hagino Suekichi which included the “Collected Poems of the Tang Dynasty in China with commentary” printed in 1784 [Tanen Tozaki, 1784]. This is perhaps the oldest book in the DAACL fund. The library also received books as a gift from Buldakov (1814), Dr. Kagami (1894) ⁵ of the Japanese embassy (1862, 1895) ⁶. Therefore, acquisitions of the 19th century remained the obligatory copies of publications printed in Russia and donations, and can be characterized as regular, but not systemic.

By 1910 the fund consisted of 54.8 thousand volumes in oriental languages. Unfortunately, the author cannot find out the exact number of Japanese books at this time. It seems to be supposed at about 100. When Japanese books were inventoried in 1934–38, there were 267 books published in the 19th century, 33 without a year of publication, and about 300 published between 1900 and 1910. The author supposes 100–150 books were added to the fund after the expropriation of private collections in the 1920s–1930s. Now it is possible to determine them only by ex-libris. For example, a lot of books connected with Christianity (about 70) obviously were not presented as “a gift” to the library because they had the seal of the Synod Library. However, the author has not seen any documents confirming this. This assumption is based on the fact of how the library and the Department received the former imperial collection “Orientalia” from the Hermitage (a few, but books in Japanese were also in this collection). And books with notes from the Synod Library were also received by way of a single book collection at the same time.

Moreover, such a specific acquisition of the Department would require the presence of a huge number of full-time specialists to process incoming publications and its description. Initially, books in all oriental languages were supposed to be processed by one specialist librarian. Obviously, this was impossible, and the library tried to attract enthusiasts from the small number of concurrent orientalists available in St. Petersburg to take part in the inventory and cataloguing of oriental literature. Well-known and reputed orientalists such as H. D. Fren, I. F. Gotvald, N. Ya. Bichurin (Father Iakinf), B. A. Dorn, K. A. Kossovich, A. Ya. Garkavi worked with the eastern funds of the library [Sotrudniki Rossiyskoy, 1995–2013]. The entire collection was divided into two parts: Asiatica and Hebraica, without division by language. The Department did not have its own reading room, and the supply of literature remained irregular.

Since 1924, when orientalist N. Ya. Marr became the Chief Librarian – the head of the library, increased attention was paid to literature in oriental languages, book exchange and subscription to foreign books and periodicals. At this time, the periodical “Oriental Collection” was established. In 1930, since the number of books in the languages of the peoples of the USSR increased noticeably, the Department was transformed into the Department of Nationalities, in which there were publications presented in the languages of the peoples of the foreign East (Asia). The department established language groupings – Far Eastern, Iranian-Turkish, Jewish and a group of oriental literature. Of course, in this period there was some Japanese literature too.

⁴ ОАД РНБ 5.1, л. 15 1894 Lieutenant of the Japanese service S. Hagino.

⁵ ОАД РНБ 5.1. л. 14 об. 1894 Dr. M. Kagami, Tokyo.

⁶ ОАД РНБ 4.1.1 л. 38 1864, л. 28 Notice of intention to visit the IPL by a representative of the Japanese Embassy on August 25 (gift of 1862); ОАД РНБ оп. 1895 л. 1 л. 248 A gift from the Japanese government for books in Japanese. Register 1895, part 1, no. 6345 (л. 43 об.); ОАД РНБ 5.1.1а 1879, no. 7 Book of honorary visitors.

The fund of periodicals requires separate research and remains outside the framework of the current study. However, regarding the books, the author can confidently say that between 01.25.1938 and 12.12.1957, 3721 books⁷ were inventoried and catalogued. The main sources of incoming books were firstly books published in the USSR, and secondly, gifts. In comparison with many other oriental collections of other libraries, this was quite a large collection. However, among gifted books, the fund continued to receive some rare books and even old texts such as “Selected songs for Koto, 1812” [So: kyoku, 1812]. There was only one problem: the library did not choose the books that its readers needed, and instead hoped for a good choice of the donator.

Finally, in 1952, the Department of Nationalities was divided into two – the Department of Literature of the Peoples of the USSR and the Department of Literature of the Foreign East. According to Department regulations, this was a specialized complex department, which carries out acquisition, organization and storage of funds, service of readers, scientific and bibliographic work. Initially, the staff consisted of three employees, and the head of the Department of Literature of the Foreign East became well-known orientalist, researcher of Chinese and Japanese philosophy B. Ya. Radul-Zatulovsky. By the mid-1950s the Commission of the Ministry of Culture of the Russian SFSR recognized that “the Department is gradually becoming one of the centres not only for reading but also for the study of oriental literatures⁸”. The fund itself more than tripled in the 1950s.

After being separated, it was first called the Department of the Foreign East. Since August 1963, the Department was headed by sinologist T. A. Vaganova. As a result of her suggestion in order to “more precisely geographically indicate from which countries the department receives literature⁹” in 1964, the present official name of the department appeared: the Department of Literature in the Languages [of Peoples] of Asian and African Countries or the Department of Asian and African Countries Literature (DAACL) or the more commonly used name – the Asian and African Department.

During a period of more than forty years from the end of the 1950s, up to the dissolution of the Soviet Union, thanks to the development of the international book exchange (IBE) of the library, the Department was actively recruited because of this already systematic source of literature, and specialists could select literature according to the needs of readers. In this period its fund grew to one million storage units. Readers of oriental literature were mainly students and lecturers of Leningrad State University, scientists and foreigners living in Leningrad. In 1963, the number of visits was 11,133, the number of issued items was 85,285. Until the early 1970s these indicators remained practically stable with small differences. To attract readers, the Department made lists of new acquisitions of Japanese scientific and technical literature and then sent it out to Leningrad’s research institutes and enterprises. Moreover, to attract common citizens it compiled and published lists of available fiction works in the most sought-after languages.

By 1963, the Department stored literature in 126 languages and had 11 specialists on its staff. Nevertheless, a part of the fund in rare oriental languages remained uncatalogued due to the lack of specialists. The library lacked funds to attract freelance workers, and unfortunately, the problem was aggravated because the payment for work with Oriental languages was low (the prices for operations with literature in Oriental languages was significantly understated) and the specialists did not seek to work in the library. Some assistance with the work was provided by student-trainees of the Oriental Department of Leningrad University.

The acquisition directly depended on the political situation. In different periods, books received from individual countries and regions almost stopped, then resumed, and so on. The lack of sufficient foreign exchange funds for the purchase of literature also had a negative effect. In the mid-1960s the supply of new literature from Arab and African countries, Iran, Vietnam decreased, and since 1968, the book exchange with China, North Korea, Israel, and India has significantly decreased. The growth of funds during this period occurred mainly due to the acquisition of literature

⁷ Inventory books of State Public Library № 223, 436.

⁸ ОАД РНБ, ф. 12.Т–1460. л. 9

⁹ ОАД РНБ, ф. 2. л. 49/9. 1964, ед. хр. 550, л. 10.

from orientalists and through old bookstores. Since the early 1970s, the supply of Japanese, Indian and Arabic literature through inter-library loans (ILL) and microfilming has improved.

In the 1960s the number of requests for ILL sharply increased: if in 1963 there were 200 requests received throughout the year, since 1966 there have been 200 requests per month. The overwhelming majority of them fell on the Japanese fund, and, if in the first years, requests for humanitarian literature prevailed, then in subsequent years, this changed to scientific, technical and medical topics. In addition to requests from individuals, there were many requests from institutions.

Located in a building on Fontanka Emb., 36 (the former Catherine Institute building), the Department experienced all the difficulties that were associated with the operation of this building. When it was admitted, the building was in an emergency state, classed as dangerous in October 1972 and was closed to readers, however, it was deemed relatively safe for staff who were preparing the funds for relocation and continued to work on premises [Shilov, Moricheva, 2008, pp. 279–300]. The readers' service was temporarily moved to the scientific halls of the Main Building on Ostrovsky Square, 1–3, where the publications were delivered. In 1973, the Executive Committee of the Leningrad City Council allocated a room in building 49 on Liteiny Av. Unfortunately, until the end of 1975, the DAACL had no opportunity to move to the 3rd–4th floors of the building. Finally, in October 1976, a reading room with 28 seats was also opened.

In the period from 1972 to 1977, indicators of attendance and delivery of literature decreased by over 2 times. At the same time, the composition of readers changed – besides students and scientists of the humanitarian profile, there also appeared representatives of scientific and technical specialties as demand shifted more towards medical and technical literature and periodicals. Unfortunately, in the 1990s, there were problems with the delivery of new publications in oriental languages, and the attendance sharply decreased. And in the 2000s, with the development of the Internet, and the availability of many modern publications in electronic form, the reader's behavioral model also changed remotely: the modern periodicals, medical and technical literature that were in demand in the 1980s, again gave way to fiction and humanitarian literature.

Already in the 1980s, there was not enough space for storing publications, and the fund was reorganized and “cleaned up” (duplicates were removed). In 2010–2012, in order to free up additional space, the entire magazine fund of the department was moved to the Fontanka Emb., 36 building. And in 2016–2017 it had to move again to the New Building on Moskovsky Prospekt 165/2. Finally, after a long break, on 3rd September 2018, the Asian and African Department was reopened and was once again available to readers.

Nevertheless, some part of the fund (magazines, newspapers) is still in the moving process and it is hoped that when the activities related to the relocation of the department are fully completed, it will continue to develop and expand, responding promptly to changing conditions and the needs of its readers. However, it is already actively involved in exhibitions and international activities: “Window on Korea” was opened in 2019 (14.10.2019, a reading room with several thousand books in Korean for public access), participation in exhibitions like “The Fascination of Things: Traditional Arts and Crafts of Japan” (08.01.2018), made its own projects, some even as large as “Multicolor of languages and cultures” (25.10.2018), “Russian-Arab dialogue” (13.02.2018), “Christianity in the East” (14.01.2019) as well as small exhibitions. For example, the Japanese fund exhibited “Campo – oriental medicine”, “Japanese diplomacy in international relations”, “Classics of Japanese literature” and others. The Department took part in the “Biblionight” project (20.04.2019) offering visitors a guided tour of the “Theaters of the East” where Japan was widely represented.

The main indicators of the Department's activities – attendance and book distribution – indicate a significant decrease in their volume compared to the first half of the 1960s. If in 1963–1964 the number of readers reached 9–10 thousand people per year, in the late 1980s – early 90s attendance decreased to 4–6 thousand, and in 2010–2019 was only about 1 thousand people. The issue of literature in 1963 was 16 thousand units, in the late 1980s – early 1990s grew to 40–50 thousand units, but by 2012 it had decreased to 7 thousand. At the same time, with the introduction of computer

technologies, the DAACL began and successfully continues to create an electronic catalogue of its collection; the library's website regularly hosts virtual exhibitions aimed at popularizing the fund.

The History of Sources of Acquisition of the Fund and the International Book-Exchange

Today most of the Japanese Collection held in the Japanese fund of the Asia and Africa Department counts over 19 thousand books and the range of newspapers and magazines in Japanese is about 2 thousand titles (or hundreds of thousands of items). This is due not only to what kind of material in Japanese is kept in the library, but to the history of acquisition. Until the beginning of the 20th century, there were several hundred materials in Japanese, and no one even intended to create a separate collection for this. That is why, considering the issue of the formation of the Japanese collection, in the first place (first section) the issue of the appearance of DAACL and the Japanese collection as a separate part was highlighted. The oldest books in this collection were published in the 18th century and entered the library in the 19th century, but they were catalogued later – in the middle of the 20th century.

Therefore, the questions about the formation of the Japanese collection and the history of the department where the main part of this collection is kept are closely interrelated. The author tried to determine when the first materials in Japanese were delivered to the NLR. However, it became obvious almost immediately that if in the 19th century the library received editions, now it is impossible to determine at what time. The author can confidently say and name some books that were already in the library at the end of the 19th century: “Educational Singing Examination Dictionary” [Educational Singing, 1848], “Senryudo album” [Takizawa Kiyoshi, 1879] and so on. The reason for this problem is not the lack of documents in the archives, but the impossibility at that time to catalogue such books. The Chinese, Korean and Japanese books were not separated and were finally properly processed. The Japanese literature included in the collection was finally processed, inventoried, and catalogued in December of 1934–1938. The author cannot identify the first book in Japanese, however it is possible to indicate the approximate time when the library first received documents in Japanese. In 1814, Buldakov had already donated 4 books and 3 charters in Japanese to the library.

However, for a long time, the Japanese collection of the library accumulated haphazardly and irregularly. Mainly based on individual purchases or gifts by orientalists, the Japanese government and the Russian Orthodox Church Mission in Japan, founded by Archimandrite Nikolai of Japan (Kasatkin Ivan Dmitrievich, 1836–1912). Although the need for systematic acquisition of foreign collections for the library was recognized as early as the 19th century, this was achieved only in the 20th century, when the IBE became the most important source of acquisition, including acquisitions for the Japanese fund.

The first fact of irregular book-exchange links of the library with foreign organizations was established already in the 1830s – 1840s. A peculiarity of the development of world culture throughout the 19th century was the growth of international cultural exchange. Despite the fact that the IPL librarians talked about possible ways to increase funds, the majority, and the director himself, spoke about the benefits of establishing such connections and exchanging duplicates for books that are missing in the library or selling them – the initiative in establishing regular book exchanges came mainly from Western Europe and America.

In 1851, the library was approached on behalf of the USA government by A. Vattermar, a French actor who had worked vigorously during these years to create an IBE. In the spring of 1853, the library received a similar offer from the French Academy of Sciences, and in February 1854 from the Brazilian National Library. However, despite all obvious benefits of the IBE, the library was in no hurry to implement the decision to establish it and did not show any interest. The passivity was dictated by the wary attitude of the authorities. When Korf, in a conversation with Nicholas I, put forward the idea of exchanging publications with the Paris National Library, the em-

peror, annoyed, asked “Who will read them [Russian editions] there? Are our own – traitors and fugitives?” [Istoriya Gosudarstvennoy, 1963, pp. 55–56]. It is possible that such a reaction from the authorities prompted the library not only to refuse independent steps but also to respond with evasive consent to the proposals that came to it from abroad. Only in 1856, after the death of Nicholas I (1855), the IPL again started talking about it and entered into exchanges with the Vienna Academy of Sciences, the British Museum, the Royal Library in Stockholm, the University Library in Athens, the public libraries of Venice, Dresden, Stuttgart, Lvov, as well as with government organizations of the USA and then France. In 1863, the library invited 183 scientific institutions and societies in Europe, Asia and America to begin a regular exchange of publications. By 1913, universities, scientific institutions and societies, including Japan, regularly sent in their publications. During the First World War, the IPL also maintained contacts with some countries. “In 1914–1916 episodic parcels with books came from libraries, scientific and government institutions in the USA, France, England... Japan...” [Ibid., pp. 137–139, 198]. Beginning in the 1920s, following the trends of the era and the growing interest in the development of technology and the achievements of progress, the library paid the closest attention to establish a systematic exchange of scientific publications. Among the Japanese partners, the IBE was especially active with Kyoto.

In this article, the author is primarily interested in Japanese partners and can draw a conclusion that episodic book exchanges with Japan began in the 1910s and became regular in 1929. Since 1926, agreements appeared with the USA, Germany, France, and since 1929 – with Japan, Italy, Cuba and 31 others foreign storage facilities. Since the late 1950s, a new stage of development of the IBE began and the library actively expanded its ties. It was a period of rapid prosperity that lasted over forty years until the 1990s. The number of library partners in 73 countries of the world was approaching 2000 in the early 1960s, and by the mid-1980s this number increased to 2500.

The library actively strengthened ties with the countries of Asia and Africa too. In the early 1980s in Japan, there were more than 300 book exchange organizations. The main partners in Japan during this period were the National Diet Library, Hitotsubashi University, Kyoto University, Utsunomiya University, Tenri University, International Institute for Buddhist Studies, Institute of Slavic Studies [Pryanishnikova, 2012, p. 529].

When describing the book exchange with Japanese organizations during this period, one should note not only stability, strict adherence to deadlines and obligations, but also the impressive volume – about 300 books per year. In 1982, the maximum number of books for the entire period of the book exchange received from Japan was 490, the range of magazines during this period was about 360 titles per year. These were mainly scientific publications on various topics. The library paid serious attention to the improvement of the IBE, its profiling and balance, the expediency of spending of financial resources, as well as the promotion of Russian literature abroad. The SPL actively received applications from Japanese libraries and institutions for domestic publications – up to 370 applications per year. It should be noted that in the 20th century, publications from eastern countries – Japan, China, India, Korea, Egypt and Iran entered the public library funds only through the IBE and as a gift from organizations or individuals [Philippov, 2015, p. 52].

By the early 1990s, the library had well-established relations with 110 countries in the world. The number of partners was more than 2.5 thousand, but by 2005 this number had halved. More than 40 years from the late 1950s to the mid-1990s – the IBE was the main source of acquisition. In 1986, 75 % of all foreign books were received from this source. In 1992, the share of journals purchased through the IBE was 90 % of the total volume of foreign journals received.

Due to economic reasons and a long period of irregular financing, a recession began in the early 1990s, reaching a peak in 1998 – the deepest crisis associated with the default and devaluation of the ruble. The NLR was forced to significantly reduce the subscription to Russian periodicals for foreign partners, and in 1998 it did not even have the funds to ship books. The crisis was so serious that the library still cannot reach the same numbers of previous years. The 1990s became the most difficult period in the history of the NLR.

The consequence of the crisis in Russia was the lack of publications in the main European languages, which Japanese partners ordered from the library. The following factors had a negative impact on the IBE: the range of books of domestic publications, which was aimed towards commercial products, was of little use for the IBE, the difficulty of acquiring small-circulation, provincial publications, and high postage rates for sending publications abroad. Negative factors sharply limited the possibilities of the IBE, including with Japan, due to the high cost of sending publications to this region.

The scale of the IBE with Japan significantly decreased. By 2000, the NLR had only 92 partners, the volume of books received was less than 50 units, and the range of magazines was reduced to 250 titles. During this hard time, publications that were repeatedly donated by the Japanese Consulate in St. Petersburg gained particular importance. Thus, in 1999, 99 books on Japanese art and culture were received, while in 2000 this number dropped down to 38. In 2003, the Japan Foundation donated 68 editions chosen by the DAACL specialists. It is also worth mentioning the contribution of the famous Japanese Slavonic scholar Itokawa Koichi in obtaining Japanese books by the library.

Conclusion

In the 2000s, the IBE began to gradually recover. Now the NLR exchanges publications with more than 540 organizations in 65 countries of the world [Rossiyskaya natsional'naya, 2014, p. 47]. Among the Japanese partners, the main ones remain: the National Diet Library, Toyo bunko, universities of Tokyo, Osaka, Kyoto, the Japan Library Association, and various scientific societies like the Botanical Society of Japan, the Mathematical Society of Japan, Meteorological Society of Japan. However, it was not possible to restore the previous volume of book editions received from Japan, and the exchange is carried out mainly by periodicals. The number of applications received from Japanese organizations for certain Russian publications also sharply decreased. So, for example, in 2003 there were only 3 applications.

Based on the information provided by the International Exchange Section, the exchange with Japanese organizations remains stable, and the Japanese partners are expressing great interest. However, this is mainly the exchange of periodicals. In 2019, the library received 77 books (71 from the National Diet Library), 189 titles of magazines (932 issues), 42 issues of 12 continuing editions and 6 CDs. The overwhelming majority of organizations send their materials for free. About one third of their total number are scientific societies and associations that send publications on technology, mathematics, medicine, chemistry, physics, meteorology, and agriculture. One third are university libraries, the most notable of which are Kyoto, Tenri, Hitotsubashi, Kansai and Kokugakuin. Universities send their works on the humanities, natural and technical sciences: philology, social sciences, law, chemistry and biological sciences, mathematics, economics, medicine. Sixty editions come from organizations that rarely enter into exchanges. Basically, these publications are professional and technical: on various industries, nuclear physics, information technology and communications, medicine, education. Among the organizations that donate their publications are Tohoku University Medical Library, National Museum of Ethnology, Society of Economic Science, Japanese Association for the Study of Russian Language and Literature, Japan Society of Clinical Oncology, Japanese Society for Clinical Molecular Morphology.

The acquisition of periodicals is practically fully due to the IBE activity (as at 2019, all except 2 journals received as gifts are acquired through the IBE). Even the general book collection acquisitions are highly dependent on the IBE. In 2019 the fund received 143 books, where 77 were received by the IBE, 43 – compulsory copies of all books on Japanese published in Russia, and 23 were gifted. Thus, we can conclude that the IBE in the 21st century has become the main source of acquisition of the Japanese fund (53.8 % of the book fund and 99.8 % of periodicals). Moreover, in comparison with the 19th–20th centuries, now the library itself chooses the necessary books. Specialists receive lists three times per year (about 2000 titles in each one) and can choose exactly those publications that are lacking in the fund and in which readers will be interested in.

In conclusion, the author can confidently say that if in the 19th century the Japanese fund was accumulated only by way of donations (in an unsystematic and random way), at the beginning of the 20th century, along with the remaining main source of acquisition – donations of orientalists, private libraries, the Japanese Government and literature expropriated by the Soviet government, regular international book-exchange connections appeared (especially periodicals), which since the 1960s have become a systematic and main source of replenishment for the Japanese fund. Now, despite the fact that volumes have decreased (in 1990 due to economic reasons, since 2014 due to geopolitical reasons), the IBE has become the main source of acquisition (about 70 %) and the library no longer relies on the choice of literature donors, but chooses the necessary titles from several thousand publications.

Main abbreviations for the indication of archival funds

ОАД РНБ – DAD NLR – Department of Archival Documents of the National Library of Russia, ф. – фонд (fond / fund), оп. – описание (opis' / list), д. – дело (delo / file), л. – лист (list / sheet), ед. хр. – единица хранения (yedinitsa khraneniya / storage item), об. – оборот (oborot / back-cover)

References

- Istoriya Gosudarstvennoy ordena Trudovogo Krasnogo Znameni Publichnoy biblioteki imeni M. E. Saltykova-Shchedrina [History of the State Order of the Red Banner of Labor of the M. E. Saltykov-Shchedrin Public Library]. Eds. V. M. Barashenkov et al. Leningrad, Lenizdat, 1963, 435, [15] p. (in Russ.)
- Philippov E. A.** Rossiysko-yaponskoye sotrudnichestvo i knigoobmen v istorii Rossiyskoy natsional'noy biblioteki. K 200-letiyu yeyo otkrytiya. [Russian-Japanese cooperation and book-exchange in the history of the National Library of Russia. To the 200th anniversary of its opening]. *History of St. Petersburg*, 2015, no. 1 (71), pp. 50–55. (in Russ.)
- Pryanishnikova V. Ya.** Knigoobmennye svyazi mezhdru Rossiyskoy natsional'noy bibliotekoy i eyo partnorami v Yaponii [Book exchange relations between the National Library of Russia and its partners in Japan]. In: *St. Petersburg – Japan: 18th–21st centuries (St. Petersburg and the world)*. St. Petersburg, European House, 2012, pp. 527–534. (in Russ.)
- Rossiyskaya natsional'naya biblioteka: k 200-letiyu so dnya otkrytiya [The National Library of Russia: on the 200th anniversary of its opening]. Eds. G. V. Mikheeva, N. Yu. Prokhortsova. St. Petersburg: National Library of Russia, 2014, 312 p. (in Russ.)
- Shilov L. A., Moricheva M. D.** Stranitsy istorii Gosudarstvennoy Publichnoy biblioteki im. M. E. Saltykova-Shchedrina: Fontanka, 36 v 1970-e – pervoy polovine 1980-kh gg. [Pages of the history of the State Public Library. M. E. Saltykova-Shchedrina: Fontanka, 36 in the 1970s – the first half of the 1980s]. In: *Shilov L. A. Essays on the history of the Russian National Library*. St. Petersburg, 2008, pp. 279–300. (in Russ.)
- Sotrudniki Rossiyskoy natsional'noy biblioteki – deyateli nauki i kul'tury: biograficheskiy slovar'. [Employees of the National Library of Russia – scientists and cultural figures: a biographical dictionary]. In 4 vols. St. Petersburg, National Library of Russia, 1995–2013, 687, 704, 720, 714 p. (in Russ.)
- Kakyoku saraeko: Zou:ho kaisei seihan [歌曲時習考。増補改正] Educational Singing Examination Dictionary. Revised edition. Osaka, 1848, 497 p. OLSAA-Jap 1-102 (in Jap.)
- So: kyoku Taiyi sho: [箏曲大意抄] Selected Works for Koto, [s.n.], 1812, 42 p. OLSAA-Jap 5-16/1 (in Jap.)
- Takizawa Kiyoshi.** Senryu:do: ga fu [瀧澤清潜龍堂画譜] Takizawa Kiyoshi. Senryudo album (Hidden Dragon), Tokyo, [s.n.], 1879, 48 p. OLSAA-Jap 3-33 (in Jap.)

Tanen Tozaki. Senchu: to shi sen [淡園戸崎.箋註唐詩選] Collected Poems of Poets from Tang China with Explanations, Tokyo, [s.n.], 1784, 66 p. OLSAA-Jap 3-12/1 (in Chin. and Jap.)

Список литературы

- История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина / Под ред. В. М. Барашенкова и др. Л.: Лениздат, 1963. 435, [15] с.
- Прянишникова В. Я.** Книгообменные связи между Российской национальной библиотекой и её партнёрами в Японии // Санкт-Петербург – Япония: XVIII–XXI вв. (Санкт-Петербург и мир). СПб.: Европейский дом, 2012. С. 527–534.
- Российская национальная библиотека: к 200-летию со дня открытия / Отв. сост. Г. В. Михеева, Н. Ю. Прохорцова. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2014. 312 с.
- Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биографический словарь: В 4 т. СПб.: Рос. нац. б-ка, 1995–2013. Т. 1. 687 с.; Т. 2. 704 с.; Т. 3. 720 с.; Т. 4. 714 с.
- Филиппов Е. А.** Российско-японское сотрудничество и книгообмен в истории Российской национальной библиотеки. К 200-летию её открытия // История Петербурга. 2015. № 1 (71). С. 50–55.
- Шилов Л. А., Моричева М. Д.** Страницы истории Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Фонтанка, 36 в 1970-е – первой половине 1980-х гг. // Шилов Л. А. Очерки по истории Российской национальной библиотеки. СПб., 2008. С. 279–300.
- Какёку сараэко: Дзо:хо кайсэй сэйхан [歌曲時習考。増補改正] Учебный песенный словарь. Доп. изд. Осака, 1848. 497 с. ОЛСАА-япон 1-102 (на яп. яз.)
- Сокёку Тайи сё: [箏曲大意抄] Избранные произведения для кото. Токио: [Б.и.], 1812. 42 с. ОЛСАА-япон 5-16/1 (на яп. яз.)
- Такидзава Киёси.** Сэнрю:до: га фу [瀧澤清潜龍堂画譜] Альбом Сэнрю:до: (Скрытый дракон). Токио: [Б.и.], 1879. 48 с. ОЛСАА-япон 3-33 (на яп. яз.)
- Танъэн Тодзак.** Сэнтю: то:си сэн [淡園戸崎.箋註唐詩選] Собрание стихотворений поэтов Китая эпохи Тан с объяснениями. Токио: [Б.и.], 1784. 66 с. ОЛСАА-япон 3-12/1 (на кит. и яп. яз.)

Information about the Author

Evgeny A. Philippov, Expert Librarian

Информация об авторе

Евгений Александрович Филиппов, ведущий библиотекарь

*The article was submitted 08.07.2021;
approved after reviewing 14.08.2021; accepted for publication 25.08.2021
Статья поступила в редакцию 08.07.2021;
одобрена после рецензирования 14.08.2021; принята к публикации 25.08.2021*

Научная статья

УДК 930.271+94(510).01

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-57-71

Надпись на сосуде *Бу Ци гуй* и возникновение циньского государства

Максим Сергеевич Целуйко

Институт Дальнего Востока РАН
Москва, Россия

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

atharvan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5396-3386>

Аннотация

Цель статьи – определить институциональное различие рода правителей Цинь как подчиненного служебного владения Западного Чжоу от рода монархов независимого государства Цинь эпохи Восточного Чжоу. Для этого сопоставлены тексты трех надписей на бронзе IX–VII вв. до н. э.: *Бу Ци гуй*, *Цинь гун чжун*, *Го цзи цзы Бай пань*. Две из них были созданы по приказу циньских правителей, а третья имеет прямое отношение к событиям, связанным с появлением владения Цинь. Соотнесение информации этих надписей с данными «Исторических записок» Сыма Цяня позволило четко установить момент превращения Цинь из владения в государство и показать сопровождавшие этот процесс институциональные инновации. Мы рассмотрели как его внутрисполитические свойства (кризис в передаче власти), так и внешнеполитические – изменение иерархических отношений Цинь с владением Го, а также то, какую роль в этом превращении играла территориальная экспансия. В качестве гипотетической модели были выведены различия свойств родового служебного владения от самостоятельного государственного образования.

Ключевые слова

древняя история Китая, Цинь, *цзиньвэнь*, эпиграфика, государство, социально-политические институты, уделы, институциональная трансформация

Для цитирования

Целуйко М. С. Надпись на сосуде *Бу Ци гуй* и возникновение циньского государства // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 57–71. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-57-71

The *Bu Qi Gui* Inscription and Genesis of the Qin State

Maxim S. Tseluyko

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

atharvan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5396-3386>

Abstract

The aim of this paper is to define the institutional difference between the aristocratic lineage ruling the service fief of the Western Zhou era and the royal dynasty, reigning over the independent state of the Eastern Zhou era. Different approaches to the genesis of the Qin State are discussed in this paper: the archaeological approach and the “Zhou fief-

© Целуйко М. С., 2021

dom” approach. The first one lacks data directly describing the political process. The problem of the second one is its being based practically on one written source that postdates the events described by 500 years. Therefore, to escape the failures of these methods, the author developed a specific approach that would both deal with political and institutional data on the one side while using data from different sources contemporary to the events in question. Data explicated from *Bu Qi gui*, *Qin gong zhong* and *Guo ji zi Bai pan* – three inscriptions on the bronze vessels dating between IX and VII centuries BC was scrutinized and compared. Two of them were cast by Qin rulers and the third describes the events leading to the creation of the Qin domain. Comparing information of these sources with the data from Sima Qian’s *Shi ji* allows to determine the precise moment of the Qin domain being transformed into the Qin State and show the institutional innovations that went along with this process. The interior political change of this time is described (i.e. the political crisis of royal inheritance) as well as the exterior change in Qin’s place inside the hierarchy of Zhou domains, particularly the changing relations between the Qin State and the domain of Xiao Guo. This clarified the place that the process of territorial expansion had in this transformation. As a hypothesis, the author built a model presenting the properties distinguishing a service fief and an independent state.

Keywords

Ancient Chinese history, Qin, *jinwen*, epigraphic, state, social and political institutions, domain, institutional transformation

For citation

Tseluyko M. S. The *Bu Qi Gui* Inscription and Genesis of the Qin State. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 57–71. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-57-71

Введение

Возникновение государства Цинь 秦 (VIII–III вв. до н. э.) в Восточной Азии обычно осмысливается в мировой синологии в терминах этнографии и археологических культур, либо как явление системы «удельных владений» Западного Чжоу¹. Первая позиция основана на археологическом материале, а вторая – на данных пятой главы «Исторических записок» Сыма Цяня².

Цель данной работы – расширить поле используемых источников, а с другой, – наметить путь к объединению вышеупомянутых непересекающихся концепций зарождения циньского государства в единый исторический процесс. Для этого мы дополним информацию «Исторических записок» о раннем периоде существования государства Цинь (он же – поздний период существования государства Западного Чжоу 1027–771 гг. до н. э.) данными некоторых надписей на бронзовых сосудах³.

Необходимость этого проистекает из проблем, с которыми сталкивается каждый из вышеупомянутых подходов.

Первый подход рассматривает археологические данные о культуре Цинь либо в рамках истории его гипотетического (суб-)этноса, либо как вариант погребальной традиции, не выделяя этап или дату начала собственно государственности Цинь как политического образования.

Подробное раскрытие второго подхода представляет государство Цинь как родовое владение дома Ин 嬴, транслируя субъективную позицию синхронных его существованию источников, которая впоследствии привела к созданию идеи китайских «династий», «династийного цикла» и смешению понятия «династия» и «государство». В этих концепциях государство представлено как производное от деяний членов определенного рода⁴. Такой

¹ Примером первого являются книга Тэн Миньюй по археологической культуре Цинь [Тэн Миньюй, 2003, с. 47–60] и сборник под редакцией Ю. Пинеса «Рождение империи» (Birth of an Empire) 2013 [Falkenhausen, Pines, Shelach, Yates, 2013, с. 53–70]. Примером второго можно считать соответствующий раздел в первом томе десяти томной академической «Истории Китая» [Истории Китая, 2016, с. 860].

² Подробнее повествование об образовании Цинь как удела Западного Чжоу изложено в [Сыма Цянь, 2003, с. 18–19].

³ Мы следуем хронологии, принятой в 1-м томе десяти томной академической истории Китая, принимая изложенные там аргументы. Подробнее см. [История Китая, 2016, с. 659].

⁴ См., например, послесловие тайшигуна к 5-й главе «Исторических записок» [Сыма Цянь, 2003, с. 52], которое все посвящено вопросу рода и фамилии.

подход, в большей мере узко генеалогический, нежели исторический, не может датировать момент превращения Цинь из владения рода, находящегося на службе западножоуских монархов, в самостоятельное государство.

Политические институциональные контакты и перемены хорошо отражаются на материале надписей на ритуальных бронзовых сосудах⁵. Они включали описание заслуг реципиента сосуда, перечисляли предметы, которыми его одаривало более высоко стоящее по статусу лицо. В. М. Крюков писал об этих дарениях как о «системе последовательных коммуникативных действий, которые связывали между собой различные слои древнекитайского общества» [Крюков, 2000, с. 122]. Таким образом, надписи на бронзовых сосудах *цзиньвэнь* являются источником по социально-политической, институциональной истории.

Данные надписей

Самым ранним из известных циньских бронзовых сосудов с надписями является *Бу Ци гуй* 不其簋 [Юн Цзичунь, Чжоу Сяоцун, 2015, с. 92]. Это круглодонный бронзовый сосуд для зерна на невысоком поддоне, с тремя небольшими ножками под поддоном, а также двумя фигурными ручками. Сосуд был обнаружен в Шаньдуне в уезде Тэнсянь 藤县 в 1980 г. Вместе с сосудом упоминается крышка, известная еще со времен владычества Цин (1644–1912). На сосуде на внутренней поверхности располагается текст, состоящий из 148 знаков, если считать знаки удвоения иероглифов – то 151 знак [Вэй Шэньюй, Гэ Хайян, 2014, с. 90]. На крышке располагается почти идентичный текст. Надпись датируется временем западножоуского Сюань-вана 宣王 (827–782 гг. до н. э.) [Юн Цзичунь, Чжоу Сяоцун, 2015, с. 93].

Ниже даны оригинал современными китайскими иероглифами и перевод на русский этой надписи⁶.

唯九月初吉戊申。

白氏曰：“不其(其)驭方玁狁，广伐西俞，王令我羞追于西。余来归献禽，余命女御追于[洛]。女以我车宕伐玁狁于高陵，女多折首执讯。戎大同[从]追女，女[及]戎大敦搏，女休，弗以我车陷于艰，女多禽折首执讯。”

白氏曰：“不其(其)女小子，女肇诲于戎工，易女弓一，矢束，臣五家，田十田，用[从]乃事。不其(其)拜稽手休，用作朕皇祖公白孟姬尊簋，用丐多福，眉寿无疆，永屯(纯)霈终，子子孙孙其永實用享。”

«В 9-м месяце в начале, благоприятный день *у-шэнь*. Господин Бай сказал: «Бу Ци, *сяньюни* из северной страны [предприняли] широкий поход на западный край⁷. Ван приказал мне посрамить их и прогнать на запад. Я иду назад поднести [Вану] захваченных, я приказываю тебе вести погоню на [Ло]. Ты, используя мои колесницы, безудержно напал на *сяньюней* в Гаолине, ты много срубил голов и захватил пленных.

⁵ Лучше всего это обосновано в книге В. М. Крюкова «Текст и ритуал» (2000 г.): «Письменность в Китае изначально не столько служила целям информации в привычном смысле этого слова, как являлась орудием осуществления власти и ритуала» [Крюков, 2000, с. 16]. Подробно о социально-политических и институциональных функциях записей на бронзе, упоминающих дарения, см. [Там же, с. 120–137]

⁶ Оригинал приводится по: [Вэй Шэньюй, Гэ Хайян, 2014, с. 90]. Перевод наш. Существуют также переводы на русский М. В. Крюкова (см. [Крюков М. В., Хуан Шуин, 1978, с. 351]) и С. Р. Кучеры (см. [Кучера, 2013, с. 509–513]).

⁷ М. В. Крюков переводит этот фрагмент как «племя, которое передвигается, управляя лошадьми», трактуя иероглиф *юй* 驭 как иероглиф *юй* 御, который означает «управлять лошадьми» [Крюков М. В., Хуан Шуин, 1978, с. 78]. Но иероглиф *фан* 方 тогда либо остается без перевода, либо переводится как «передвигаться». Поэтому здесь мы следуем за переводом Юань Цзиньпина и Мэн Чжэня, которые, ссылаясь на Ли Сюэциня, трактуют иероглиф *юй* 驭 как вариант иероглифа 朔, который, согласно словарю Эр я, обозначает «Север» [Юань Цзиньпин, Мэн Чжэнь. 2017, с. 49]. Ли Сюэцин даёт иероглиф 朔 как вариант в своей статье по данной надписи [Ли Сюэцин 1980, с. 25]. Здесь мы принимаем этот вариант, как позволяющий объяснить оба иероглифа. В то же время нельзя не отметить, что это лишь версия, а однозначный перевод сочетания иероглифов *юйфан* 驭方 представляется нам делом будущих исследований.

[Вражеские] воины (жуны) в великом согласии погнались за тобой, ты [вражеских] воинов мощно усмирил в рукопашной. Ты благословен, не обрек мои колесницы на несчастье (не попал в ловушку), ты много [добычи] захватил и срубил голов и схватил пленных.

Господин Бай сказал: «Бу Ци, ты малый сын (цзы), ты начал совершенствоваться в воинских трудах, дарю тебе лук один, стрел связку, слуг пять семей, полей десять полей, используй их для твоего служения.

Бу Ци, поклонившись со сложенными руками [за] милость, [будет] использовать для изготовления [сосуда] гуй, почитая наших августейших предков, гуна Бая и Мэн Цзи⁸, использовать для вымаливания многого счастья, безграничного долголетия, вечной чистоты до конца жизни, сыновья и внуки будут его вечно использовать как драгоценность для поднесения [жертвенных] даров».

Упомянутый здесь Бу Ци 不嬰 (其), – это циньский Чжуан-гун 莊公 (821–778 гг. до н. э.), личное имя которого было Ци 嬰 [Юн Цзичунь, Чжоу Сяоцун, 2015, с. 93]⁹.

В пользу такого отождествления говорит определение сосуда Бу Ци гуй как самого раннего циньского сосуда по палеографическим критериям, по оценке стиля написания иероглифов. Чтобы не быть голословными, приведем сравнение формы именного иероглифа 嬰 в циньских надписях данной эпохи с другими, не-цинскими, случаями употребления этого знака (см. таблицу).

Как видно из таблицы, знак 嬰 в форме, полностью идентичной знаку на сосуде Бу Ци гуй, бытовал только в Цинь в позднем Западном Чжоу, в раннем и среднем Чуньцю. Это видно по надписям на сосудах, атрибуция которых как циньских не может вызывать сомнений¹⁰. Похожий знак наблюдается на сосудах из Чу и Ци позднего периода Чуньцю. Учитывая, что сосуд Бу Ци гуй с надписью найден на Шаньдуне, этот знак в Ци представляется заимствованием, происшедшим, скорее всего, в рамках брачных контактов. Учитывая династические браки и союзнические отношения между Цинь и Чу в позднее Чуньцю, представляется весьма вероятным, что и в Чу знак мог попасть из Цинь с сосудами из приданного. Таким образом, в Цинь употреблялся знак 嬰 в такой форме, как в надписи на Бу Ци гуй при том, что эта форма распространенной или общепринятой за пределами Цинь не была. Далее необходимо учесть ряд совпадающих обстоятельств.

1. Личное имя циньского Чжуан-гуна было Ци 其, как и у реципиента пожалований и дарений в надписи Бу Ци гуй.

2. Он жил в позднее Западное Чжоу, когда был создан сосуд Бу Ци гуй, при Сюань-ване, правлением которого китайские ученые датируют сосуд.

3. Согласно «Историческим запискам», Чжуан-гун получил свое владение после военного похода на «жунов», на самом западном краю чжоуского мира [Сыма Цянь, 2003, с. 18]. Так же и Ци из надписи получает дары и земельное пожалование вследствие похода в «Западный край».

4. «Западный край» надписи 西俞 отождествляется китайскими исследователями с «западным краем» из «Исторических записок» 西垂 [Ли Сюэцин, 1980, с. 25]. Дафу (сановником, владыкой) «западного края» Чжуан-гун стал после того, как западные жуны были разбиты: 為西垂大夫 «получил титул сановника западных окраин» [Сыма Цянь, 2003, с. 18].

⁸ Пока неясно, кто это.

⁹ Эта гипотеза является общепринятым научным консенсусом в КНР как минимум с тех пор, как Ван Говэй отождествил Бу Ци гуй с совокупностью циньских сосудов по стилю письма, а Ли Сюэцин отождествил Бу Ци с Чжуан-гуном по тождеству имени, времени и исторических обстоятельств. Подробнее см. [Ли Сюэцин, 1980, с. 26].

¹⁰ В таблице приведены знаки с колокола Цинь гун бо и сосуда Цинь гун гуй, но в нижеприведенной надписи на колоколе Цинь гун чжун знак 嬰 в двух случаях тоже написан как 嬰, но в таблицу мы его вставлять не стали для экономии места.

	Знак 嬰 из надписей на циньских сосудах					Самые близкие по форме вариации знака 其 из не-циньских сосудов			
						Западного Чжоу		эпохи Чуныцю, поздний период	
Название и тип предмета	不嬰簋 Бу Ци гуй (горшок)	不嬰簋蓋 Бу Ци гуй, крышка	秦公鎛 Цинь гун бо (колокол)	秦公簋 Цинь гун гуй (горшок)	台伯簋蓋 Тайбо гуй, крышка	刺鼎 Ла дин	王孫遣者鍾 (колокол, Чу)	乙鼎 (треножник, Ци)	子期戈 (клевец)
Оригинал									
Оригинал									
Современный знак	嬰	嬰	嬰	嬰	期(期)	期(期)	嬰	嬰	嬰
Структура знака	其+女+乚	其+女+乚	其+女+乚	其+女+乚	其+乚	其+乚	其+女+乚	其+女+乚	其+女+乚
Различия по сравнению с циньской версией					Нюй 女 отсутствует, 其 其 пишется иначе	Нюй 女 отсутствует, 其 其 пишется иначе	Нюй 女 и izi 乚 пишутся иначе	Нюй 女 и izi 乚 пишутся иначе	Другой стиль каллиграфии

Итак, совпадают имя, место, время, обстоятельства и форма знаков. Если первые четыре признака и могут быть совпадением или ошибкой, то палеографические данные – нет. Сложно представить себе, что найдется еще один человек (не Чжуан-гун) по имени Ци, который в правление Сюань-вана участвовал в кампании на «западном краю» чжоуской ойкумены, получил награду и владение, а потом форма написания имени которого бытовала в сакральных контекстах исключительно в надписях на бронзовых сосудах циньских правителей эпохи раннего и среднего Чуны.

В вышеприведенном тексте надписи *Бу Ци гуй* описывается ритуал вознаграждения за заслуги, где Бай 白 как вышестоящий одаривает Бу Ци, устанавливая между ними иерархические отношения¹¹. Китайские исследователи полагают, что это *цзы* Бай 子白, упомянутый на сосуде *Го цзи цзы Бай пань* 虢季子白盤 [Вэй Шэньюй, Гэ Хайян, 2014, с. 90]. Ван Говэй и Ли Сюэцин полагали, что по характеру написания иероглифов упомянутые нами надписи на *Бу Ци гуй* и *Го цзи цзы Бай пань* сходны и выполнены в «циньской» манере написания знаков на бронзе, т.е. они связаны общим содержанием и сходной формой знаков. Ниже приводится оригинал и перевод надписи на *Го цзи цзы Бай пань*¹²:

佳(唯)十又二年, 正月初吉丁亥, 虢季子白乍寶盤。不(丕)显子白, 壮武于戎工, 经纬四方。搏伐猋猋, 于洛之阳。折首五百, 执讯五十, 是以先行。桓桓子白, 献馘于王, 王孔加子白义。王各(格)周庙宣榭, 爰飨。王曰: “白父, 孔显又(有)光。”王赐乘马, 是用左(佐)王; 赐用弓彤矢, 其央。赐用戍(钺), 用政(征)蛮方。子子孙孙, 万年无疆。

«На 12-й год, в первый месяц, в начале в благоприятный день *дин-хай* Го Ци цзы Бай изготовил драгоценное [блюдо]-пань. Весьма проявивший [себя] цзы Бай, [чье] бесстрашие в военных трудах пронизывает четыре стороны [света], бился в походе на *сяньюней*, на севере от Ло. Срубил голов пять сотен, схватил пленных пять десятков, сим следует впереди. Воинственный цзы Бай поднес уши [сраженных врагов] Вану, Ван весьма превознес верность цзы Бая. Ван вошел в храм Чжоу, в зале стрельбища провел пир. Ван сказал: «Отец Бай, весьма проявленный и славный». Ван одарил четверкой лошадей, их использовать для [выезда в войске] слева от вана, одарил для использования лук с красными стрелами, их [цвет] пышный. Одарил для использования [секирой] юэ, [будет] использоваться в походах в края *маней* сыновьями и внуками, десять тысяч лет без конца».

Надпись также датируется правлением Сюань-вана [Цай Чжэмао, 2006, с. 28]. При сравнении обнаруживается ряд сходных элементов информации.

1. Поход на племя *сяньюнь* 猋猋¹³
2. То, что это было «при Ло» *юй ло* 于洛
3. Победа в походе – захват пленных *чжи сюнь* 执讯 и срубленные головы *чжэ шоу* 折首
4. Упоминаются успехи получателей дарения «в военных трудах» *юй жун гун* 于戎工
5. В списке даров упоминаются лук *гун* 弓 и стрелы *ши* 矢

Содержание этих синхронных надписей указывает на одну серию событий. Общим для них субъектом был титулованный аристократ *цзы* 子 по имени Бай из владения Го 虢, младшей (на это указывает иероглиф *цзи* 季 – «младший») ветви чжоуского правящего рода *Цзи* 姬. Возможно, эти события связаны с упоминаемыми в «Исторических записках» Сыма Цяня походами циньцев на племена *жунов* 戎 при Сюань-ване [Гао Шижун, 2015, с. 97]. В источнике говорится: «Чжоуский Сюань-ван призвал к себе Чжуан-гуна с братьями, дал им семь тысяч воинов и послал в поход против западных жунов, которых они разбили. После этого [Сюань-ван] пожаловал [Чжуан-гуну] наследие Цинь-чжуна и земли их предка Да-ло в Цюаньцю. [Чжуан-гун] стал владеть всем этим и получил титул сановника западных окраин»

¹¹ Подробнее о том, как социально-политические отношения проявлялись в ритуалах дарения см.: [Крюков, 2000, с. 121–137].

¹² Оригинал приводится по: [Би Шучунь, 2008, с. 100]. Кроме того, В. М. Крюков опубликовал прорисовку знаков в оригинальной графике [Крюков, 2009, с. 161]. Перевод наш.

¹³ Некоторые исследователи отождествляют это племя *сяньюнь* эпохи западного и восточного Чжоу с сюнну эпохи Хань [Вэй Шэньюй, Гэ Хайян, 2014, с. 91].

[Сыма Цянь, 2003, с. 18]. Эти события датируются 822 г. до н. э. [Сыма Цянь, 2003, с. 18]. Так в «Исторических записках» связывается поход на жунов и будущее правление в Цинь той ветви рода Ин 嬴, которая происходила от Чжуан-гуна и правила Цинь до падения империи в 207 г. до н. э. Источник полагает начало непрерывной политической истории Цинь в 822 г. до н. э. и представляет Цинь как пожалование, данное напрямую Сюань-ваном правителю Цинь с титулом Чжуан-гун, который и возглавлял семитысячную армию, отправленную чжоусцами на запад против жунов.

Однако вышеприведенные надписи открывают иную картину. Во-первых, будущий Чжуан-гун не возглавлял войска этого похода, а, напротив, подчинялся приказам своего господина по имени Бай. Во-вторых, дарения и связанный с ними формальный статус правителя земель будущего Цинь будущий Чжуан-гун получил из рук того же Бая, а не напрямую из рук чжоуского Сюань-вана. Таким образом, дары от царя переходят на конечного дарополучателя (Бу Ци, будущий Чжуан-гун) опосредованно через представителя рода Го по имени Бай. Такие же ситуации В.М. Крюков описывает по «сдвоенным надписям» эпохи Западного Чжоу [Крюков, 2000, с. 121]. Они состоят из двух частей: первая представляет собой описание пожалования от царя в пользу высшего аристократа, вторая – пожалование им части даров царя в пользу подчиненного уже ему представителя знати. Надпись *Бу Ци гуй* можно рассматривать как не до конца сформированную «сдвоенную надпись» – она упоминает приказ, который был дан царем Баю, а также тот приказ, который сам Бай даёт Бу Ци, но перечисления даров царя Баю нет.

О возникающих в результате таких дарений социально-политических отношениях В. М. Крюков писал, что они устанавливались не только между индивидами, а между родовыми группами, указывая каждой из них определенное место в рамках социально-политической иерархии Западного Чжоу [Крюков, 2000, с. 122]. Поэтому пожалованное господином Баем владение рода Бу Ци (будущего Чжуан-гуна) было подчиненным не по отношению к домену западночжоуского царя, а по отношению к роду Го. Владение последнего было недалеко от «пожалованных» Чжуан-гуну земель Цюаньцю, локализуемых как район Тяньшуй 天水 провинции Ганьсу¹⁴. Ритуальное завершение надписей упоминает, что «сыновья и внуки» *цзыцзы суньсунь* 子子孫孫 будут беречь дары и, следовательно, отношения родов сохранят устанавливаемый дарением характер. Это означало, что при создании владения Цинь мыслилось как нормативно (навсегда) подчиненное роду Го, правителям удела Западного Го 西虢.

Впоследствии чжоуские ваны переехали на восток в Чэнчжоу 成周 (будущий Лоян 洛阳), как и правители Западного Го, чьи западные земли стали Малым Го 小虢¹⁵. Цинь двинулось в бывшие земли Чжоу в долине реки Цяньшуй и в процессе их покорения уничтожило Малое Го в 687 г. до н. э. [Сыма Цянь, 2003, с. 21]. Так правители Цинь к тому моменту разорвали иерархические отношения с родом Го, формально существовавшие около 130 лет, и изменили свой статус в чжоуской иерархии, переживавшей тогда коренную перестройку. При этом в традиционные письменные источники, связанные с Цинь, почти не вошла информация о существовании некогда иерархической связи между Цинь и родом Го¹⁶. Это противоречило бы конструируемой идеологеме об особой связи Цинь и дома Чжоу, которой циньцы оправдывали свои притязания на земли бывшей западночжоуской метрополии¹⁷. Из тради-

¹⁴ О локализации Цюаньцю см. [Целуйко. Формирование..., 2019, с. 137]. О владении рода Го, которое сначала называлось Си Го 西虢 (западное Го), а потом Сяо Го 小虢 (малое Го) см. [Сыма Цянь, 2003, с. 196].

¹⁵ В китайской исторической науке существует дискуссия о том, когда именно Западное Го совершило «перемещение на восток» 东迁. Существует точка зрения, что это произошло при чжоуском Пин-ване 平王 (770–720 до н. э.) [Пэн Юйшан, 2006, с. 22], но некоторые ученые считают, что это совершилось гораздо раньше, еще в Западное Чжоу [Лу Ихань, 2019, с. 75].

¹⁶ Авторы «Исторических записок» основывались в том числе и на циньских хроникальных источниках. Подробнее см. [Сыма Цянь, 2001, с. 49].

¹⁷ Подробнее об этом представлении о связи Цинь и Чжоу см. [Pines, 2004, с. 4–23].

ционных письменных памятников единственным исключением является древний текст Бамбуковых анналов, который косвенно подтверждает то, что изначально правящий род Цинь был подчинен роду Го. Сравним сообщение древнего текста Бамбуковых анналов с аналогичным сообщением из Чуныцю Цзочжуань. В последнем памятнике под 708 г. до н. э. записано: «Зима. Войско [чжоуского] вана, войско [царства] Цинь осадили [владение] Вэй. Захватили бо [царства] Жуй – чтобы вернуть его» [Чуныцю Цзочжуань, 2011, с. 103]. Китайский оригинал: 冬王師秦師，圍魏，執芮伯以歸. Под тем же годом в древнем тексте Бамбуковых анналов записано: 8-й год [правления У-гуна] (708 г. до н. э.). Войско Чжоу и войско Го осадили Вэй, захватили жуйского бо Ваня, [вывезли] его на восток [Бамбуковые анналы, 2005, с. 119]. Оригинал: 八年，周師，虢師圍魏取芮伯萬而東之 [Там же, с. 94]. Бамбуковые анналы, не подвергавшиеся ни древней редактуре, ни влиянию циньских генеалогических идеологов после своего создания, ставят «войска Го» на то место, куда Чуныцю Цзочжуань, закончившая процесс своего формирования только при Ван Мане, помещает «войска Цинь». Возможно, это означает, что до уничтожения циньцами владения Малое Го в 687 г. до н. э. восточные государства (как Цинь, в котором были созданы Бамбуковые анналы) записывали циньские войска как часть сил владения Го.

Таким образом, можно предположить, что около 822 г. до н. э. род будущих правителей Цинь получил для службы некоторые земли («десять полей») от рода Го в качестве служебного наследственного владения. Это означает, что государством Цинь в конце IX в. до н. э. еще не было. Именно дальнейшие события: разрыв отношений с родом Го, уничтожение Малого Го, смена статуса правителей Цинь – и составляют процесс превращения Цинь в государство уже после того, как в 771 г. до н. э. представители старших родов – Го и чжоуских правителей – окончательно переместились на восток, в Чэнчжоу, будущий Лоян.

Надписи Цинь как раннего государства

Было ли это превращение владения в государство осознанным процессом, отражался ли он в представлениях циньских правителей о себе и своих социально-политических институтах?

Чтобы понять, изменилось ли институциональное самосознание циньцев, необходимо рассмотреть следующую по времени после *Бу Ци гуй* надпись. Это надпись *Цинь гун чжун* 秦公钟 на бронзовом колоколе, датируется правлением в Цинь У-гуна (697–678 гг. до н. э.) [Чжан Тяньэнь, 1980, с. 95]. Приведем эту надпись в оригинале и переводе¹⁸:

秦公曰：我先且(祖)受天命，商(赏)宅受或(国)刺刺(烈)邵(昭)文公、静公。宪公，不豕(坠)于上，邵合(答)皇天，以虢吏(使)蠻(蛮)方。公及王姬曰：余小子，余夙夕虔敬朕祀，以受多福。克明又心，戾秣胤士，咸畜左右。藹藹允义，冀受明德。以康奠協朕或(國)，盜(羨?)百蠻，具即其服。乍厥和钟，音缺缺，以宴皇公，以受大福，屯魯多厘，大寿万年。秦公嫫峻令才(在)立(位)，膺受大命，眉寿无疆，溥受四方，嬰康宝。

«Циньский гун сказал: Наши прошлые предки обрели небесное повеление, пожалованы жилищем и получили владение. Светлые и славные Вэнь-гун, Цзин-гун, Сянь-гун (Нин-гун?) нерушимы наверху, возвышенно отвечают августейшему небу, сим трепетно служить в маньском краю (обороне). Гун и царственная супруга говорят: Я малый сын, я от утра и до вечера почтительно с трепетом [приношу] мои жертвы, чтобы обрести многие счастья, мочь просветить насущные помыслы (сердце), обуздать и умиротворить потомственных [служилых] мужей (*ши*), позаботиться всюду справа и слева. Во многом во многом соответствуя долгу, чаю обрести сияющие дары (добродетель, дэ), дабы во благоденствие созидать в согласии наше владение, жаждая [чтобы] сто *маней* следовали всем их обязанностям. Изготовил этот гармоничный колокол, дабы его звуки звона чествовали августейших гунов, дабы обрести великое благо, полное счастье, многие радости, великое долголетие на десять тысяч лет. Циньский гун, Он [да] приказывает вечно на престоле, заслуженно обрящет великое веление [неба], [имея] неиссякаемое долголетие, повсеместно принимая четыре стороны, [будет] вечно [хранить] Его [как] драгоценность».

¹⁸ Оригинал приведен по [У Шицян, 1980, с. 104]. Перевод наш.

В этой надписи знак *Ци* 𠂔 тоже присутствует, притом не в отношении чужаков и инородцев *маней* и «их (тут *ци* обычное, простое – 其) обязанностей, а в конечной сакрально значимой возвышенной ритуальной формуле в отношении самого правителя («его приказы») и сосуда («его хранить»), из чего видно, что иероглиф этот обладал повышенной стилиевой окраской и священным значением¹⁹. Чтобы отметить это, мы написали эти местоимения в переводе с большой буквы.

Данная надпись отличается от вышеприведенных. В ней не устанавливается определенное иерархическое отношение между живыми представителями наследственной знати, но правитель говорит про себя и про своих предков. Она принадлежит типу «самосоотносящихся» надписей²⁰. Последующие циньские надписи эпохи Чуньцю относятся в основном к этому же типу²¹. Для составителей надписи приоритетным сакральным и политическим авторитетом является циньский правитель. Это новое, монархическое, самосознание, которое можно было бы назвать самодержавным или суверенным. Это сознание не подчиненного аристократа, а носителя высшей власти. Здесь правитель Цинь мыслит себя монархом, а свой род – как царский род, что сильно отличает эту надпись от предыдущей *Бу Ци гуи*. Это изменение происходит в процессе институционализации циньской монархии, превращения рода служилой знати в правящий. Новые социально-политические институты возникают на месте старых.

Царский род как социально-политический институт по своим свойствам, проявляющимся в этой надписи, отличается от просто знатного рода. Ниже рассмотрим это отличие подробно.

В данной надписи правитель Цинь перечисляет своих непосредственных предков, она приобретает некоторые функции и признаки генеалогии. Ритуальное отношение создателя сосуда с предками, которым он посвящен, не является чем-то новым для надписей на бронзе – но в предыдущую эпоху Западного Чжоу перечисление списка предков с именами встречалось на бронзовых сосудах довольно редко.

Далее надпись не упоминает контактов или обменов дарами ни с каким поименованным представителем знати, но называет две другие группы людей, в отношениях с которыми находится монарх.

Первая группа – социально-политическая. Это *иньши* 胤士, т. е. «потомственные (преемственные, наследственные) [служилые] мужи», страта передававших свои должности по наследству служащих, относительно узкая и закрытая [Хао Течуань, 1985, с. 50].

Вторая группа – этническая. Это *баймань* 百蠻 – «сто маней», разные южные племена, противопоставлявшиеся восточным синотибетцам *ся* 夏 (предкам современных китайцев).

По такому устройству надписей виден отход от ранее существовавшей системы представлений, где даритель (иногда – монарх) как член старшего рода противопоставлялся поименованному представителю младшего рода. Теперь же монарх как институт, как социально-политическое обобщение противопоставлен другим группам и институтам, выраженным в надписи этническими и социально-политическими обобщениями. Это противопоставление титула правителя социальным и этническим терминам показывает, что «циньский гун» здесь не только титул человека, но обозначение института, как бы группа, вырожденная до одного живого человека и ряда его мертвых предков. Не род противопоставляется роду, а институт – институтам и группам.

Так надписи на бронзе свидетельствуют об институционализации циньской государственности, происходившей в период между 822 и 678 гг. до н. э. Проявлялся ли этот процесс в остальных сферах циньской истории, отражался ли в традиционных памятниках?

¹⁹ Отметим, что на других циньских сосудах из вышеприведенной таблицы этот иероглиф Ци тоже встречается именно в сакральном контексте финальной ритуальной фразы надписи.

²⁰ У англоязычных исследователей это называется «self-referential», см. [Kern, 2009, с. 193].

²¹ Подробнее см., например, в [У Шицян, 1980, с. 104; Гао Шижун, 2015, с. 96–98].

Другие данные о раннем Цинь по Сыма Цяню

Обобщением историко-политического процесса государства древности выступает его периодизация²². Правление Чжуан-гуна по имени Ци, упоминаемого в надписи *Бу Ци гуй*, является первым правлением нулевого периода в истории Цинь – 822–716 гг. до н. э. А правление У-гуна, на которое приходится надпись *Цинь гун чжун*, является третьим в первом периоде истории Цинь – 715–660 гг. до н. э. [Целуйко, 2014, с. 256]. Нулевой период назван так, потому что в источниках уже есть точно датированные данные, но располагалось Цинь в это время ещё к западу от хребта Люпаньшань 六盤山, вне основных чжоуских земель [Целуйко, 2019b, с. 137]. Освоение циньцами бывших западночжоуских земель началось только в середине первого периода [Там же, с. 138]. Предполагалось, что в «нулевом» периоде Цинь еще не было самостоятельным государством. Анализ надписей, приведенных выше, подтверждает эту гипотезу.

1. При Чжуан-гуне (821–778 гг. до н. э.) Цинь было служебным владением, в тексте надписи *Бу Ци гуй* говорится, что он получил для службы «десять полей» от *цзы* по имени Бай из Го.

2. Генеалогия циньского правителя в надписи *Цинь гун чжун* начинается с Вэнь-гуна (765–716 гг. до н. э.), по правлению которого проходит граница между нулевым и первым периодами, так как именно он первым перенес свою ставку к востоку от Люпаньшань.

Судя по данным надписи *Цинь гун чжун*, циньские правители считали именно Вэнь-гуна первым из членов их рода, кто обладал (после смерти) титулом правителя *гун* 公²³. Именно при нём начинается покорение района к востоку от Люпаньшань, что связывает процесс территориальной экспансии с институционализацией государства²⁴. И именно на стадию покорения новых земель выпадают в истории Цинь внутривластные кризисы, происходящие из-за изменения политических статусов правителя и знати [Целуйко, 2019a, с. 209].

В «Исторических записках» фиксируется факт, что в предыдущем (нулевом) периоде старший из сыновей Чжуан-гуна по имени Ши Фу 世父 отказался от власти в Цинь и передал ее младшему брату, который и стал правителем Цинь, с именем Сян-гун 襄公 (777–766 гг. до н. э.) [Сыма Цянь, 2003, с. 18], то есть в это время старшинство в роду и главенство в Цинь не были обязательно связаны между собой и последнее само по себе, видимо, не выглядело привлекательной для Ши Фу целью. Однако это изменилось после того, как Цинь стало государством, а его правитель стал монархом. После этого (и до 659 г. до н. э.) родственники по мужской линии правителей Цинь боролись за власть друг с другом как за некое благо, поэтому родовые отношения между ними можно считать распавшимися²⁵. После этого боковые ветви правящего рода создают свои роды в уделах, получаемых от правителя как компенсацию за утрату возможности претендовать на трон, первый пример чего зафиксирован в Цинь в 678 г. до н. э.²⁶ Так институционализация монархии в Цинь повлекла за собой появление нового института – царской знати, которая происходила от братьев правителей.

²² Например, по Цинь см.: [Целуйко, 2014].

²³ Из этого следует, что более ранние главы рода правителей Цинь получили свои титулы ретроспективно, что соответствует более поздней китайской традиции.

²⁴ О процессе территориальной экспансии Цинь и о разнице между различными стадиями этого процесса – проникновением, покорением, освоением, см. [Целуйко, 2019b, с. 135–137].

²⁵ Под родовыми отношениями мы имеем в виду состояние единства родового коллектива, когда члены одного рода стоят вместе за свой род и имеют общий политический интерес, то есть когда род действует как единая группа против других групп политической борьбы.

²⁶ Подробнее об этом см. в [Целуйко, 2019a, с. 210–211].

Выводы

Из вышеприведенного видно, как сильно отличается род правителей Цинь как царский род первого периода его истории от него же как от аристократического рода служебного владения нулевого периода. Это значит, что в последней четверти IX в. до н.э. государства Цинь еще не существовало, а было владение рода будущих правителей Цинь, носящего фамилию Ин 嬴. Его правители (или скорее управители) получили статус, дары и землю от своих начальников из близлежащего владения рода Го 郭. Возможно, в это время именно род Го решил, какой из представителей рода Ин должен был быть управителем в будущем Цинь.

Процесс превращения владения в государство имеет такие признаки, как: 1) изменение титулатуры (от *цзы* 子 к *гун* 公); 2) изменение типа надписей (на «самосоотносящийся»); 3) противопоставление на надписях не старшего рода младшим родам, а правителя – институтам и группам; 4) распад родовых отношений²⁷ и формирование конического клана у правителей; как следствие 5) кризисные явления при передаче власти; 6) наделение братьев правителя уделами; 7) следующая из этого необходимость покорения близлежащих земель и 8) борьба с родами, ранее стоявшими выше в чжоуской иерархии. В дальнейших исследованиях мы проверим эту гипотетическую модель на материале истории других государств эпохи Чуньцю.

Список литературы

- Бамбуковые анналы: древний текст (Гу бэнь чжу шу цзи нянь) / пер. с кит. М. Ю. Ульянова при участии Д.В. Деопика и А.И. Таркиной. М.: Вост. лит., 2005. 311 с.
- История Китая. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным). От палеолита до V в. до н. э. М.: Наука; Вост. лит., 2016. 1012 с.
- Крюков В. М. Неумолимый червь познания. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 680 с.
- Крюков В. М. Текст и ритуал: Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь–Чжоу. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 464 с.
- Крюков М. В., Хуан Шуин. Древнекитайский язык. М.: Вост. лит., 1978. 512 с.
- Кучера С. Р. Повозка (車) в жизни древних китайцев // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов / Колл. авторов. М.: ИВ РАН, 2013. С. 495–562.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи) / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина, В. С. Таскина. М.: ГРВЛ, 2001. Т. I. 415 с.; Т. II. 567 с.
- Целуйко М. С. К проблеме периодизации истории царства Цинь в 384–211 гг. до н. э. // В пути за Китайскую стену. К 60-летию А. И. Кобзева. 2014. Вып. 12. С. 455–466.
- Целуйко М. С. Политические институты древней Восточной Азии эпохи Чуньцю (VIII–V века до н. э.): между внутренней и внешней политикой // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019а. № 3 (15). С. 205–223.
- Целуйко М. С. Формирование территории метрополии царства Цинь с VIII по IV в. до н. э. // Общество и государство в Китае. М., 2019b. Т. 49, ч. 1. С. 124–176.
- Чунь цю Цзо чжуань: Комментарий Цзо к «Чунь цю» / Исследование, пер. с кит. гл. 1–5, комм. и указатели М. Ю. Ульянова. М.: Вост. лит., 2011. 335 с.

²⁷ Крупнейший отечественный специалист по древнему Китаю В. М. Крюков именно в таких, «родовых» терминах осмысливает эту упоминаемую нами чуть выше «главную коллизию эпохи – противоборство братьев и сыновей» [Крюков, 2009, с. 368], называя это «проблемами, связанными с развитием конического клана» [Там же]. В работе «Текст и ритуал» он пишет о «разложении родовой системы» [Крюков, 2000, с. 54] и «непреодолимых противоречиях», возникающих между родовой организацией и коническим кланом [Там же, с. 88].

- Falkenhausen L., Pines Y., Shelach G., Yates R. D. S.** General Introduction: Qin History Revisited // Birth of an Empire (New Perspectives on Chinese Culture and Society). Berkeley: University of California Press. 2013. P. 1–34.
- Kern, Martin.** Bronze Inscriptions, the Shijing and the Shangshu: The Evolution of the Ancestral Sacrifice during the Western Zhou // Early Chinese Religion. 2009. Vol. 1. Leyden–Boston. P. 143–200.
- Pines Yuri.** The Question of Interpretation: Qin History in Light of New Epigraphic // Early China. 2004. Vol. 29. P. 1–44.
- Би Шучунь.** Го цзи цзы Бай пань минвэнь цзи сыфу чжи мин каолунь [毕庶春。虢季子白盘铭文及似赋之铭考论 // 辽东学院学报(社会科学版)]. Исследование надписи Го Цзи цзы Бай пань и надписи фу // Ляодун сюэюань сюэбао (шэхуй кэсюэ бань). 2008. Т. 10. № 3. С. 100–103. (на кит. яз.)
- Вэй Шэньюй, Гэ Хайян.** Бу Ци гуй люэ као [葛海洋、魏慎玉。不其簋略考 // 文物鉴定与鉴赏]. Краткое исследование Бу Ци гуй // Вэньбу цзяньдин юй цзяньшан. 2014. № 1. С. 90–93. (на кит. яз.)
- Гао Шижун.** Цун Цинь гун ци кань циньжэнь цзаоцидэ лиши вэньхуа [高士荣。从秦公器看秦人早期的历史文化 // 西安财经学院学报]. Рассмотрение ранней истории и культуры циньцев по бронзовым сосудам гунов Цинь // Сиань цайцзин сюэюань сюэбао. 2015. Т. 28. № 3. С. 96–100. (на кит. яз.)
- Ли Сюэцин.** Цинь го вэньдэ синь жэньши [李学勤. 秦国文物的新认识 // 文物]. Новые данные об артефактах Цинь // Вэньбу 1980. № 9. С. 25–31. (на кит. яз.)
- Лу Ихань.** Циньхуа цзянь «Синянь» юй «Сиге дунцянь» сянгунь вэньти каолунь [路懿菡。清华简《系年》与“西虢东迁”相关问题考论 // 文博]. Обсуждение вопросов, связанных с «Синянь» из планок Циньхуа и «переселением Западного Го на восток» // Вэньбо. 2019. № 6. С. 69–77. (на кит. яз.)
- Пэн Юйшан.** Гого дунцянь као [彭裕商。虢国东迁考 // 历史研究]. Исследование переселения государства Го на восток // Лиши яньцзю. 2006. № 5. С. 12–22. (на кит. яз.)
- Тэн Минъюй.** Цинь вэньхуа: цун фэнцзяньго дао дигодэ каогусюэ гуаньча [滕铭予。秦文化：从封建国到帝国的考古学观察]. Культура Цинь в археологической перспективе: от феодального государства до империи. Пекин: Сюэюань чубаньшэ. 2003. 216 с. (на кит. яз.)
- У Шицян.** Цинь гун чжун каоши [伍仕谦。秦公钟考释 // 四川大学学报(哲学社会科学版)]. Комментированное исследование Цинь гун чжун // Сычуань дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). 1980. № 2. С. 103–108. (на кит. яз.)
- Хао Течуань.** Си Чжоу чжунъян гуаньчжидэ яньбянь [郝铁川。西周中央官制的演变 // 河南大学学报(哲学社会科学版)]. Центральные чиновные учреждения Западного Чжоу // Хэнань дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). 1985. № 4. С. 49–54. (на кит. яз.)
- Цай Чжэмао.** Го цзи цзы Бай пань юй Лю Минчуань [蔡哲茂。虢季子白盘與劉銘傳 // 古今論衡]. Го цзи цзы Бай пань и Лю Минчуань // Гуцзинь луньхэн. 2006. № 15. С. 17–30. (на кит. яз.)
- Чжан Тяньзэнь.** Дуй «Цинь гун чжун каоши» чжун югуань вэньтидэ и се каньфа [张天恩。对“秦公钟考释”中有关问题的一些看法 // 四川大学学报(哲学社会科学版)]. Несколько замечаний по вопросам, относящимся к «Цинь гун чжун каоши» // Сычуань дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). 1980. № 4. С. 93–100. (на кит. яз.)
- Юань Цзиньпин, Мэн Чжэнь.** Синь чу Бо Шофу дин мин каои [袁金平、孟臻。《新出伯硕父鼎铭考释》 // 《出土文献》(中西书局)]. Исследование и комментарий по надписи на недавно найденном сосуде Бо Шофу дин // «Чуту вэньсянь» (Чжунси шуцзюй). 2017. № 10. С. 47–53. (на кит. яз.)

Юн Цзичунь, Чжоу Сяоцун. Лунь циньжэнь цзаоци цинтунци юй циньси вэньцзы дэ синчэн [雍际春、周晓聪. 论秦人早期青铜器与秦系文字的形成 // 西安财经学院学报]. О ранних бронзовых сосудах циньцев и образовании иероглифов циньского стиля // Сиань цай-цзин сюэюань сюэбао. 2015. Т. 28. № 3. С. 92–95. (на кит. яз.)

References

- Bamboo Annals: drevniy tekst (Gu ben zhu shu ji nian) / per. s kit. M. Yu. Ulyanova pri uchastii D.V. Deopika i A.I. Tarkinoy. [Bamboo Annals: the ancient text (Gu ben zhu shu ji nian) / transl. from Chinese by M. Yu. Ulyanov, participating: D. V. Deopick and A.I. Tarkina]. Moscow, Oriental lit., 2005, 311 p. (in Russ.)
- Chunqiu Zuo zhuan.** Kommentariy Zuo k Chunqiu / gl 1–5, komm. i ukazateli M. Yu. Ulyanova [Chunqiu Zuo zhuan. Zuo's commentary to Chunqiu / Ch. 1–5, translation and comments by M. Yu. Ulyanov] Moscow, Oriental lit., 2011, 335 p. (in Russ.)
- History of China. Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka. Tom I. Drevnejshaya i drevnyaya istoriya (po arheologicheskim dannym). Ot paleolita do V v. do n. e. [History of China from ancient times to the beginning of the XXI century. Vol. I. The Prehistoric and Ancient History of China (based on archaeological data). From Paleolithic Age to V BC]. Moscow, Nauka – Oriental lit., 2016, 1012 p. (in Russ.)
- Kriukov M. V., Huang Shuying.** Drevnekitayskiy yazyk. [The Ancient Chinese language]. Moscow, Oriental lit., 1978, 512 p. (in Russ.)
- Kriukov V. M.** Tekst i ritual: Opyt interpretacii drevnekitayskoj epigrafiki epohi In'–Zhou [Text and Ritual: Attempt at an Interpretation of Archaic Chinese Epigraphy of the Shang–Zhou Period]. Moscow, Monuments of Historical Thought, 2000, 464 p. (in Russ.)
- Kriukov V. M.** Neumolimyi cherv' poznaniya. [The unrelenting worm of knowledge]. Moscow, Monuments of Historical Thought, 2009, 680 p. (in Russ.)
- Kuchera S. R.** Povoзка (車) v zhizni drevnih kitaycev // Sinologi mira k yubileyu Stanislava Kuchery. Pod redakciei Kobzeva. Kollektiv avtorov. [Cart 車 in the life of the Ancient Chinese. Sinologists of the world to the anniversary of Stanislav Kucera, ed. Kobzev A. I.]. Moscow, Institut Vostokovedenia RAN, 2013, iss. 11, pp. 495–562. (in Russ.)
- Sima Qian.** Istoricheskie zapiski (Shi Ji) [Records of the Grand Historian (Shi Ji)]. Transl. from Chinese by R. V. Vyatkin and V. S. Taskin. Moscow, Oriental lit., 2001. Vol. I. 415 p. (in Russ.)
- Sima Qian.** Istoricheskie zapiski (Shi Ji) [Records of the Grand Historian (Shi Ji)]. Transl. from Chinese by R. V. Vyatkin and V. S. Taskin. Moscow, Oriental lit., 2003. Vol. II. 567 p. (in Russ.)
- Tseluyko M. S.** K probleme periodizacii istorii carstva Qin v 384–211 do n. e. [On the Problem of Periodization of Qin State History in 384–211 BC]. V *Puti za Kitayskuyu Stenu. K 60-letiyu A. I. Kobzeva*. Iss. 12. Moscow, 2014, pp. 455–466. (in Russ.)
- Tseluyko M. S.** Politicheskie instituty drevnej Vostochnoj Azii epohi Chunqiu (VII–V veka do n. e.): mezhdru vnutrennej i vneshnej politikoj [Political Institutions of the Ancient East Asia in the Chunqiu Period (VII–V BC) between the Internal and External Politics]. *Journal of Dmitry Pozharsky University*, 2019, pp. 205–223. (in Russ.)
- Tseluyko M. S.** Formirovanie territorii metropolii carstva Qin s VII po IV v. do n. e. [Formation of the Qin State Territory in VIII – IV cc. BC]. *Society and State in China*. Moscow, Oriental lit., 2019, vol. 49, part 1, pp. 124–176. (in Russ.)
- Falkenhausen L., Pines Y., Shelach G., Yates R. D. S.** General Introduction: Qin History Revisited. *Birth of an Empire (New Perspectives on Chinese Culture and Society)*. Berkeley, University of California Press, 2013, pp. 1–34.

- Kern, Martin.** Bronze Inscriptions, The Shijing And The Shangshu: The Evolution Of The Ancestral Sacrifice During The Western Zhou. *Early Chinese Religion*, ed. by Lagerwey and Kalinowski. Volume 1. Leyden, Boston, 2009, pp. 143–200.
- Pines Yuri.** The Question of Interpretation: Qin History in Light of New Epigraphic. *Early China*, 2004, vol. 29, pp. 1–44.
- Bi Shuchun.** Guo ji zi Bai pan mingwen ji sifu zhi ming kaolun [毕庶春。虢季子白盘铭文及似赋之铭考论。辽东学院学报(社会科学版)]. Inscription on Ji Zi Bai Plate of the Guo State and Investigation of Fu-style Inscription. *Journal of Eastern Liaoning University (Social Sciences)*, 2008, vol. 10, no. 3, pp. 100–103. (in Chin.)
- Cai Zhemao.** Guo ji zi Bai pan yu Liu Mingchuan [蔡哲茂。虢季子白盘與劉銘傳。古今論衡]. Guo Ji Zi Bai Pan and Liu Mingchuan. *Gujin lunheng*, 2006, no. 15, pp. 17–30. (in Chin.)
- Gao Shirong.** Cong qin gong qi kan qinren zaoqide lishi wenhua [高士荣。从秦公器看秦人早期的历史文化。西安财经学院学报]. A View of the Early Historical Culture of People in Qin Dynasty from the Bronze Wares in Early Qin Dynasty. *Xi'an University of Finance and Economics*, 2015, vol. 28, no. 3, pp. 96–100. (in Chin.)
- Ge Haiyang, Wei Shenyu.** Bu Qi gui lue kao [葛海洋、魏慎玉。不其簋略考。文物鉴定与鉴赏]. A Brief Study of Bu Qi Gui. *Wenwu jian ding yu jianshang*, 2014, no. 1, pp. 90–93. (in Chin.)
- Hao Tiechuan.** Xi Zhou Zhongyang guanzhide yanbian [郝铁川。西周中央官制的演变。河南大学学报(哲学社会科学版)]. The Evolution of the Western Zhou Central Apparatus. *Henan daxue xuebao (Zhaxue shehui kexue ban)*, 1985, no. 4, pp. 49–54. (in Chin.)
- Li Xueqin.** Qin guo wenwude xin renshi [李学勤。秦国文物的新认识 // 文物]. The new data on the Qin state artifacts. *Wenwu*, 1980, no. 9, pp. 25–31. (in Chin.)
- Lu Yihan.** Qinhua jian “Xinian” yu “Xiguo dongqian” xiangguan wenti kaolun [路懿菡。清华简《系年》与“西虢东迁”相关问题考论。文博]. A Discussion of Questions Connected with “Xinian” from the Qinghua Strips. *Wenbo*, 2019, no. 6, pp. 69–77. (in Chin.)
- Peng Yushang.** Guoguo dongqian kao [彭裕商。虢国东迁考。历史研究]. An Examination of the Eastward Movement of the State of Guo. *Lishi Yanjiu*, 2006, no. 5, pp. 12–22. (in Chin.)
- Teng Mingyu.** Qin wenhua: cong fengjianguo dao diguode kaoguxue guancha [滕铭予。秦文化：从封建国到帝国的考古学观察]. Qin Culture in Archaeological Perspective: from a Feudal State to Great Empire. Beijing: Xueyuan chubanshe, 2003, 216 p. (in Chin.)
- Wu Shiqian.** Qin gong zhong kaoshi [伍仕谦。秦公钟考释。四川大学学报(哲学社会科学版)]. Commented Study on the Qin Gong Zhong. *Sichuan daxue xuebao (Zhaxue shehui kexue ban)*, 1980, no. 2, pp. 103–108. (in Chin.)
- Yong Jichun, Zhou Xiaocong.** Lun qinren zaoqi qingtongqi yu qinxi wenzide xingcheng [雍际春、周晓聪。论秦人早期青铜器与秦系文字的形成。西安财经学院学报]. On the Evolution of Bronze Wares and Writing System in Early Qin Dynasty. *Xi'an University of Finance and Economics*, 2015, vol. 28, no. 3, pp. 92–95. (in Chin.)
- Yuan Jinping, Meng Zhen.** Xin chu Bo Shofu ding ming kaoyi. [袁金平、孟臻。《新出伯硕父鼎铭考释》 // 《出土文献》(中西书局)]. Research and Commentary on the inscription on the recently found Bo Shofu ding. *Chutu wenxian (Zhongxi shuju)*, 2017, no. 10, pp. 47–53. (in Chin.)
- Zhang Tianen.** Dui “Qin gong zhong kaoshi” zhong youguan wentide yi xie kanfa [张天恩。对“秦公钟考释”中有关问题的一些看法。四川大学学报(哲学社会科学版)]. Several Notes on the Questions Connected with the “Qin Gong Zhong Kaoshi”. *Sichuan daxue xuebao (Zhaxue shehui kexue ban)*, 1980, no. 4, pp. 93–100. (in Chin.)

Информация об авторе

Максим Сергеевич Целуйко, главный аналитик, преподаватель

Information about the Author

Maxim S. Tseluyko, Chief Analyst, Teacher

*Статья поступила в редакцию 03.08.2021;
одобрена после рецензирования 03.09.2021; принята к публикации 02.10.2021
The article was submitted 03.08.2021;
approved after reviewing 03.09.2021; accepted for publication 02.10.2021*

Научная статья

УДК 85.103(3)

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-72-81

Необычные скульптуры буддийских божеств Японии в ореоле легенд и реалий

Юрий Леонидович Кужель ¹
Татьяна Иосифовна Бреславец ²

¹ Московский государственный университет спорта и туризма
Москва, Россия

² Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

¹ evya@mgii.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7908-8978>

² breslavets.ti@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5836-1747>

Аннотация

Необычные изображения буддийских божеств повсеместно встречаются в Японии, демонстрируя отступление от канона. Упрощение выразительных средств, стилизованное изображение становятся преобладающими признаками неординарных образов. Появление таких буддийских скульптур часто связано с легендами, преданиями, а также с фактами истории Японии. В необычных скульптурах просматривается отступление от нормы, отвлеченность от привычного образа. Эстетические идеалы претворяются не через комплекс канонов, а посредством нового образного языка, еще не закреплённого традицией. Иконографически неординарные элементы художественной формы расширяют восприятие, раздвигают рамки эстетического познания. В деревянных фигурах сохраняется культура, свойственная традиционной буддийской пластике, но в трактовке известных образов присутствует национальная самобытность.

Ключевые слова

необычные изображения, отступление от канона, традиционный, скульптура, иконография, нормы и правила, упрощение

Для цитирования

Кужель Ю. Л., Бреславец Т. И. Необычные скульптуры буддийских божеств Японии в ореоле легенд и реалий // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 72–81. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-72-81

Unusual Sculptures of Buddhist Deities in Japan in the Halo of Legends and Historical Facts

Yurii L. Kuzhel ¹, Tatiana I. Breslavets ²

¹ Moscow State University of Sports and Tourism
Moscow, Russian Federation

² Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation

¹ evya@mgii.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7908-8978>

² breslavets.ti@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5836-1747>

Abstract

Diverse, unusual images of Buddhist deities are ubiquitous in Japan. In a number of ways, they differ from traditional temple images, demonstrating a deviation from the canon, which dictates certain, centuries-old norms and rules regarding postures, position of feet, fingers, gestures, symbols. Simplification of expressive means, a stylized image be-

© Кужель Ю. Л., Бреславец Т. И., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 72–81

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 72–81

come the predominant features in the image of extraordinary images. The appearance of unusual Buddhist sculptures in the plastic field of the country is often associated with the existence of legends, traditions, and also facts that took place throughout the history of Japan among the population. The iconography of unusual Buddhas is very diverse and encompasses both the Buddhas themselves and the bodhisattvas, Kings of Light, Heavenly Kings, and so on. Six-armed Jizō, Rope-tied Jizō, Yata Jizō, Child-giving Jizō are added to the familiar images of the Bodhisattva Jizō. Amida Buddha, who is habitually portrayed as sitting frontally, appears in a new form – standing and in profile or with his head bowed. A very colourful group is represented by deities sitting on zoomorphic thrones – lions, elephants, riding birds – knocked out of the canonical image. The traditional images of the Eleven-headed, Thousand-armed Bodhisattva Kannon always seemed unusual, although they became familiar. However, placing the bodhisattva on a mount bird – a four-legged, eight-headed raven gives reason to consider this sculpture unusual. In unusual sculptures, there is a deviation from the norm, an abstraction from the traditional image. Aesthetic ideals are not realized through a complex of canons, rather through a new figurative language, not yet fixed by tradition.

Keywords

unusual images, deviation from the canon, traditional, sculpture, iconography, norms and rules, simplification

For citation

Kuzhel Yu. L., Breslavets T. I. Unusual Sculptures of Buddhist Deities in Japan in the Halo of Legends and Historical Facts. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 72–81. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-72-81

Введение

Среди японских буддийских скульптур особое место занимают необычные изваяния 変な仏像 *хэнна буцудзо*., отличающиеся от канона, иконографический смысл которых стремился к созданию эстетического идеала, следованию системе пропорций, соблюдению сложившихся признаков и космогонических символов.

В свете роста интереса к традиционной культуре народов область настоящего исследования, связанная с раскрытием истоков национального искусства Японии, становится особенно актуальной. Цель исследования – расширить представление о буддийском искусстве в Японии, осознать его неканонические проявления, изучив буддийскую скульптуру нестандартных форм с нарушенными пропорциями конвенциональных образов. Ставятся задачи выявить и описать малоизвестные артефакты, обсудить, насколько они соответствуют известным образцам, какими средствами достигают художественной выразительности. В задачи статьи входит также рассмотрение легенд, преданий, реальных историй, которые сопровождают храмовые образы.

Канон японского культового искусства как высшая художественная норма вобрал в себя наследие континентальной изобразительной культуры и обогатился новыми национальными смыслами. За образом закреплялась некая стандартность, но с поправкой на самостоятельное прочтение, оригинальность выразительности. Канонические правила касались поз, положений ног, ступней, условных знаков передачи мысли через жесты рук и конфигурацию пальцев (мудр), символических признаков в виде прически-шиньона 羅髮 *рахацу*, оттянутых мочек ушей, возвышении на темени *ушниси*, урн между бровями как показателей мудрости и глубокой сосредоточенности [Танака Ёсиясу, 2008, с. 161–169].

Отступление от канона составляет суть облика необычных будд и других божеств, характерными чертами которых является сознательное упрощение мастером выразительных средств. Но это не помешало таким скульптурам войти в круг художественных произведений, занявших достойное место в истории японской пластической культуры.

Бодхисаттва Дзидзо

Иконография Дзидзо: (地藏 Чрево Земли), одного из самых почитаемых бодхисаттв, в целом традиционна и не выходит за рамки изобразительного канона. Из множества скульптур Дзидзо: каноническая, сохранившаяся до наших дней статуя приписывается выдающемуся

скульптору Ункэй (運慶, 1152–1223)¹. Она наделена классическими чертами. В левой руке у божества драгоценность 宝珠 *хо:дзю* (*мани*), правая рука слегка сжата в кулак, складки глубоко вырезанного одеяния плавно струятся по сидящей фигуре. Кольца 耳とう *дзито*: в мочках вытянутых ушей 耳朵 *мимитабу*, браслеты на запястьях 腕釧 *вансэн* и ожерелье 胸飾り *мунакадзари* – это единственные скромные украшения 装身具 *со:сингу*, которыми скульптор наделил Дзидзо: [Кумада Юмиго, 2006, с. 50–51].

Как «подорожное божество» Дзидзо: не только считается стражем перепутий, но и заступает за человека, закончившего земной путь [Танака Ёсиясу, 2008, с. 94–95]. Фигура Шестирукого Дзидзо: (六臂地藏 Роппи Дзидзо:) из храма Тиэко:ин в Киото создана в эпоху Эдо (1600–1867). Появлению необычного Дзидзо: предшествовала легенда. Поэт и ученый Ононо Такамура (802–853), после смерти встретив Дзидзо:, получил от него наказ вернуться в мир людей и поведать им, как бодхисаттва помогает душам. Для спасения грешники должны обращаться за помощью к скульптурам Шести Дзидзо: (六地藏 Року Дзидзо:). Например, по шесть этих изваяний можно встретить в префектурах Симанэ и Сайтама [Садокова, 2020, с. 18].

Ононо Такамура решил вырезать фигуру Шестирукого Дзидзо:, который сыграл бы роль замещенного божества (身代わり地藏 Мигавари Дзидзо:). Семь дней он вырезал фигуру, руководствуясь ритуалом – «одна насечка и три поклона» (一刀三礼 *итто: санрай*)². Две руки Дзидзо: сложены в мудре 合掌 *гассэ:*, в остальных руках – посох 錫杖 *сякюдзэ:*, курильница с рукояткой 柄香炉 *э-го:ро*, драгоценная жемчужина 宝珠 *хо:дзю* (*мани*). Золоченая скульптура, облаченная в узорчатое одеяние, ниспадающее симметричными складками, декорированный круглый воротник, прикрывающий плечи и обрамляющий шею, нимб, насыщенный деталями-символами, – все это создает праздничное настроение [Хонда Фудзио, 2012, с. 145].

Широко известная скульптура «Связанный Дзидзо:» (しばられ地藏 Сибарарэ Дзидзо:) тоже имеет свою историю. Созданная в 1701 г. каменная фигура Дзидзо: (высотой примерно в метр) из храма Нандзо:ин в Эдо не была особо примечательна до одного происшествия. У приказчика Киносукэ Тэсиро: из мануфактурной лавки Этигоя, уснувшего на территории храма, украли тележку с тканями. Божество Дзидзо: обвинили в том, что он, призванный охранять храм, спокойно взирал, как совершалось преступление. Дзидзо: связали веревкой, погрузили на тележку и повезли по городу на обозрение жителям. Глава магистрата велел наложить штраф в виде куска материи на всех, у кого связанное божество вызвало приступ смеха. В течение дня двор магистрата был завален тканями, среди которых приказчик нашел и свои. Возвращение ткани владельцу приписали чуду, которое сотворил Дзидзо:.

В современных ритуальных празднествах, вызывая к помощи божества, его обвязывают веревкой (перед Дзидзо: стоит ящик с веревками), а при исполнении желания веревку развязывают. 31-го декабря, в 11 часов вечера, при скоплении народа проходит обряд развязывания веревок, за год полностью покрывающих фигуру Дзидзо:, а с наступлением следующего года завязывают новые веревки. Ритуал, совершаемый священнослужителями, сопровождается древним театральнотанцевальным представлением 伎楽 *гигаку*, выступлением музыкантов с большими барабанами. Это одно из обязательных новогодних действ в современном Токио³.

¹ Unkei. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Unkei> (дата обращения 10.09.2021).

² Роппи Дзидзо: дзо: [六臂地藏像]. Скульптура Шестирукого Дзидзо:. URL: <https://www.cyber-world.jp.net/roxtupi-jizouzou/> (дата обращения 23.07.2021).

³ Сибарарэ Дзидзо: то ва [しばられ地藏とは]. История Связанного Дзидзо:. URL: <http://shibararejizo.or.jp/shibararejizo.htm> (дата обращения 23.07.2021).

Будда Амида

В храмах Японии особую группу образуют Повернувшиеся Будды Амида (見返り阿弥陀 Микаэри Амида), среди которых есть фигуры со слегка повернутой налево головой, а есть будда с поворотом головы не менее 90 градусов [Нёрайдо:но субэтэ, 2013, с. 92]. Знаменитая скульптура будды (77 см, XII в., храм Тё:дзю:ин, г. Токио), изображенного не фронтально, а повернувшего голову (рис. 1, 1), принадлежит резцу мастера эпохи Камакура (1192–1333) Гё:кай (行快). Голова другой стоящей фигуры не только повернута налево, но и опущена вниз (XIV–XVI вв., храм Ангодзи, г. Нанто, преф. Тояма). Такое же изображение есть в префектуре Гумма (храм Мансицудо:, г. Такасаки) [Хонда Фудзио, 2012, с. 169].

Отличие скульптур Микаэри Амида от остальных не только в повороте головы, но и в том, что это так называемые стоящие будды 立像 *рицудзо:*. Встречаются и скульптуры Микаэри Амида, сидящего, по канону, в лотосовой чаше, но она помещена на спину животного или птицы. Так расширяется круг буддийских изображений на зооморфных тронах 鳥獣座 *тё:дзю:дза*, установленных на невысокую базу.

Таким представлен Гухаридзика Амида (紅顔梨色阿彌陀) – Сверкающий краснотелым светом в храме Анъё:ин (район Итабаси, г. Токио). Амида поражает и позой (сидит на павлине), и необычной окраской, которая дала ему название. Созданный в эпоху Эдо по образцу ранних изображений в храмах школы Тэндай, Амида (99,8 см, раскрашенное дерево) по скромному одеянию 袈裟 *кэса*, перекинутому через левое плечо и оставляющему большую часть груди открытой, ожерелью, богатой медной тиаре со спускающимися шарфами вызывает ассоциации со скульптурами Исторического Будды Шакьямуни (釈迦牟尼仏 Сякамунибуцу) и Вселенского Будды Дайнити (大日如来 Дайнити Нёрай), распространяющего свет. Необычность скульптуры усиливается мандорлой в виде двух (наверху трех) рядов павлиньих перьев, обрамляющих всю скульптуру⁴.

В этой скульптуре отразились воззрения святителя Какубан (覚鑊, 1095–1143), который во введении к «Тайному толкованию мантр пяти кругов и девяти знаков» писал: «В тайном храменище Великий Солнечный будда – это и есть Амитабха, господин учения из страны Высшей Радости Вайрочана, Амитабха – суть равна, имена разные. Высшая Радость, Тайное Величие – названия различны, а место одно. Когда мы принимаем в дар божественную силу мудрости чудесного видения-постижения, то поверх сути – Великого Солнечного будды – проявляется облик Амитабхи» (Цит. по: [Трубникова, Бачурин, 2009. С. 349–350]). Вайрочана олицетворял Чистую Землю Таинственного Величия Мицугон Дзё:до, в то время как Амитабха – Страну Высшей Радости Гокураку. Но это, как подчеркивал Какубан, суть одно и то же. Из этих посылов и родилось изображение фигуры Гухаридзика Амида.

Еще один Амида (五劫思惟阿弥陀 Гоко:сюи Амида) отличается длинным шиньоном из спиралевидных волос. Вследствие продолжительных медитативных сосредоточений, размышлений о бесконечности времени шиньон на его голове приобрел своеобразную форму и размеры⁵. Подобных изображений будды Амида насчитывается по всей стране 16. В Токио один – наиболее известный, находится в храме Ракандзи (район Мэгуро), другой – в храме Сё:синдзи (район Сэтагая) [Хонда Фудзио, 2012, с. 175].

Бодхисаттва Каннон

Изваяния Каннон, многоруких, многоликих божеств, со временем в сознании японцев не воспринимались как неординарные. Однако некоторые облики Каннон, идущие вразрез с каноническими, считаются необычными.

⁴ Анъё:ин-но гоаннай [安養院のご案内]. Прогулка в храм Анъё:ин. URL: <https://www.city.itabashi.tokyo.jp/bunka/bunkazi/bunkazai/shozaichi/1004860.html> (дата обращения 23.07.2021).

⁵ Гоко:сюи Амида буцу [五劫思惟阿弥陀仏]. Будда Гоко:сюи Амида. URL: <https://www.kurodani.jp/recommend/gokoh.php> (дата обращения 26.07.2021).

Например, в округлых ликах Каннон нетрадиционные продолговатые, полуприкрытые глаза с потупившимся взором, вмещающие различные чувства – и наивность, и глубину, и детскую простоту, и спокойствие. Они одновременно смотрят во внешний мир и обращены в себя. Намек на зрачки, их неоформленность не смущают, а притягивают зрителей [Ямаори Тэцуо, 2011, с. 114].

Изображение бодхисаттвы Шестирукой Каннон (六臂如意輪觀音 Роппи Нёирин Каннон) с атрибутами является традиционным [Кужель, 2012, с. 197]. Один из этих атрибутов дал ей название «Каннон с жемчужиной исполнения желания» [Сава Такааки, 1967, с. 150–151]. Но образ Каннон на верховой птице менее знаком японцам. Странная птица 化鳥 *кэтё*, согласно «Анналам храма Тёкуганъин Каннон-дзи», появилась в 727 г., опустилась на божественное дерево, из которого спустя три дня и три ночи стали исходить пурпурные облака [Хонда Фудзио, 2012, с. 35].

Эта история подвигла безымянного мастера конца эпохи Хэйан (781–1191) создать статую Каннон на птице (六呂見觀音 Рокуроми Каннон), сохранившуюся в храме Тёкуганъин (г. Ёккаити, преф. Мие). Небольшая, 29,8 см высотой, скульптура несет следы времени – почти исчезла позолота, придававшая ей блеск. Легкие складки одеяния едва окутывают сидящую фигуру. Голову обрамляет обруч 天冠帶 *тэнкандай*, грудь традиционно прикрыта большим украшением 条帛 *дзё:хаку* ⁶.

Двухчастная композиция скульптуры – божество на ездовой птице – это способ фиксации высшей духовной деятельности в образе бодхисаттвы и передача символики материального мира. Роль птицы-пьедестала расширяется до проникновения в буддийскую космологию: верх-низ. Вертикальная ось воспринимается как основа миросуществования. Скульптура помещена в богато декорированный, сверкающий золотом ковчег 厨子 *дзуси*, по обе стороны которого стоят фигуры Фудо:-мё:о: и воина Бисямонтэн, попирающие демонов. Они образуют самостоятельный горизонтальный план, усиливающий общее восприятие. Соединение координат позволяет судить о единстве макрокосма [Хонда Фудзио, 2012, с. 36].

К необычным относят скульптуру Одиннадцатиликой Хасэ Каннон (十一面長谷觀音 Дзю:итимэн Хасэ Каннон) из храма Кинтё:кокудзи (885 г., преф. Мие), поражающую размерами – 6,6 м. Созданная способом 寄せ木造り *ёсэги-дзукури* ⁷, она производит впечатление монолита. Привлекают внимание крупное нагрудное украшение 瓔珞 *ё:раку*, сверкающее золотом, и ажурная мандорла ⁸.

С середины эпохи Хэйан в храме Ко:сё:ин (г. Исиока, преф. Ибараки) почиталась Одиннадцатиликая Татики Каннон (十一面立木觀音 Дзю:итимэн Татики Каннон), высотой 5,9 м ⁹. Примитивизм в исполнении фигуры, незамысловатость резьбы одеяния отличают ее от скульптур Каннон, насыщенных декоративными деталями (см. рисунок, 4). Скульптура выполнена из цельного куска дерева (руки вырезаны отдельно). Архитектоника скульптур часто диктовалась естественной формой исходного материала – полена, ствола дерева [Сэки Юдзи, 2012, с. 197]. Глядя на Татики Каннон, понимаешь связь буддийской бодхисаттвы с синтоизмом, о чем писал Н. И. Конрад: «Вот, например, божество Асо – вулкана: оно стало Одиннадцатиликой Каннон, божеством, взявшим на себя все беды, которые приносит извержение» [Конрад, 1980, с. 57]. Связь видна и с синтоистскими божествами, обитающими в деревьях. Используя возможности дерева, мастер так работал с его структурой, что «трудно опреде-

⁶ Нёирин Каннон дзадзо: [如意輪觀音坐像]. Сидящая Нёирин Каннон. URL: <https://www.city.yokkaichi.lg.jp/www/contents/1001000002680/index.html> (дата обращения 23.07.2021).

⁷ Ёсэги-дзукури – способ создания буддийской деревянной скульптуры, основная часть которой (голова и торс) складываются из двух и более кусков дерева.

⁸ Танака Хироми. Буцудзо: дайсуки! [田中ひろみ. 仏像大好き!]. Я люблю статуи будд. URL: <https://plus.chunichi.co.jp/blog/tanaka/article/288/2473/> (дата обращения 23.07.2021).

⁹ Мокудзо: Татики Каннон босацудзо: [木造立木觀音菩薩像]. Деревянная статуя бодхисаттвы Татики Каннон. URL: <https://www.city.ishioka.lg.jp/page/page001421.html> (дата обращения 23.07.2021).

лить, где кончаются следы резца скульптора и начинаются естественные линии дерева» [Ямаори Тэцуо, 2011, с. 32].

Необычные скульптуры буддийских божеств Японии

1 – Микаэри Амида. Храм Тё:дзю:ин, Токио; 2 – Кю:би Инари. Храм Куисомэдзи, преф. Тотиги; 3 – Фудзисато Бисямонтэн. Святилище Атагодзиндзя, преф. Иватэ; 4 – Татики Каннон. Храм Ко:сё:ин, преф. Ибараки; 5 – Фукумэн Каннон. Храм Манодзи, преф. Тиба. Таблица составлена авторами по: [Хонда Фудзио, 2012, с. 43, 45, 53, 171, 189]

Unusual Sculptures of Buddhist Deities in Japan

1 – Mikaeri Amida. Chōjūin temple, Tokyo; 2 – Kyūbi Inari. Kuisomeji temple, Tochigi prefecture; 3 – Fujisato Bishamonten. Atagojinja shrine, Iwate prefecture; 4 – Tachiki Kannon. Kōsyōin temple, Ibaraki prefecture; 5 – Fukumen Kannon. Manoji temple, Chiba prefecture. Images consolidated into a table by the authors as per: [Honda Fujio, 2012, pp. 43, 45, 53, 171, 189]

Оригинальность Тысячерукой Фукумэн Каннон (覆面千手観音 Фукумэн сэндзю Каннон) из храма Манодзи (г. Минамибосо, преф. Тиба) обусловлена выступающей на лице маской 仏面 *буцумэн*. Вырезанная из единого ствола камфорного дерева (172,5 см, эпоха Хэйан), она не могла не вызывать удивление и восхищение паломников¹⁰. Впечатление усиливалось четко обозначенными многочисленными руками, пальцы которых сомкнуты в мудрах. Ладони двух рук сложены перед грудью в мудре *гассё*; ладони еще двух держат чашу для подаяния 鉢 *хати*. Голову венчает обруч, подчеркивающий красоту высокой прически 垂髻 *тарэмотодори*. Очаровывает легкость симметричных складок 襷 *хида* и летящих шарфов 天衣 *тэнги*. Скульптура помещена на круглый пьедестал 円形台座 *энкэй дайдза*. Относящаяся к сокрытым буддам 秘仏 *хибуцу*, она доступна для обозрения в годы Быка и Лошади (см. рисунок, 5)¹¹.

Божество Инари

Кульст божества Инари (稻荷神 Инарисин), как в женском, так и мужском обличье, закрепился в Японии с момента основания храма Инари в 711 г. Лиса Инари, чей образ был распространен на континенте, стала обычным спутником божества в качестве посланника 使 *ицукаи*. В Японии синтоистская женская ипостась сливалась в восприятии народа с буддийским божеством Дакинитэн (荼枳尼天). В эпоху Эдо Дакинитэн, летящий на белой девятихвостой лисице, стал популярным изображением.

Изваяние Кю:би Инари (九尾稻荷) из храма Куисомэджи (г. Насу, преф. Тотиги) стоит на постаменте, сплетенном из девяти хвостов золотой лисы. Божество – в белой маске, с зеркалом в левой руке, лотосом в правой, в красной юбке в складку, по цвету гармонирующей с обшлагами широких рукавов и узорами верхнего одеяния. Голову венчает тиара, тоже красного цвета в нижней части (см. рисунок, 2). Четко выстроенная композиция из разных фигур поражает гармоничной целостностью, выдержанностью пропорций и художественной изобретательностью мастеров.

Легенды о лисах широко бытовали в японском фольклоре, составляли основу драматических произведений для театров Но, Кабуки и Дзёрури [Кужель, 2004, с. 57]. В Насу, где находится упомянутый храм, есть предание, что лиса, приняв женское обличье под именем Тамамо-но Маэ, околдовала любовными чарами императора Тоба (1107–1123). Однажды ночью, когда придворные музицировали, дворец сотрясся, светильники погасли, а от Тамамо-но Маэ исходило сияние. С тех пор император заболел. В тайну оборотня проник гадатель Абэ-но Ясунори, познав через зеркало ее истинную сущность. Лиса бежала в Насу, преследуемая лучниками, которые для тренировки пускали стрелы впереди бегущих собак. Там она превратилась в Камень смерти, от которого многие пострадали. Сохранились и следы «места, где гнали собак» (犬追物 *инуоумоно*) [Бреславец, 2021, с. 161]. Знаменитый мастер трехстиший *хайку* Мацуо Басё (1644–1694) так описывал это место: «...видел место, где гнали собак, прошел по равнине Синохара к могильному кургану Тамамо-но Маэ. ... Потом ходил к камню смерти... Камень смерти лежит у горы, где бьет источник. Его ядовитые пары еще не исчезли. Всякие бабочки и пчелы гибнут...» [Литература Китая и Японии, 1935, с. 320–321].

¹⁰ Манодзи-но Фукумэн Каннон [真野寺の覆面観音]. Фукумэн Каннон в храме Манодзи. URL: <https://junshoji.net/butsuzou/20130819-130000.html> (дата обращения 23.07.2021).

¹¹ Другие необычные изображения Каннон – Бато: Каннон (Каннон с Лошадиной головой), Сэндзю Сэндзоку Каннон (Тысячерукая Тысячелого Каннон) описаны на русском языке в монографии [Кужель, 2018, с. 125, 435–436].

Небесный Царь Бисямонтэн

Небесный Царь Фудзисато Бисямонтэн (藤里毘沙門天) относится к типу Бисямонтэн (дерево, эпоха Хэйан, святилище Атогодзиндзя, г. Окусю, преф. Иватэ). Их отличительной чертой является отсутствие на голове шлема 兜 *кабута*, вместо него – высокая цилиндрическая корона. В правой руке он держит длинную алебарду 三叉劇 *сансагэки*, в левой – ступу 宝塔 *хо:то*. Скульптура тщательно вырезана с помощью короткого ножа с широким лезвием 鉋 *ната* способом 鉋彫り *натабори*¹² и покрыта вертикальными и горизонтальными симметричными линиями, придающими ей объем. Талия стянута поясом, но без традиционного изображения головы льва. Как и положено воину, царь одет в доспехи. Обычно у его ног, справа и слева, смиренно сидят обитатели подземного мира, Нирамба и Бирамба, а в центре, между ступней, – богиня подземелья Титэннэ (地天女). В этой двухчастной композиции Бисямонтэн стоит на плечах Титэннэ, что делает скульптуру необычной. Высота ее основной части 175 см, она почти соответствует росту военачальника Саканоуэ-но Тамурамаро: (坂上田村麻呂, 758–811), которого ассоциируют с Небесным Царем Бисямонтэн (см. рисунок, 3).

В эпоху Хэйан для охраны северо-востока страны от коренных племен 蝦夷 *эмиси* была вырезана из дерева еще одна скульптура Небесного Царя Тобацу Бисямонтэн (兜跋毘沙門天) – Нарусима Бисямонтэн (成島毘沙門天), высотой 473 см (святилище Куманодзиндзя, г. Ханاماки, преф. Иватэ). Она стоит, как и предыдущая, на фигуре Титэннэ. Нирамба и Бирамба смиренно скрестили руки на груди. Предположительно резчик взял за модель представителей племени *эмиси*. В руках основной статуи – длинный скипетр и ступа. Цилиндр головного убора тщательно вырезан. У демонов виден похожий головной убор, но скромнее. В отличие от образа Фудзисато Бисямонтэн голову Царя Нарусима Бисямонтэн обрамляет золотой обруч, украшенный стилизованными языками пламени. Несмотря на внушительный размер, вся композиция не дает повода сомневаться в ее устойчивости и фигурально сообщает о незыблемости границ территории, которую охраняет Бисямонтэн [Хонда Фудзио, 2012, с. 192].

Двучленность композиции свидетельствует о наличии сферы духовности. Ее олицетворяют Бисямонтэн, принадлежащий к Небесным Царям, и Титэннэ из подземного мира. Симметричность создает центральная ось, проходящая через две скульптуры, формирующая их единство, обусловленное гармонией верха и низа. Правая и левая фигуры демонов, относящихся к классу низших существ, находятся в одной горизонтальной плоскости с фигурой Титэннэ. Выражения их лиц, позы говорят о том, что они смирились и не представляют опасности.

Заключение

Кроме «правильно» изображенной буддийской скульптуры, отвечающей нормам метрической, иконографической и космогонической систем, в Японии встречаются непривычные, с точки зрения классики, деревянные статуи божеств. Мастера отходили от основных принципов буддийской скульптуры, создавая «нерасчлененную пластическую массу», и головы фигур, посаженные на короткие шеи, как будто вращались в тело. Резцом и топориком скульпторы вызвали к жизни канонические образы, но, изменяя их, оставляли узнаваемыми. Нетрадиционная трактовка отдельных элементов художественной формы расширяла восприятие, раздвигая рамки эстетического познания.

Божество буддийского мира могло изображаться в канонической позе, но на конструктивно оригинально решенном пьедестале. В деревянных фигурах удалось сохранить культуру,

¹² *Натабори* – способ создания буддийской деревянной скульптуры, при котором на дереве остаются грубые следы от ножа.

свойственную традиционной буддийской пластике, но внести в трактовку известных образов национальную самобытность.

Развитие японской иконографии пошло по двум путям – каноническому, более сильному и развитому, и нетрадиционному, воплотившемуся в необычной пластике, представленной не столь широко, но сохранившейся в национальном искусстве и плодотворно проявившейся в народной скульптуре.

Отступление, но не разрушение всеобщей нормы гарантировало эстетическую ценность конечного результата. Появление легенд, преданий, вошедших в повседневную жизнь народа, призывало скульпторов откликаться на этот вызов и создавать иконографически неординарные произведения, которые расширили культурный контекст японской пластики.

Список литературы

- Бреславец Т. И.** Мацуо Басё. Владивосток: ДВФУ, 2021. 278 с.
- Конрад Н. И.** Очерк истории культуры средневековой Японии VII–XVI века. М.: Искусство, 1980. 144 с.
- Кужель Ю. Л.** XII веков японской скульптуры. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 496 с.
- Кужель Ю. Л.** Мир японского паломничества. М.: МГИИТ, 2012. 327 с.
- Кужель Ю. Л.** Японский театр Нингё Дзёрури. М.: Наталис. Рипол Классик, 2004. 479 с.
- Литература Китая и Японии. М.: Academia, 1935. 442 с.
- Садокова А. Р.** Символика счастья в японской народной культуре и фольклоре. М.: Вост. лит., 2020. 319 с.
- Трубникова Н. Н., Бачурин А. С.** История религий Японии. М.: Наталис, 2009. 559 с.
- Ямаори Тэцуо.** Лицо: портрет и культура Японии / Пер. К. Маранджян. СПб.: Петерб. востоковедение, 2011. 162 с.
- Кумада Юмико.** Буцудзо:-но дзитэн [熊田由美子. 仏像の辞典]. Энциклопедия буддийских скульптур. Токио: Сэйбидо:, 2006. 159 с. (на яп. яз.)
- Нёрайдзо:-но субэтэ [如来像のすべて]. Все скульптуры будд. Токио: Эйсюпанся, 2013. 144 с. (на яп. яз.)
- Сава Такааки.** Миккё: бидзюцу [佐和隆研. 密教美術]. Эзотерическое искусство // Нихон-но бидзюцу [日本の美術]. Японское искусство. Токио: Хэйбонся, 1967. Т. 8. 160 с. (на яп. яз.)
- Сэки Юдзи.** Буцудзо: то кодайси [関裕二. 仏像と古代史]. Буддийская скульптура и древняя история. Токио: Букманся, 2012. 227 с. (на яп. яз.)
- Танака Ёсиясу.** Буцудзо:-но сэкай [田中義恭. 仏像の世界]. Мир буддийской скульптуры. Токио: Нихонбунгэйся, 2008. 255 с. (на яп. яз.)
- Хонда Фудзио.** Хэнна буцудзо: [本田不二雄. 変な仏像]. Необычные будды. Токио: Гаккэн, 2012. 223 с. (на яп. яз.)

References

- Breslavets T. I.** Matsuo Bashō. Vladivostok, DVFU, 2021, 278 p. (in Russ.)
- Konrad N. I.** Oчерk istorii kultury srednevekovoi Yaponii VII–XVI veka [A study of medieval culture history of VII–XVI century Japan]. Moscow, Iskusstvo, 1980, 144 p. (in Russ.)
- Kuzhel Yu. L.** XII vekov yaponskoj skul'ptury [XII centuries of the Japanese sculpture]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2018, 496 p. (in Russ.)
- Kuzhel Yu. L.** Mir yaponskogo palomnichestva [The world of Japanese pilgrimage]. Moscow, MGIIТ, 2012, 327 p. (in Russ.)
- Kuzhel Yu. L.** Yaponskii teatr Ninge Dzeruri [The Japanese Ningyō Jōruri theatre]. Moscow, Natalis, 2004, 479 p. (in Russ.)

- Literatura Kitaya i Yaponii [The literature of China and Japan]. Moscow, Akademia, 1935, 442 p. (in Russ.)
- Sadokova A. R.** Simvolika schastya v yaponskoi narodnoi culture i folklоре [Symbolism of happiness in Japanese national culture and folklore]. Moscow, Vost. lit., 2020, 319 p. (in Russ.)
- Trubnikova N. N. Bachurin A. S.** Istoriya religii Yaponii [History of Japanese religions]. Moscow, Natalis, 2009, 559 p. (in Russ.)
- Yamaori Tetsuo.** Litso: portret i kul'tura Yaponii [Face: portrait and culture of Japan] / Transl. K. Marandzhyan. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2011, 162 p. (in Russ.)
- Kumada Yumiko.** Butsuzō no ziten [熊田由美子. 仏像の辞典]. Encyclopedia of Buddha sculptures. Tokyo, Seibido, 159 p. (in Jap.)
- Nyoraizō no subete [如来像のすべて]. All Buddha sculptures, 2013, 144 p. (in Jap.)
- Sawa Takaaki.** Mikkyō bijutsu. *Nihon no bijutsu* [佐和隆研. 密教美術 // 日本の美術] Esoteric art. *Art of Japan*, Tokyo, Heibonsha, vol. 8, 160 p. (in Jap.)
- Seki Yuji.** Butsuzō to kodaishi [関裕二. 仏像と古代史]. Buddha sculptures and ancient history. Tokyo, Bukmansha, 2012, 227 p. (in Jap.)
- Tanaka Yoshiyasu.** Butsuzō no sekai [田中義恭. 仏像の世界]. The world of Buddha sculptures. Tokyo, Nihonbungeisha, 2008, 255 p. (in Jap.)
- Honda Fujio.** Henna butsuzō [本田不二雄. 変な仏像]. Unusual Buddhas. Tokyo, Gakken, 2012, 223 p. (in Jap.)

Информация об авторах

Юрий Леонидович Кужель, доктор искусствоведения, профессор

Татьяна Иосифовна Бреславец, кандидат филологических наук, профессор

Information about the Authors

Yurii L. Kuzhel, Doctor of Sciences (Art History), Professor

Tatiana I. Breslavets, Candidate of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 08.06.2021;

одобрена после рецензирования 29.07.2021; принята к публикации 10.09.2021

The article was submitted 08.06.2021;

approved after reviewing 29.07.2021; accepted for publication 10.09.2021

Научная статья

УДК 94

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-82-91

Реформы Петра I как модель для Японии в сочинениях конца эпохи Эдо

Василий Владимирович Щепкин

Институт восточных рукописей Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
vshepkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0007-1143>

Аннотация

В статье рассматривается репрезентация российского императора Петра I и его реформаторской деятельности в сочинениях японских ученых конца XVIII – первой половины XIX в. Для анализа были выбраны труды и письма трех наиболее влиятельных мыслителей этого периода: представителя школы Мито, идеолога движения за почитание императора Аидзава Сэйсисай (1782–1863); известного художника и специалиста по «западным наукам» Ватанабэ Кадзан (1793–1841); педагога и знатока военного и военно-морского дел Сакума Сёдзан (1811–1864). Хотя каждый из них обращает особое внимание на определенный аспект деятельности Петра – личную вовлеченность в реформы, способность к быстрым переменам или лидерские качества, все они так или иначе говорят о нем как о модели для Японии. Принимая во внимание авторитет этих мыслителей и большое число их последователей, можно предположить, что идеи «петровской модели» получили широкое распространение во второй половине XIX в., повлияв на политический курс в период Мэйдзи.

Ключевые слова

Петр I, Япония, реформы, модернизация, российско-японские отношения, период Токугава, период Мэйдзи, общественная мысль

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»)

Для цитирования

Щепкин В. В. Реформы Петра I как модель для Японии в сочинениях конца эпохи Эдо // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 82–91. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-82-91

Reforms by Peter the Great as a Model for Japan in the Writings of the Late Edo Period

Vasilii V. Shchepkin

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
vshepkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0007-1143>

Abstract

The first knowledge about Peter the Great seems to penetrate into Japan during the lifetime of this Russian emperor, as early as the beginning of the 18th century. However, it was only after first attempts of Siberian merchants to start trade relations with Japan's northernmost domain of Matsumae when Japanese intellectuals began to study Russia and its history. By the end of the century, the image of Peter the Great as an outstanding ruler had formed in Japan, with his

© Щепкин В. В., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 82–91

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 82–91

main achievement being the expansion of the country's territory, after which European Russia suddenly shared a border with northern Japan. Katsuragawa Hoshu, a court physician and the author of one of the first descriptions of Russia, might be the first Japanese who implied Peter the Great's activities as a model for Japan, pointing out his politics in spreading the foreign trade. Japanese intellectuals of the first half of the 19th century continued to use Peter the Great's reforms as a possible model for Japan. Watanabe Kazan (1793–1841) in his "Note about the Situation in Foreign Countries" used the Russian emperor as evidence of a leader's role in winning nature-based and geographical obstacles in a country's development. Aizawa Seishisai (1782–1863) and later Sakuma Shozan (1811–1864) pointed out Peter's leadership qualities and personal involvement in reforms. Based on the study of Peter's activities, Aizawa managed to create the program of Japan's reforming known as the "New thesis" ("Shinron", 1825), while Sakuma promoted the necessity of Western learning, especially the development of navy and artillery. This allows to assume a great influence of the study of Peter the Great and Russian history in formulating the ideas of a "rich country and strong army" that became a cornerstone of national ideology in Meiji Japan.

Key words

Peter the Great, Japan, reforms, modernization, Russo-Japanese relations, early modern Japan, Meiji restoration, social thought

Acknowledgements

The reported study was funded by the RFBR, project no. 20-09-42018

For citation

Shchepkin V. V. Reforms by Peter the Great as a Model for Japan in the Writings of the Late Edo Period. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 82–91. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-82-91

Введение

Первые сведения о Петре I проникли в Японию, возможно, еще при жизни российского императора, в начале XVIII в. [Щепкин, 2020, с. 116]. Систематичное накопление знаний о России, в том числе о ее истории, началось в Японии с 1780-х гг., когда правительству и интеллектуальной элите стало известно о соседстве России на севере и попытках русских купцов завязать торговые отношения с японским княжеством Мацумаэ. Поначалу сведения черпались в голландских географических книгах, приобретаемых у работников фактории Голландской Ост-Индской компании в Нагасаки, а с 1793 г. основным источником информации стали вернувшиеся на родину японские моряки, которые в результате кораблекрушения провели в России около десяти лет. В сочинении «Краткие вести о скитаниях в северных водах» придворный врач Кацурагава Хосю, основываясь как на свидетельствах этих моряков, так и на голландских источниках, подробно описал деятельность Петра I. Он особо отметил эпохальность его заслуг, указав, что русские считают его «будто основателем государства» и даже установили ему памятник, что для японцев XVIII в. было свидетельством едва ли не божественного статуса [Кацурагава Хосю, 1978, с. 119–120, 135].

Предложение начать торговые отношения, озвученное русскими в переговорах с чиновниками княжества Мацумаэ в 1778–1779 гг., а также деятельность И. Титсинга на посту главы голландской фактории в Нагасаки в 1781–1784 гг. подстегнули в Японии дискуссию о возможном расширении внешней торговли для улучшения финансового положения центрального правительства [Screech, 2006, с. 16]. Однако в 1786–1787 гг. произошла смена власти: председателя совета старейшин Танума Окицугу, с энтузиазмом смотревшего на перспективы активизации внешней торговли, сменил у руля консервативно настроенный Мацудайра Саданобу, который уже в 1790 г. издал указ о двукратном сокращении объема торговли с голландцами [Ёкояма Ёсинори, 2013, с. 53–59].

В своем описании деятельности Петра I Кацурагава Хосю не преминул отметить его заслуги по расширению торговли с другими странами: Петр «проложил много водных путей, развил связи [с другими странами] и, увеличив выгодную торговлю, приумножил богатство собственной страны» [Кацурагава Хосю, 1978, с. 99]. Поскольку Кацурагава Хосю, придворный врач и знаток голландских наук, относился к числу сторонников отношений с другими странами, это указание можно рассматривать и как скрытый намек для чиновников правительства – именно они выступали адресатами сочинения, не предназначенного для широкой

публикации. Если это так, то мы можем говорить о Кацурагава Хосю как о первом японце, рассматривавшем реформы Петра I как возможную модель для Японии.

И все же Японию рубежа XVIII–XIX вв. едва ли можно назвать государством, жители которого всерьез задумывались о кардинальном изменении траектории его развития. Отказ на предложение об установлении торговых отношений от очередного российского посольства во главе с Н. П. Резановым в 1805 г. хотя и вызвал критику некоторых представителей властных и ученых кругов, официально был назван «следованием закону предков», да и неофициально многими воспринимался таким образом [Фудзита Сатору, 2005, с. 17]. Последовавшие за этим нападения российских судов под командованием Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова на японские фактории на Сахалине и Итурупе в 1806–1807 гг., а также заход британского судна «Фазтон» в гавань Нагасаки обманным путем в 1808 г. обнажили уязвимые места в обороне Японии, что привело, однако, не к качественным изменениям во внешней политике, а лишь к ужесточению обороны.

В своей статье, посвященной различным аспектам образа России в Японии, японский историк Вада Харуки пишет, что первым, кто указал на важность примера Петра I для японцев, был россиянин – капитан флота В. М. Головнин, плененный японцами в 1811 г. из-за действий Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова и пробывший в заключении около двух лет [Вада Харуки, 1986, с. 53–54]. По возвращении на родину в своих «Записках о приключениях в плену у японцев» он отметил изобретательность и трудолюбие японцев и заключил, что «если над сим [...] народом будет царствовать государь, подобный великому нашему Петру», то «чрез малое число лет» Япония будет «владычествовать над всем Восточным океаном» [Головнин, 1816, с. 27]. Голландское издание «Записок» В. М. Головнина было привезено в Японию и переведено на японский язык уже в 1825 г. Однако, как указывает проф. Вада Х., и голландское издание, и японский перевод вслед за ним охватывали лишь первые два тома «Записок», так что вышеприведенная мысль В. М. Головнина, озвученная в третьем томе, осталась неизвестной японцам [Вада Харуки, 1986, с. 54]. Но некоторые японские ученые смогли увидеть в Петре I и его реформах возможную модель для Японии и без подсказки российского мореплавателя.

Аидзава Сэйсисай: Петр как пример личной вовлеченности

Одним из наиболее влиятельных мыслителей, в чьих трудах мы находим отсылки к деятельности Петра I, был Аидзава Сэйсисай (1782–1863). Он происходил из княжества Мито, которым руководили князья из боковой ветви правящего дома Токугава. Князья Мито традиционно выступали советниками сёгунов, а с правления второго главы Токугава Мицукунни (1628–1701) в княжестве также велась работа по составлению «Истории Великой Японии». Вокруг созданной для этих целей исторической палаты «Сёкокан» сформировалась т. н. «школа Мито», ставшая в XIX в. очагом движения за почитание императора и изгнание варваров, одним из идеологов которого и стал Аидзава Сэйсисай.

Ещё в 10-летнем возрасте он попал в ученики к Фудзита Юоку (1774–1826), работавшему в той самой исторической палате, и его усилиями был привлечен к научной работе. Как раз в это время Японию посетила российская экспедиция А. Лаксмана, и в княжестве Мито, имевшем длинную береговую линию, озаботились проблемой морской обороны. Аидзава С. было поручено собрать сведения о России. Результатом этого стала работа «Удивительные слухи о Курильских островах» (千島異聞 *Тисима ибун*), написанная в 1801 г.

Аидзава С. начинает свое сочинение с исторического обзора айнских земель и контактов японцев с материковыми народами, доводя его до военных кампаний Тоётоми Хидэёси на материке в конце XVI в. и последовавшего за этим захвата Китая маньчжурами, а айнских земель – Россией. Он предполагает, что именно завладение всеми землями айнов является истинным мотивом русских в их стремлении установить торговые отношения с Японией, для

чего они «подробно изучают географию нашей божественной страны». Затем он переходит к анализу источников российского могущества и обнаруживает его в одаренности, находчивости и энергии Петра I, благодаря которому Россия превратилась в великую империю. Среди реформ Петра Аидзава С. отмечает его особые заслуги в улучшении трех сфер: продовольственной безопасности, образования и вооруженных сил. «Он направил всю свою энергию на упрочение источников существования народа и обогащение государства, – пишет Аидзава, – Он разбил виноградники и фруктовые сады, чтобы обеспечить достаточное продовольствие для своего народа. Он основал школы, чтобы распространить официальную религию. Он вымуштровал российскую армию и тем самым вселил страх в сердца врагов России» (Цит. по: [Wakabayashi B. T., 1986, с. 84]).

При этом Петр осознавал отсталость России в этих сферах и ее потребность учиться у Запада: он отправлял студентов за границу, покупал книги по законам, науке, религии, математике и астрономии из передовых европейских стран, основал великолепные образовательные центры в Москве и Санкт-Петербурге. Изучив европейские техники навигации и построив десятки военных кораблей, он создал российский военно-морской флот. Но что более всего впечатлило самого Аидзава С., так это личная вовлеченность Петра в дело преобразования. Будучи неудовлетворенным ввозимыми книгами и нанимаемыми иностранными учителями, Петр «лично поехал на Запад, выдав себя за рядового рабочего, чтобы освоить техники строительства крупных судов» (Цит. по: [Wakabayashi B. T., 1986, с. 85]).

В описании Аидзава С. российский монарх предстает как великодушный и преданный своему делу правитель-наставник, который, позаботившись об источниках существования своих людей, улучшил их нравы, объединил духовно и вселил в них чувство почтения к себе. Затем он добился того же и от покоренных народов, предоставляя им как материальные блага цивилизованной жизни (еду, одежду, передовые технологии и оружие), так и духовную силу в виде христианства, которое гарантировало исполнение их чаяний о получении выгод в этом мире.

Изучение «российского вопроса» 19-летним исследователем Аидзава С. дало ему понять, что при должном руководстве даже разделенная, слабая и полузависимая страна, не наделенная хорошим климатом и географией, способна стать ведущей мировой державой. Секрет России на этом пути он видел в следующем. Во-первых, российские правители с начала XVII в. неизменно сохраняли определенные долгосрочные цели – обретение национального единства, достижение богатства и могущества государства и территориальное расширение. Во-вторых, они подходили к реализации этих целей с гибкостью, приспосабливаясь к мировой ситуации, например, продвигались на восток, если терпели неудачи на западе. В-третьих, они осознавали необходимость изучать передовые технологии Европы для реализации этих долгосрочных целей [Wakabayashi B. T., 1986, с. 85].

Спустя почти четверть века, в 1824 г., в воды княжества Мито зашло британское китобойное судно с просьбой о предоставлении провизии, и Аидзава С. было поручено вступить в переговоры с экипажем. Этот случай дал ему повод сформулировать общие принципы государственной обороны и необходимой для этого внутренней и внешней политики Японии. Свое сочинение он назвал «Новыми суждениями» (新論 *Синрон*), и позже ему было суждено стать одним из краеугольных камней в идеологии движения за почитание императора и изгнание варваров, а также одним из наиболее читаемых сочинений среди патриотично настроенных молодых самураев (особенно после «открытия» страны в 1853 г.).

В этом сочинении Аидзава С. упоминает Петра лишь однажды, снова говоря о его поездке инкогнито в Европу для обучения как о примере личной вовлеченности государя в дело преобразования страны [Аидзава Сэйсисай, 1973, с. 124–125]. Тем не менее, во многих основных положениях заметно влияние опыта изучения деятельности Петра I, отраженного в сочинении «Удивительные слухи о Курильских островах».

Так, Аидзава С. пишет, что в условиях возросшей угрозы со стороны иностранных держав и участвовавших визитов их кораблей необходимо, сплотившись вокруг императора и военно-

го правительства *бакуфу*, объединить усилия для изгнания варваров. Для этого нужно пробудить застоявшийся народный дух, осуществить реформы для создания богатой страны и сильной армии, а также наладить оборону в каждом княжестве. Поскольку укрепление мощи каждого из княжеств могло в конечном счете создать угрозу для самого военного правительства, был нужен сильный героический лидер, способный повести за собой всех других князей, – на наш взгляд, здесь, безусловно, угадывается образ Петра I.

Ватанабэ Кадзан: Петр I как пример изменчивости мира

В 1825 г., когда были написаны вышеупомянутые «Новые суждения», центральное правительство Японии выпустило указ о силовом выдворении иностранных судов, оказавшихся в японских водах. С одной стороны, он стал логичным итогом процесса осознания положения Японии в мире и выработки внешнеполитического курса центральным правительством, начавшегося в конце XVIII в. с визитом российской миссии под руководством А. Лаксмана. С другой – создал дополнительный источник напряженности в Восточной Азии, который мог привести к непредвиденным последствиям для страны.

Наиболее известным случаем исполнения этого указа стало выдворение американского торгового судна «Моррисон» летом 1837 г. Торговцы из США еще с конца XVIII в. интересовались перспективой отношений с Японией. В этот раз они решили воспользоваться «российским методом» – вернуть на родину потерпевших крушение японских моряков. С судна заблаговременно были сняты все орудия, чтобы подчеркнуть его мирные намерения, однако при попытке подойти к бухте Урага вблизи столицы Эдо оно было подвергнуто артиллерийскому обстрелу, и в конце концов вынуждено покинуть воды Японии.

Когда год спустя через голландскую факторию в Нагасаки стало известно об экипаже судна и его намерениях, в правительстве и среди интеллектуалов развернулась дискуссия о применении указа 1825 г. Одним из активных противников силовых методов выступил старший вассал княжества Тахара и известный поборник «голландских наук» по имени Ватанабэ Кадзан (1793–1841). Он являлся членом «Общества почитания стариков» (尚齒會 *Сё:сикай*), объединявшего широкий круг ученых и чиновников центрального правительства с целью изучения западных наук для решения текущих проблем Японии. Ватанабэ Кадзан как старший вассал княжества Тахара, имевшего весьма протяженную береговую линию, в 1832 г. был назначен ответственным за морскую оборону, поэтому его интерес к западным знаниям понятен. Однако он, активно изучая современное международное положение, не ограничивался сугубо техническими вопросами. Американский японовед Д. Кин считает его одним из наиболее осведомленных о мировой ситуации японцев своего времени (См. [Keene, 2006, с. 2–3]).

В 1839 г., незадолго до начала Первой опиумной войны в Китае, Ватанабэ Кадзан по просьбе чиновника центрального правительства Эгава Хидэтацу (1801–1855) составил «Записку о положении дел в зарубежных странах» (外国事情書 *Гайкоку дзидзёсё*). В то время многие высшие чиновники центрального правительства относились к другим странам с неприкрытым высокомерием, считая, что их стремление завязать торговлю объясняется лишь их бедностью, в то время как Япония и Китай не испытывают нужды ни в чем. Ватанабэ Кадзан же в своей «Записке» попытался донести мнение, что мир меняется, и Поднебесная не всегда остается Поднебесной, а варвары – варварами. Говоря о переменах в мировой ситуации, он привел в пример Россию и деятельность Петра.

«Россия была самой северной из всех северных стран, однако в ней появился великий правитель по имени Петр, который захватил земли шириной семьсот или восемьсот ри, а протяженностью – три тысячи ри от Швеции на западе до Сибири, что граничит с восточными землями айнов. Во всех этих землях он проложил дороги, построил станции, прорыл каналы, пустил по ним корабли, отыскал товары, наладил торговлю, освоил дикie леса

и равнины, основал новую столицу, учредил академию, обучил народ, принял в подданство из других стран 201 тысячу 357 человек, создал школу для изучения военных и словесных наук, подготовил кадры, одержал победы в нескольких десятках больших войн и создал величайшую в мире империю. Все это было сделано в правление одного только Петра! Он почил в 1725 г., то есть в 10-м году правления Кёхо» [Ватанабэ Кадзан, 1978, с. 61–62].

Сведения о деятельности Петра примерно те же, что содержались в сочинении Кацурагава Хосю четырьмя десятилетиями ранее. Однако теперь мы видим, как пример Петра и его преобразований в России начинает использоваться для подспудной критики косного взгляда на международное положение Японии, который был свойствен столь многим в кабинетах центрального правительства. Указывая на пример Петра, Ватанабэ Кадзан предупреждал власти о двух вещах: первое – ситуация в мире уже не та, какой была 200 лет назад, когда Япония была сильна и могла легко прекращать нежеланные отношения; второе – если не начать меняться самим, то меняться заставят другие.

Сакума Сёдзан: Петр I как идеал правителя и реформатора

Ватанабэ Кадзан пал жертвой гонений спустя всего два года после того, как написал эти строки, – в самый разгар Первой опиумной войны в Китае. Однако вскоре после ее окончания и неожиданного для японцев поражения Китая правительство, наконец, озабочилось проблемой безопасности и отношениями с другими странами и было вынуждено обратиться к специалистам по западным знаниям [Толстогузов, 2011, с. 59–78]. Двадцать пятого декабря 1842 г. один из таких специалистов, ученый по имени Сакума Сёдзан (1811–1864), представил своему господину Санада Юкицура (1791–1852), главе княжества Мацусиро и члену совета старейшин центрального правительства, предложения по укреплению обороны морских берегов. В них он, рассуждая о необходимости собственного военно-морского флота, несколько раз приводил в пример Петра.

«В прежние годы, когда российский правитель Петр впервые в истории своей страны начал строить морские суда, то и подходящего леса не хватало, и мастера были не обучены, поэтому даже постройка одного судна требовала огромных расходов. Так что, если понадобится срочно построить несколько кораблей, нашему правительству придется понести изрядные расходы, да и в срок поспеть, возможно, не удастся. Я считаю, что для начала нам следует закупить порядка 20 судов у голландцев» [Сакума Сёдзан, 1971а, с. 271].

Поскольку создание военно-морского флота было для Японии делом совершенно новым, Сакума С. не обошел вниманием и вопрос подготовки кадров для него. Говоря об этом, он также вспоминал Петра: «Не так давно российский правитель Петр, осознавая нехватку крупных судов, неумение вести войну на море и незнание навигации в своей стране, пригласил из Голландии знатоков разных искусств и ремесел для обучения им своих подданных. Хотя и приходилось прибегать к принуждениям и поощрениям, спустя некоторое время все эти искусства и ремесла стали развиваться, и в конце концов Россия стала одним из достойных государств Европы» [Сакума Сёдзан, 1971а, с. 278].

Далее Сакума Сёдзан делает отступление, которое, на наш взгляд, наглядно показывает его общее отношение к Петру и его деятельности как к модели для Японии: «До Петра Россия считалась среди других государств Европы глупой, неотесанной и бедной страной, с которой едва ли стоит иметь отношения. Но когда ее возглавил и повел за собой великий правитель, Россия уже никогда не попадала под власть других государств. Что уж говорить о нашей стране, народ которой по своему разуму не имеет равных во всем мире? Да, по обширности территории мы уступаем Китаю и России, но по плодородию земель и умственным способностям народа Япония действительно превосходит всех остальных» [Сакума Сёдзан, 1971а, с. 278].

О том, насколько глубоко Сакума Сёдзан был проникнут идеей переустройства Японии под руководством великого лидера, свидетельствует тот факт, что он обращался к фигуре Петра не только в официальных письмах, но и в собственных стихах. В Музее сокровищ дома Санада в г. Нагано хранится свиток под названием «Шесть стихов о разных чувствах» (雑感六首 *Дзаккан рокусю*). Одно из стихотворений, написанное рукой Сакума Сёдзан на классическом китайском языке, гласит:

К востоку он владения на десять тысяч верст расширил –
Все потому, что поощрял науки, научившись у голландцев.
А в нашей же стране болтают о пустом наследники героев –
Уж сотню лет нет никого, сравнимого с Петром!
(перевод В. Щепкина)

После поражения Китая в Первой опиумной войне Сакума Сёдзан полностью отдал себя изучению голландского языка и западных наук, прежде всего военного дела, артиллерии, медицины и физики, а в 1851 г. открыл в столице собственную школу. Она стала особенно популярной после прибытия в Японию экспедиций американского командора М. Перри и российского адмирала Е. В. Путятина в 1853 г. В ней проходили обучение такие будущие общественные деятели и лидеры реставрации Мэйдзи, как Ёсида Сёин (1830–1859), Кацу Кайсю (1823–1899) и Сакамото Рёма (1836–1867). В 1854 г. Ёсида Сёин предпринял несколько неудачных попыток проникнуть на американское или российское судно, чтобы отправиться за границу для изучения военного дела. Вскоре Сакума Сёдзан, как его учитель, был обвинен в подстрекательстве своего ученика к преступным действиям и посажен под домашний арест в родное княжество Мацусиро на долгие девять лет, но и оттуда не переставал распространять свои идеи о переустройстве Японии.

Двадцать шестого января 1858 г. он писал известному поэту Янагава Сэйган, одному из активистов зарождавшегося оппозиционного движения: «В глубине души я очень надеюсь, что в ближайшее время правительство в соответствии с объявленным великим принципом снимет с князей обвинения в их неосторожных поступках, руководствуясь гуманными законами в соответствии с духом времени, объявит, что они смогут искупить вину будущими заслугами, решительно изменит свой прежний временный курс и сделает все так, как Петр в России. Выбрать разных людей, послать их за границу, чтобы изучали искусства и ремесла, которые там развиты, и собирали сведения о местной обстановке и настроениях. Пригласить побольше иностранных умельцев, тепло принять их с открытым умом и сердцем, сделать их учителями в искусствах, которых нет в нашей стране, и всячески развивать науки. Изменить систему деления на княжества, запретить безделье, смягчить наказания, развивать машиностроение, открыть фабрики, увеличить число больших кораблей, восстановить морскую торговлю. Отправить послов в те страны, которые направляют послов к нам, пополнять казну за счет сборов с приезжающих из других стран. Я скромно полагаю, что если мы будем придерживаться этих мер в течение некоторого времени, то сможем превзойти по государственной мощи Англию, Францию и Америку» [Сакума Сёдзан, 1971б, с. 374]. Как точно указывает японский историк Вада Х., надежда Сакума Сёдзан на то, что японское правительство «сделает все так, как Петр в России», наглядно показывает, какое значение он придавал модели Петра [Вада Харуки, 1986, с. 56].

Заключение

Как мы смогли увидеть, Петр I и его реформы являлись объектом повышенного интереса японских мыслителей первой половины XIX в. Мы остановились подробно лишь на мнении трех видных ученых – у каждого из них Петр предстает как модель и пример преобразований для создания «богатого государства и сильной армии», что стало одной из национальных идей в период Мэйдзи (1868–1912). Двое из представленных мыслителей – Аидзава Сэйсисай и Сакума Сёдзан – являлись, пожалуй, наиболее влиятельными идеологами своего времени,

чьими трудами вдохновлялось целое поколение активных реформаторов этого периода. Представители этого поколения уже гораздо реже писали о Петре, считая, как Като Хироюки в «Записках соседа» 1861 г., что его фигура и деятельность слишком хорошо известны современникам, чтобы останавливаться на них подробно [Като Хироюки, 1991, с. 110]. Но, на наш взгляд, это означает лишь, что идея о Петре как о модели для Японии была к тому времени уже прочно усвоена многими японцами.

Список литературы

- Вада Харуки.** Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М.: ГРВЛ, 1986. С. 50–61.
- Головнин В. М.** Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Часть третья, содержащая в себе Замечания его о японском государстве и народе. СПб.: Морская тип., 1816. 169 с.
- Като Хироюки.** Записки соседа / Вступ. ст., пер. с яп. и коммент. Ю. Д. Михайловой // Восток. 1991. № 6. С. 102–110.
- Кацурагава Хосю.** Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса монряку») / Пер. с яп., коммен. и прил. В. М. Константинова. М.: Наука, 1978. 532 с.
- Толстогузов С. А.** Внешнеполитическая ситуация в Восточной Азии и политика бакуфу в годы Тэмпо // История и культура традиционной Японии. М.: РГГУ, 2011. С. 59–78.
- Щепкин В. В.** Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2020. Т. 42. № 4. С. 115–122.
- Keene Donald.** Frog in the well. Portraits of Japan by Watanabe Kazan (1793–1841). New York: Columbia University Press, 2006. 289 p.
- Screech Timon.** Secret Memoirs of the Shoguns. Isaac Titsingh and Japan, 1779–1822. Routledge, 2006. 288 p.
- Wakabayashi Bob Tadashi.** Anti-Foreignism and Western Learning in Early Modern Japan: The New Theses of 1825. Harvard: Harvard University Asia Center, 1986. 360 p.
- Аидзава Сэйсисай.** Синрон [会沢正志斎. 新論]. Новые суждения // Нихон сисо тайкэй [日本思想大系]. Антология японской мысли. Т. 53. Мито гаку [水戸学]. Школа Мито. Токио: Иванами сётэн, 1973. С. 49–160. (на яп. яз.)
- Ватанабэ Кадзан.** Гайкоку дзидзёсё [渡辺崋山. 外国事情書]. Записка о положении дел в зарубежных странах // Кадзан Тёэй ронсю [崋山・長英論集]. Сборник сочинений Ватанабэ Кадзан и Такано Тёэй. Токио: Иванами сётэн, 1978. 398 с. (на яп. яз.)
- Ёкояма Ёсинори.** Кайкоку дзэнъя-но сэкай [横山伊徳. 開国前夜の世界]. Мир накануне открытия Японии / Нихон кинсэй-но рэкиси [日本近世の歴史]. История Японии в раннее новое время. Т. 5. Токио: Ёсикава кобункан, 2013. 383 с. (на яп. яз.)
- Сакума Сёдзан.** Кайбо ни кансуру хансю атэ дзёсё [佐久間象山. 海防に関する藩主宛上書]. Записка главе княжества о морской обороне // Нихон сисо тайкэй [日本思想大系]. Антология японской мысли. Т. 55. Ватанабэ Кадзан, Такано Тёэй, Сакума Сёдзан, Ёкои Сёнан, Хасимото Санай [渡辺崋山・高野長英・佐久間象山・横井小楠・橋本左内]. Токио: Иванами сётэн, 1971a. С. 262–283. (на яп. яз.)
- Сакума Сёдзан.** Янагава Сэйган атэ [佐久間象山. 梁川星巖宛]. Письмо к Янагава Сэйган // Нихон сисо тайкэй [日本思想大系]. Антология японской мысли. Т. 55. Ватанабэ Кадзан, Такано Тёэй, Сакума Сёдзан, Ёкои Сёнан, Хасимото Санай [渡辺崋山・高野長英・佐久間象山・横井小楠・橋本左内]. Токио: Иванами сётэн, 1971b. С. 370–376. (на яп. яз.)
- Фудзита Сатору.** Кинсэй коки сэйдзиси то тайгай канкэй [藤田覚. 近世後期政治史と対外関係]. Политическая история второй половины периода Токугава и международные отношения. Токио: Токё дайгаку сюппанкай, 2005. 323 с. (на яп. яз.)

References

- Golovnin V. M.** Zapiski flota kapitana Golovnina o priklucheniiah iego v plenu u iapontsev v 1811, 1812 i 1813 godah. Chast tretia, sodержashaia v sebe Zamechaniia iego o iaponskom gosudarstve i narode [Memoirs by Navy Captain Golovnin of his Captivity in Japan during the Years 1811, 1812 and 1813. Part 3, which contains his observations on the country and the people of Japan]. Saint Petersburg, Morskaia Tipografiia, 1816, 169 p. (in Russ.)
- Kato Hiroyuki.** Zapiski soseda. Vstupitelnaia statii, perevod s iaponskogo i kommentarii Yu. D. Mikhailovoi [Notes of the Neighbour. Introduction, translation from Japanese and commentaries by Yu. D. Mikhailova]. *Vostok*, 1991, no. 6, pp. 102–110. (in Russ.)
- Katsuragawa Hoshu.** Kratkie vesti o skitaniiah v severnykh vodakh (Hokusa monryaku), Perevod s iaponskogo, kommentarii i prilozhenie V. M. Konstantinova [Short news about wandering in Northern waters (Hokusa monryaku). Translation, commentary and appendixes by V. M. Konstantinov]. Moscow, Nauka, 1978, 532 p. (in Russ.)
- Shchepkin V. V.** Pervye svedeniia o Petre I i formirovaniie iego obraza v Iaponii [Early information about Peter I and shaping of his image in Japan]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2020, vol. 42, no. 4, pp. 115–122. (in Russ.)
- Tolstoguzov S. A.** Vneshnepoliticheskaia situatsiia v Vostochnoi Azii i politika bakufu v gody Tempo [Geopolitical situation in East Asia and bakufu policy in Tempo years]. *Istoriia i kultura traditsionnoi Iaponii* [History and Culture of Traditional Japan]. Moscow, RGGU, 2011, pp. 59–78. (in Russ.)
- Wada Haruki.** Predstavleniia o Rossii v Iaponii: uchitel, vrag, sobrat po stradaniiam [Perceptions of Russia in Japan: a teacher, an enemy, a comrade in sufferings]. *Rossii i Iaponiia v issledovaniiah sovetskikh i iaponskikh uchionyh* [Russia and Japan in the studies of Soviet and Japanese scholars]. Moscow, Nauka, 1986, pp. 50–61. (in Russ.)
- Keene Donald.** Frog in the well. Portraits of Japan by Watanabe Kazan (1793–1841). New York, Columbia University Press, 2006, 289 p.
- Screech Timon.** Secret Memoirs of the Shoguns. Isaac Titsingh and Japan, 1779–1822. Routledge, 2006, 288 p.
- Wakabayashi Bob Tadashi.** Anti-Foreignism and Western Learning in Early Modern Japan: The New Theses of 1825. Harvard, Harvard University Asia Center, 1986, 360 p.
- Aizawa Seishisai.** Shinron [会沢正志斎. 新論]. New Thesis. *Nihon shisou taikai* [日本思想大系]. *Anthology of Japanese Thought*. Volume 53. Mitogaku [水戸学]. The Mito School. Tokyo, Iwanami shoten, 1973, pp. 49–160. (in Jap.)
- Fujita Satoru.** Kinsei kouki seijishi to taigai kankei [藤田覚. 近世後期政治史と対外関係]. Political history of the second half of early modern period and foreign relations. Tokyo, Tokyo daigaku shuppankai, 2005, 323 p. (in Jap.)
- Sakuma Shozan.** Kaibo ni kansuru hanshu ate jousho [A note to the head of domain about maritime defence]. *Nihon shisou taikai* [日本思想大系]. *Anthology of Japanese Thought*, Vol. 55. Watanabe Kazan, Takano Choei, Sakuma Shozan, Yokoi Shonan, Hashimoto Sanai [渡辺華山・高野長英・佐久間象山・横井小楠・橋本左内]. Tokyo, Iwanami shoten, 1971, pp. 262–283. (in Jap.)
- Sakuma Shozan.** Yanagawa Seigan ate [佐久間象山. 梁川星巖宛]. Letter to Yanagawa Seigan. *Nihon shisou taikai* [日本思想大系]. *Anthology of Japanese Thought*, Volume 55. Watanabe Kazan, Takano Choei, Sakuma Shozan, Yokoi Shonan, Hashimoto Sanai [渡辺華山・高野長英・佐久間象山・横井小楠・橋本左内]. Tokyo, Iwanami shoten, 1971, pp. 370–376. (in Jap.)

Watanabe Kazan. Gaikoku jijousho [渡辺崋山。外国事情書]. A note about the situation in foreign countries. *Kazan Choei ronshuu* [崋山・長英論集]. *Collection of writings by Watanabe Kazan and Takano Choei*. Tokyo, Iwanami shoten, 1978, 398 p. (in Jap.)

Yokoyama Yoshinori. Kaikoku zen'ya-no sekai [横山伊徳。開国前夜の世界]. The world just before the opening of Japan. (*Nihon kinsei-no rekishi* 5 [日本近世の歴史]. *History of early modern Japan*, vol. 5). Tokyo, Yoshikawa kobunkan, 2013, 383 p. (in Jap.)

Информация об авторе

Василий Владимирович Щепкин, кандидат исторических наук

Information about the Author

Vasilii V. Shchepkin, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 14.05.2021;
одобрена после рецензирования 17.08.2021; принята к публикации 12.09.2021
The article was submitted 14.05.2021;
approved after reviewing 17.08.2021; accepted for publication 12.09.2021*

Научная статья

УДК 327.8

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-92-102

Инструменты мягкой силы Монголии в отношении российских регионов в начале XXI века

Иннокентий Галималаевич Актамов¹

Владимир Александрович Родионов²

¹ Институт монголоведения, буддологии, тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия

^{1, 2} Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Россия

¹ aktamov13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8646-1048>

² vladimir_198025@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8813-1862>

Аннотация

Анализируется относительно новая для российско-монгольских отношений тема политики «мягкой силы» Монголии в отношении ряда субъектов РФ. Рассматриваются факторы и используемые инструменты данной политики. Выявлено, что внешняя политика Монголии в отношении российских регионов реализуется в нескольких направлениях, включающих научные, образовательные, культурно-просветительские сферы. Центральное место в монгольском культурном влиянии занимает концепт «монгольский мир», легитимирующий особую роль Монголии среди остальных монголоязычных народов. Выявлено, что внешняя политика Монголии по отношению к этим регионам реализуется по нескольким направлениям. Результатом такой политики стало распространение монгольского влияния на приграничные регионы Российской Федерации. В связи с этим Москва также должна уделять определенное внимание этим процессам при построении стратегии двусторонних отношений на межгосударственном уровне.

Ключевые слова

российско-монгольские отношения, «мягкая сила», межрегиональные отношения, влияние

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «“Мягкая сила” в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ», № 19-514-4400

Для цитирования

Актамов И. Г., Родионов В. А. Инструменты мягкой силы Монголии в отношении российских регионов в начале XXI века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 92–102. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-92-102

Mongolia's Soft Power Tools in Relation to Russian Regions at the Beginning of the 21st Century

Innokentii G. Aktamov¹, Vladimir A. Rodionov²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

^{1,2} Buryat State University named after D. Banzarov
Ulan-Ude, Russian Federation

¹ aktamov13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8646-1048>

² vladimir_198025@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8813-1862>

Abstract

This article discusses the features of international relations in Inner Asia through the prism of the Russian-Mongolian relationship. The specifics of contemporary bilateral relationships is determined by the nature of mutual influence in the economic, political and humanitarian spheres. The aim of this research is to analyze Mongolian implementation of the concept of 'soft power' in relation to the regions of Russia, which are culturally and historically defined as a 'Mongolian world'. It was revealed that the foreign policy of Mongolia in relation to Russian regions such as the Republic of Buryatia, Republic of Tuva, Irkutsk and Trans-Baikal regions is being implemented in several directions. The first one is daily trade and economic contacts between Russian and Mongolian citizens. The second direction is represented by ethno-cultural holidays and festivals, within the framework of which the Mongolian language and traditions are promoted. The existing demand for the preservation and development of national cultures and languages of the indigenous peoples of Russia creates conditions for stimulating interest in all Mongolian language, literature, clothing, cuisine, cultural and sports events. Finally, Mongolia's success in fighting the pandemic during 2020 and its humanitarian assistance to the Russian regions affected by Coronavirus are also tools of 'soft power'. The result of this policy is the spread of Mongolian influence in the border regions of the Russian Federation. In this regard, Moscow should also pay certain attention to these processes when building a strategy of bilateral relations at state level.

Keywords

Russia-Mongolian relations, soft power, regional relations, influence

Acknowledgements

This study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 19-514-4400) "Soft Power in Russian-Mongolian relations: a comparative analysis"

For citation

Aktamov I. G., Rodionov V. A. Mongolia's Soft Power Tools in Relation to Russian Regions at the Beginning of the 21st Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 92–102. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-92-102

Введение

Термин «мягкая сила» довольно прочно вошел в современный политический лексикон, а опора на одноименную концепцию стала составной частью внешнеполитического планирования многих стран. Принято считать, что концептуальные основы «мягкой силы» были заложены американским политологом Джозефом Наем-младшим в начале 1990-х гг. в монографии «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» [Nye, 1990], а затем дополнены в последующих трудах [Nye, 2004]. Обобщая видение Наем «мягкой силы», можно определить ее как способность одной стороны оказывать влияние на другую сторону путем убеждения и привлекательности, а не силового давления и принуждения.

Объективной основой для популяризации концепции «мягкой силы» стало усложнение международных отношений, выраженное в усилении конкурентной борьбы и разнообразии способов ее ведения. Наряду с военно-политическими и экономическими методами все

большую роль стали играть такие инструменты как идеология, массовая культура, информационное воздействие и прочее. В связи с этим теоретические изыскания Дж. Ная нашли широкий отклик среди академического сообщества и политических элит стран мира. Более того, развитие этой концепции, произошедшее в результате исследований внешнеполитической практики государств, привело к расширению содержания понятия «мягкой силы», добавлению параметров и критериев оценки ее эффективности. Например, английская консалтинговая компания Portland, начиная с 2015 г. ежегодно выпускающая глобальный рейтинг «мягкой силы» The Soft Power 30, среди критериев оценки ее потенциала использует такие параметры, как система управления (политические ценности, общественные институты), технологический прогресс, культурное наследие, уровень развития экономики, вовлеченность в международный контекст, образование [Крячкина, 2019, с. 97].

Изначально акторами «мягкой силы» виделись только те государства, которые традиционно рассматривались как великие державы или по крайней мере претендовали на такой статус. Неслучайно основной массив публикаций на эту тему посвящен таким странам-лидерам западного мира как США, Германия, Франция, Великобритания, а также ведущим странам Азии – КНР, Японии, Индии, Турции. Все активнее в последнее время заявляет о себе в качестве игрока в поле «мягкой силы» Россия. В то же время крайне мало внимания уделяется тем странам, которые в силу своих масштабов, совокупного внешнеполитического потенциала несопоставимы с великими державами. Такие условно «малые страны», как правило, выступают в роли объектов, реципиентов «мягкой силы». Между тем, как показывает практика последних лет, подобные государства также стремятся использовать «мягкую силу» для защиты собственных интересов на международной арене.

«Мягкая сила» Монголии

До недавнего времени Монголия рассматривалась исключительно в качестве объекта «мягкой силы» великих держав [Родионов, 2009, с. 255–260]. Между тем, современная Монголия являет собой пример «малой страны», нацеленной на использование собственного потенциала «мягкой силы» при осуществлении внешней политики. В 2016 г. правительством Монголии была утверждена «Программа по пропаганде Монголии за рубежом», предполагающая широкий спектр мероприятий культурно-просветительского, научного, информационного характера для создания благоприятного имиджа страны в зарубежных странах¹. Монгольские политики и эксперты неоднократно заявляли о необходимости использования «мягкой силы» в отношениях с внешним миром². К наиболее ярким проявлениям монгольской «мягкой силы», направленной на глобальный уровень, можно отнести:

- активное участие монгольских военных в миротворческих операциях под эгидой ООН;
- стремление стать государством-посредником для переговоров по актуальным вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии;
- позиционирование себя как пример развитой азиатской демократии³.

Одновременно с этим Улан-Батор стремится использовать «мягкую силу» не только на глобальном, но и на локальном уровне. Речь идет о потенциале влияния на приграничные с Монголией регионы России и Китая. Например, исследователь Института международных отношений Академии наук Монголии Д. Базардорж, рассуждая в одном из интервью о связях

¹ Программа «Популяризация Монголии за рубежом». URL: <http://www.mongolnow.com/programma-populyarizatsiya-mongolii-za-rubezhom/> (дата обращения 01.09.2021).

² См., например: Х. Баттулга: Архив бол Монголын “зөөлөн хүч”-ний бодлогыг хэрэгжүүлэх нэг гол байгууллага. URL: <https://montsame.mn/en/read/194966> (дата обращения 01.09.2021); Ж. Энхсайхан: Монгол Улс нэр хүндээ өсгөх түүхэн боломжийг алдаж байна. URL: <https://news.mn/r/2359366/> (дата обращения 01.09.2021).

³ Родионов В. А., Железняков А. С. Монголия стремится стать «азиатской Швейцарией». URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoy-shveytsariy/> (дата обращения 01.09.2021).

Монголии с монголоязычными этносами Китая и России, отметил: «Как независимое государство, мы должны осознать, что несем историческую ответственность за исследование положения этнических монголов за рубежом»⁴. Вполне вероятно, что такого же мнения придерживаются и представители органов государственной власти. В силу данного обстоятельства представляется актуальным исследование факторов, способствующих осуществлению политики «мягкой силы» Монголии в отношении отдельных регионов России.

Российско-монгольские двусторонние связи в новейшее время представляют интерес не только с точки зрения межгосударственного взаимодействия в области политики, экономики, гуманитарной сферы. Не менее значимыми можно признать межрегиональные связи и практики, имеющие тенденцию к расширению. Протяженная совместная граница (3485 км), исторически сложившиеся хозяйственные связи, этнокультурная и религиозная близость народов, выступающая содержательной основой концепта «монгольский мир», являются основными факторами интенсивности межрегионального взаимодействия. Дополнительный импульс регионально-приграничному сотрудничеству придал старт проекта «Экономический коридор Китай – Монголия – Россия» (ЭККМР), объявленный в 2014 г.

Программа ЭККМР, предусматривающая комплексную модернизацию и развитие Центрального транспортного коридора по маршруту Улан-Удэ – Улан-Батор – Пекин – Тяньцзинь (включая железнодорожную ветку и сеть АН 3 Азиатских автодорог), охватывает пять приграничных субъектов России, три из которых являются национальными республиками – Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, два административно-краевыми образованиями – Забайкальский и Приморский края. Тем самым трехсторонние экономические коридоры пройдут через регионы компактного проживания монголоязычного народа России – бурят, которые проживают в Забайкальском крае и Республике Бурятия, а также через Республику Тыва – территорию, близкую к Монголии в культурно-религиозном отношении.

Одним из базовых документов, на основе которого выстраивается сотрудничество между Республикой Бурятия и Монголией, является «Соглашение об экономическом и приграничном сотрудничестве» от 25 февраля 1999 года. Между Бурятией, Тывой, Забайкальским краем с одной стороны и рядом аймаков Монголии с другой стороны действуют соответствующие соглашения о сотрудничестве. Также значимые рамки взаимодействия – связи между городами-побратимами – российским Улан-Удэ и монгольскими Улан-Батором, Эрдэнэтом и Дарханом; российской Читой и монгольским Чойбалсаном. Такие мероприятия экономического и культурного характера как «Дни экономики и культуры», бизнес-выставки, ярмарки высших учебных заведений, организация детского отдыха на территории российских субъектов и монгольских аймаков играют роль площадок для поддержания постоянных контактов между жителями двух стран.

На субъекты, входящие в Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, в последние годы приходится около трети всего товарооборота между Россией и Монголией [Суходолов, Даваасурэн, Манжигеев, 2018, с. 632–639]. Вступивший в силу с ноября 2014 г. обоюдный безвизовый режим между странами стимулировал резкое увеличение пассажиропотоков и миграционных перемещений в обоих направлениях. Нарастающий спрос на товары и продукты, производимые на приграничных территориях, дал новый импульс сфере туризма. Ниже приведены данные по взаимным туристическим визитам между Россией, Китаем и Монголией в последние годы (табл. 1, 2).

⁴ Базардорж Д. Монгол, Өмнөд Монголын цар тахлын нөхцөл байдалд төсөөтэй зүйлс цөөнгүй. URL: <https://ikon.mn/n/1wl> (дата обращения 01.09.2021).

Таблица 1

Число выездных туристских поездок граждан России в Китай и Монголию,
2015–2019 гг. (тыс.)

Table 1

The number of arrivals of Russian tourists to China and Mongolia,
2015–2019 (thousand)

Страна	2015	2016	2017	2018	2019
Китай	1284,3	1676,2	2003,0	2018,0	2334,0
Монголия	57,2	71,9	91,0	111,0	130

Таблица 2

Число въездных туристских поездок китайских и монгольских граждан в Россию,
2015–2019 гг. (тыс.)

Table 2

The number of arrivals of Chinese and Mongolian tourists to Russia,
2015–2019 (thousand)

Страна	2015	2016	2017	2018	2019
Китай	1121,5	1288,7	1478,0	1690,0	1883,0
Монголия	378,2	522,0	396,0	387,0	376,0

Источник: Выборочная статистическая информация, рассчитанная в соответствии с официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристских поездок. Сайт Федерального агентства по туризму Минэкономразвития РФ // <https://www.russiatourism.ru> (дата обращения 15.05.2020).

Из данных таблиц видно, что с 2015 г. количество монгольских граждан, посетивших Россию, в несколько раз превысило количество россиян, посетивших Монголию. Такая разница объясняется резким снижением курса российского рубля по отношению к монгольскому тугрику в 2014 г., что в значительной мере увеличило спрос на российские товары среди монгольских покупателей. Это, в свою очередь, оживило оптово-розничную торговлю в приграничных российских регионах, в первую очередь, в Республике Бурятия. Объемы продаж ритейлеров резко возросли, что сказалось на увеличении ВРП республики. Так, по данным официальной статистики, по итогам первой половины 2015 г. Бурятия заняла первое место в России по росту оборота розничной торговли с показателем 105,8 %⁵, в то время как в большинстве субъектов РФ эти показатели снизились на фоне экономического кризиса.

Инструменты «мягкой силы»

Поскольку покупатели из Монголии в массе своей не очень хорошо знают русский язык, то продавцам не только крупных торговых центров, гостиниц, кафе, но и представителям среднего и малого бизнеса пришлось искать механизмы оптимальной коммуникации. Рыночный спрос со стороны покупателей-монголов подтолкнул к изменению модели коммуникации со стороны продавцов-россиян. Продавцы были вынуждены овладеть основными фразами, торговой лексикой для реализации своей продукции. В этих условиях в более выигрышной ситуации оказались продавцы, которые владели бурятским языком, который

⁵ Гости из Монголии вывели Бурятию в лидеры по росту оборота розничной торговли. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/15/162194/> (дата обращения 01.09.2021).

генетически является одним из монгольских языков. Экономические дивиденды от знания языка оказались самым явным преимуществом и подтолкнули многих представителей данной сферы к овладению бурятским языком, пусть даже и на самом начальном уровне. Показателен пример с торговцами фруктами и овощами на одном из оптово-розничных рынков Улан-Удэ. Как правило, эта сфера занята выходцами из государств Средней Азии и Кавказа. После притока покупателей из Монголии торговцы из этих стран очень быстро и на довольно хорошем уровне выучили торговую лексику на монгольском. Многие буряты, не знавшие свой язык, вынуждены были выдерживать конкуренцию и начать изучение языка. Особенно это было заметно среди продавцов зимней обуви – унтов из оленьих шкур, которые имели большой спрос у монголов в силу их практичности, морозостойкости и относительно невысокой стоимости. Эту нишу преимущественно заняли торговцы-буряты, и те, кто знал бурятский язык, оказались в более выгодном положении в плане коммуникации с покупателями из соседней страны. Экономическая потребность в знании азов монгольского языка стала одним из факторов повышения интереса к истории и культуре монгольского народа.

Важным мотивом для поездок в Бурятию граждан Монголии стало посещение религиозных мест. Наиболее ярким примером в этом плане является поклонение нетленному телу Хамбо-ламы Итигэлова в центре российского буддизма – Иволгинском дацане. Монгольские туристские компании организуют для паломников специальные автобусные туры, которые пользуются большой популярностью. Традиционная одежда, которую монголы надевают при посещении дацана, оказывает определенное воздействие на представителей бурятского этноса, которые практически перестали носить ее в быту. В результате у бурят ношение традиционной национальной одежды, в том числе одежды халха-монголов, стало весьма популярным. Более того, ношение традиционного монгольского костюма стало модным и среди представителей других национальностей. Таким образом, ежедневные экономические интеракции монгольских туристов и жителей российских приграничных регионов стали одним из каналов популяризации всего монгольского.

Наряду с экономическими связями можно отметить активизацию сотрудничества в научной сфере. На гранты Российского фонда фундаментальных исследований организуются совместные российско-монгольские конкурсы по техническим, естественнонаучным и гуманитарным направлениям. Российские ученые совместно с монгольскими коллегами составляют программу исследований, календарный план, предполагаемые результаты проекта. Промежуточные итоги апробируются на конференциях различного уровня, а итоговый отчет находит свое отражение в виде коллективных монографий и сборников, которые порой могут представлять интерес не только для научной общественности. Наряду с традиционными центрами отечественного монголоведения (Москва и Санкт-Петербург) активную роль в совместных исследованиях в последние годы играют Улан-Удэ, Кызыл, Иркутск, Элиста.

Особое отношение как руководства Монголии, так и ее рядовых граждан к некоторым приграничным субъектам РФ обусловлено языковой, культурно-исторической и религиозной близостью. Все это в совокупности стало содержанием для идейного концепта «монгольский мир». Суть этого концепта сводится к тому, что, несмотря на государственные границы, между монголами, бурятами, тувинцами и даже проживающими за тысячи километров от Монголии калмыками существуют тесные, хоть и незримые связи⁶.

Примерами международных мероприятий, в основе своей носящих этнокультурный характер и призванных укрепить связи между различными частями «монгольского мира», служат Всебурятский международный фестиваль «Алтаргана» (проводится в порядке очереди в разных регионах России – Бурятии, Иркутской области, Забайкальском крае и в Монголии), Конвент монголов мира, Баргутский фестиваль «Баргажан», международный песенный конкурс «Белый месяц», Международный конкурс этномоды «Торгон зам», Международный

⁶ Чимитдоржиев Ш. Б. Бурятский этнос и монгольский мир. URL: <http://asiarussia.ru/articles/4324/> (дата обращения 01.09.2021).

фестиваль «Хамаг Монгол – Вся Монголия»⁷ и др. В программах этих мероприятий представлены самобытные традиции и современные направления развития обычаев, языка и культуры монголоязычных народов.

В 2015 г. был проведен Фестиваль студенческой молодежи монголоязычных народов Китая, Монголии и России. Основным организатором выступил Педагогический университет автономного района Внутренняя Монголия КНР. Творческие студенческие коллективы Бурятского госуниверситета (Россия), Монгольского государственного университета образования (Монголия), Педагогического университета АРВМ (Китай) выступали с концертными программами в городах Улан-Удэ, Улан-Батор, Эрлянь, Хух-Хото. Основной акцент в содержании художественных номеров был поставлен на демонстрации особенностей традиционной культуры монгольских народов в разных социокультурных условиях развития.

Помимо культурных площадок монгольская общность выступает как объект совместных научных исследований. К примеру, в 2006 г. были начаты научные проекты по исследованию особенностей развития детей монголоязычных народов, проживающих в Китае, России, Монголии. Проект был реализован тремя вузами – Педагогическим университетом Внутренней Монголии (КНР), Монгольским государственным университетом образования (Монголия) и Бурятским государственным университетом (РФ). Результаты исследования были отражены в монографии монгольских и российских ученых.

Отдельным направлением сотрудничества Монголии и российских регионов является возросший интерес к изучению классической монгольской письменности, или, в другом варианте – старомонгольской письменности. Активно организуются мастер-классы по монгольской каллиграфии, проводятся различные выставки и фестивали. Более того, образовательные центры включают в перечень иностранных языков классическую монгольскую письменность. Широкое распространение получило данное направление в информационной среде – создаются онлайн-платформы, в том числе всероссийского уровня⁸. Развитие классической монгольской письменности дало стимул развитию монгольской каллиграфии, причем не только в Бурятии, но и в Забайкальском крае⁹ и Иркутской области. Под эгидой Правительства Монголии ежегодно проводятся летние школы по изучению монгольского языка. Первая часть, как правило, проходит в Улан-Баторе, а вторая проводится в традиционных условиях монгольской степи, в течение нескольких дней молодежь из разных стран живет в юртах, знакомится с бытом, культурой, традициями монгольского народа. Специфика данных школ заключается в том, что организаторы показывают разную Монголию – динамично развивающуюся столицу с шумом мегаполиса и атрибутами последних достижений цивилизации и консервативную, размеренную степную жизнь простых кочевников, уклад которых принципиально не изменился со времен средневековья. Молодежь после таких школ обретает новый научный опыт, повышает языковую компетентность, обретает коллег-единомышленников среди представителей как самой Монголии, так и других стран мира, создается круг друзей, увлеченных всем монгольским. Но самый главный результат этих школ – это формирование устойчивого позитивного отношения у участников к монгольской культуре, людям, стране и последующая трансляция такого отношения в обществе.

В то же время внутри «монгольского мира» можно увидеть некоторую иерархию его составных частей. Так, Монголия активно позиционируется в качестве центра притяжения для всех остальных народов «монгольского мира», оказавшихся на его «периферии», т. е. живущих вне монгольского государства. Аргументами в пользу данного положения вещей, как

⁷ Сайдаш Монгуш представит Туву на международном фестивале в Калмыкии. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2013/05/02/saydash-mongush-predstavit-tuvu-na-mezhdunarodnom-festivale-v-kalmykii.html> (дата обращения 01.09.2021).

⁸ Подробнее см.: URL: <https://www.facebook.com/uutypomania/> (дата обращения 01.09.2021).

⁹ Жители более шести регионов страны изучают старомонгольскую письменность онлайн в Забайкалье. URL: https://75.ru/news/154759?fbclid=IwAR0vXIB7QSWAtYksYjYIhKtti8Sg70SZRtAUNTaj_jrH8fRqYsX_S1L6-Vo (дата обращения 01.09.2021).

правило, являются сохранение в Монголии частью ее населения кочевого уклада, приверженность культурно-бытовым традициям (в одежде, пище, правилах поведения), доминирование монгольского языка. Подобный подход имеет заметный отклик в среде монголызычных народов России и Китая, перед которыми стоят актуальные задачи сохранения своей языковой и, шире, этнокультурной самобытности.

Пожалуй, самым главным маркером, подчеркивающим центральное положение Монголии в рамках «монгольского мира», является фигура Чингисхана. В современной Монголии сложился нарратив, призванный провести прямую связь между великим ханом-основателем империи и современной монгольской государственностью. Изображения или имя Чингисхана можно увидеть на государственных символах, национальной валюте, названиях центральных улиц и площадей, популярных товарах и местах массового отдыха. Попытки даже частичной «приватизации» Чингисхана другими этносами или государствами встречают яростное сопротивление и критику со стороны общественности Монголии.

В 2011 г. президент Монголии Ц. Элбэгдорж в своем выступлении на торжественной сессии Парламента по случаю 100-летия со дня провозглашения независимости страны вывел концепт «монгольский мир» на уровень большой международной политики. Глава государства обратился к монголам всего мира (в том числе имелись в виду российские буряты и калмыки) приезжать в Монголию на постоянное место жительства с целью участия в созидательной деятельности¹⁰. Эта попытка реализации репатриационной политики была призвана в очередной раз продемонстрировать, что Монголия является центром, ядром «монгольского мира», на который должны ориентироваться остальные сообщества. В целом такая символическая конфигурация автоматически делает Монголию субъектом, активным игроком в поле «мягкой силы» по отношению к приграничным регионам РФ.

Одним из показателей эффективности «мягкой силы» Монголии в российских приграничных регионах является преобладающий положительный образ страны, транслируемый через местные масс-медиа. Проведенное в 2019 г. исследование образа Монголии в региональных СМИ (Бурятии и Иркутской области) показало, что большинство материалов о ней носят позитивный характер. Львиная доля информации посвящена самобытной монгольской культуре, спортивным достижениям монголов и привлекательности туристических поездок в эту страну [Комбаев, Доржиева, Цыремпилова, 2020, с. 142–147].

Ситуация, связанная с пандемией коронавируса в 2020 г., внесла серьезные коррективы в повседневную жизнь граждан обеих стран, обернувшись значительным ущербом для экономики и социального сектора. Начиная с весны 2020 г. были сведены к минимуму взаимные поездки российских и монгольских граждан, резко сократились деловая активность и научно-образовательные контакты. Между тем даже в такой непростой обстановке Монголия сумела весьма эффективно укрепить позитивный образ в глазах ближайших соседей. Речь идет о действиях монгольских властей по борьбе с распространением вируса и полученных результатах. Еще в январе 2020 г., когда проблема не приобрела характер пандемии, монгольское руководство приняло решение закрыть границу с Китаем, перевело образовательные учреждения страны на дистанционный формат работы, отменило все массовые мероприятия, включая празднование Цагаан сар (Новый год по лунному календарю). Как результат, по количеству заболевших коронавирусом в 2020 г. Монголия занимала одно из последних мест в мире. Так, по состоянию на 14 ноября 2020 г. ситуация выглядела следующим образом: заболевших – 416 человек, вылечившихся – 328, находящихся на лечении – 88¹¹. До середины ноября 2020 г. в стране не было зафиксировано ни одной смерти от коронавируса и ни одного случая внутреннего заражения, все заболевшие были приехавшими из-за рубежа монгольскими гражданами или иностранцами. Успех Монголии был отмечен главой Всемирной организации здравоохранения, который похвалил монголов за высокий уровень организации

¹⁰ Президент Монголии пригласил монголов. URL: <https://newbur.ru/n/38383/> (дата обращения 01.09.2021).

¹¹ Данные министерства здравоохранения Монголии. 14.11.2020. URL: <https://covid19.mohs.mn/p/cat/post/57/> (дата обращения 01.09.2021).

в борьбе с вирусом¹². Подобные цифры на тот момент времени выглядели особенно впечатляюще на фоне сложной ситуации с количеством заболевших коронавирусом в соседних с Монголией российских регионах. Четырнадцатого ноября 2020 г. количество заболевших в Бурятии составляло 14603 чел., в Тыве – 10789, в Забайкальском крае – 14961, в Иркутской области – 27814¹³. Необходимо отметить, что в течение 2021 г. ситуация с заболеванием в Монголии значительно ухудшилась, выразившись в росте числа заболевших и появлении летальных исходов¹⁴.

Помимо эффективной борьбы с пандемией Монголия проявила активность, помогая ближайшим соседям. Президент Монголии Х. Баттулга во время своего официального визита в Китай в самом начале пандемии передал Председателю КНР Си Цзиньпину сертификат на 30 тысяч баранов. Эта акция получила положительный отклик в том числе в публикациях российских СМИ¹⁵. Кроме того, была организована акция по сбору средств для помощи Китаю в борьбе с COVID-19. Монгольские выпускники китайских вузов, ассоциации выпускников занялись сбором средств и организовали флешмоб в социальной сети «Фэйсбук» под лозунгом «Ухань, держись!» (武汉加油!)¹⁶.

Активную помощь в борьбе с коронавирусом Монголия оказала и российским регионам. Например, в июне 2020 г. Генеральный консул Монголии в Кызыле передал тувинским медикам гуманитарную помощь в рамках поддержки в борьбе с коронавирусом. Акция получила название «Помощь вечному соседу». В ней приняли участие 275 монгольских предпринимателей, 60 коллективов госучреждений и компаний, которые в сумме собрали 35,8 млн тугриков (примерно 970 тысяч рублей). На часть средств были закуплены средства индивидуальной защиты, в том числе монгольского производства¹⁷. Аналогичную гуманитарную помощь получили и другие российские регионы. Селенгинский аймак Монголии передал Бурятии 5 тыс. медицинских масок в качестве гуманитарной помощи. Маски, а также пожелания здоровья и победы над коронавирусом передал генконсул Монголии в Улан-Удэ Дамдин Чадраабал от имени губернатора Шархуугийна Оргила. Господин Оргил в письме отметил, что Селенгинский аймак уже много лет сотрудничает с Бурятией¹⁸. Свою лепту внесли монгольские выпускники советских и российских вузов. Инициаторами благотворительной акции стали Союз монгольских обществ дружбы и Монгольская ассоциация выпускников советских и российских учебных заведений (МАВСУЗ). Аксию поддержали и Монгольская ассоциация преподавателей русского языка и литературы. В ходе акции выпускники и преподаватели русского языка пожертвовали 5,37 млн тугриков (примерно 155 тысяч рублей) в знак благодарности Бурятии за помощь, оказанную в ходе прибытия на родину монгольских студентов из России¹⁹.

¹² Глава ВОЗ поздравил Монголию с успешной борьбой с COVID-19. URL: <http://www.mongolnow.com/glava-voz-pozdravil-mongoliyu-s-uspeshnoj-borboj-s-covid-19/> (дата обращения 01.09.2021).

¹³ Статистика случаев заражения коронавирусом в России. URL: <https://coronavirus-monitor.ru/> (дата обращения 01.09.2021).

¹⁴ Данные министерства здравоохранения Монголии. 14.09.2021. URL: <https://covid19.mohs.mn/p/cat/post/57/> (дата обращения 14.09.2021).

¹⁵ Монголия оказала Китаю гуманитарную помощь самым ценным, что у нее есть. URL: https://radiokp.ru/obschestvo/mongoliya-okazala-kitayu-gumanitarnuyu-pomosch-samym-cennym-chto-u-nee-est_nid12722_au4311au?page=1 (дата обращения 01.09.2021).

¹⁶ В Монголии официально запущена акция по сбору пожертвований в помощь Китаю в борьбе с коронавирусом. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0219/c31520-9659275.html> (дата обращения 01.09.2021).

¹⁷ «Помощь вечному соседу»: Монголия передала гуманитарную помощь медикам Тувы. URL: <https://regnum.ru/news/society/2977319.html> (дата обращения 01.09.2021).

¹⁸ Селенгинский аймак Монголии передал Бурятии 5 тысяч масок. URL: <https://regnum.ru/news/society/2943731.html> (дата обращения 01.09.2021).

¹⁹ Монгольские выпускники российских вузов подарили Бурятии 15 тысяч масок. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2935792.html> (дата обращения 01.09.2021).

Заключение

Три постсоциалистических десятилетия российско-монгольских отношений дали весьма богатый материал для того, чтобы увидеть серьезные изменения в характере взаимодействий. Монголия, долгие годы являвшаяся преимущественно объектом политики своего более могущественного северного соседа, постепенно приобрела характеристики субъекта, готового более активно отстаивать свои национальные интересы. Как и большинство стран мира, Монголия применяет «мягкую силу» в своей внешней политике. Но если в масштабе всей России влияние Монголии мало ощутимо в силу объективных обстоятельств, то на уровне отдельных российских регионов оно вполне заметно. Установление и развитие связей с приграничными субъектами РФ предоставляет Улан-Батору возможность для увеличения своей субъектности в отношениях с Москвой.

Намеченная главами России, Монголии и Китая программа по формированию международных экономических коридоров в случае ее успешной реализации значительно усилит экономические связи в регионе. Уже сейчас можно констатировать, что сама идея осуществления подобной программы способствовала увеличению взаимных контактов и расширению гуманитарного сотрудничества между странами. В свою очередь, интенсификация торгово-экономических связей между российскими регионами и Монголией помимо прямых результатов, выраженных в данных официальной статистики, привела к изменениям в представлениях населения приграничных регионов о своем соседе. Это, в свою очередь, стало определенным ресурсом влияния монгольской стороны посредством продвижения «мягкой силы» в российских регионах.

Важнейшим фактором продвижения монгольской «мягкой силы» выступает этнокультурная и религиозная близость народов, населяющих приграничные субъекты РФ и объединяемые концептом «монгольский мир». Опираясь на ресурс национального государства, Улан-Батор активно позиционирует Монголию в качестве места притяжения для всех монголов мира, примера для подражания в политическом, экономическом, культурном плане. Существующий запрос на сохранение и развитие национальных культур и языков народов России создает условия для стимулирования интереса ко всему монгольскому – языку, литературе, одежде, кухне, культурным и спортивным мероприятиям. Тем самым Монголия наращивает свое культурное влияние в ряде субъектов РФ (Бурятия, Тыва, Забайкальский край, Калмыкия), используя его как инструмент «мягкой силы».

Список литературы

- Комбаев А. В., Доржиева И. Ц., Цыремпилова Э. В. Образы Монголии в региональных СМИ приграничных территорий России как отражением «мягкой силы» Монголии (по материалам региональных печатных СМИ Иркутской области и Республики Бурятия) // Власть. 2020. Т. 28. № 3. С. 142–147.
- Крячкина Ю. А. «Мягкая сила» во внешней политике Японии: ключевые особенности // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6 (57). С. 95–107.
- Родионов В. А. «Мягкая сила» в современных российско-монгольских отношениях // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2009. № 8. С. 255–260.
- Суходолов Я. А., Даваасурэн А., Манжигеев А. Ф. Современная специфика и перспективы развития внешнеторгового сотрудничества России с Монголией // Изв. Байкал. гос. ун-та. 2018. Т. 28. № 4. С. 632–639.
- Nye J. S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Basic Books, 1990. 292 p.
- Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs Group, 2004. 192 p.

References

- Kombaev A. V., Dorzhieva I. Ts., Tsyrempilova E. V.** Obrazy Mongolii v regional'nyh SMI prigranichnyh territorij Rossii kak otrazheniem "myagkoj sily" Mongolii (po materialam regional'nyh pechatnyh SMI Irkutskoj oblasti i Respubliki Buryatiya) [Images of Mongolia in the regional media of the border territories of Russia as a reflection of Mongolia's soft power (a case study of the regional printed media of Irkutsk Region and the Republic of Buryatia)]. *Vlast*, 2020, vol. 28, no. 3, pp. 142–147. (in Russ.)
- Kryachkina Yu. A.** "Myagkaya sila" vo vneshnej politike Yaponii: klyuchevye osobennosti ["Soft Power" in Japanese Foreign Policy: Key Features]. *National Strategy Issues*, 2019, vol. 6 (57), pp. 95–107. (in Russ.)
- Rodionov V. A.** "Myagkaya sila" v sovremennyh rossijsko-mongol'skih otnosheniyah ["Soft power" in the modern Russia-Mongolia relations]. *Bulletin of Buryat State University*, 2009, no. 8, pp. 255–260. (in Russ.)
- Sukhodolov Ya. A., Davaasuren A., Manzhigeev A. F.** Sovremennaya specifika i perspektivy razvitiya vneshnetorgovogo sotrudnichestva Rossii s Mongoliej [Contemporary peculiarities and prospects for the development of Russian foreign trade cooperation with Mongolia]. *Bulletin of Baikal State University*, 2018, vol. 28, no. 4, pp. 632–639. (in Russ.)
- Nye J. S.** Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N. Y., Basic Books, 1990, 292 p.
- Nye J. S.** Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y., Public Affairs Group, 2004, 192 p.

Информация об авторах

Иннокентий Галималаевич Актамов, кандидат педагогических наук
Владимир Александрович Родионов, доктор политических наук, доцент

Information about the Authors

Innokentii G. Aktamov, Candidate of Sciences (Pedagogical Studies)
Vladimir A. Rodionov, Doctor of Sciences (Political Studies), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 12.12.2020;
одобрена после рецензирования 06.07.2021; принята к публикации 14.09.2021
The article was submitted 12.12.2020;
approved after reviewing 06.07.2021; accepted for publication 14.09.2021

Научная статья

УДК 327 + 333.97, 339.9

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-103-116

Приграничная торговля регионов России и провинций Китая

Наталья Сергеевна Епифанова¹

Владимир Николаевич Акулинин²

¹ Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ nucifraga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2014-3258>

² krug22@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6974-9077>

Аннотация

В последние годы наблюдается снижение эффективности и качества взаимодействия между российскими регионами и китайскими провинциями, имеющими общую границу. При этом активная политика китайского правительства в отношении своих приграничных провинций не решает данную проблему. Статья посвящена исследованию особенностей межрегиональной торговли как основной формы межстранового взаимодействия в рамках приграничного сотрудничества России и Китая. Показано, что в последние годы наметились негативные тенденции в приграничной торговле, ведущие к ее сокращению. Для российского правительства главными приоритетами должны стать выделение приграничных регионов в отдельные объекты региональной политики, а также формирование законодательной базы приграничного взаимодействия во всех основных его сферах: торговля, гуманитарное сотрудничество, наука и образование и т.д. Особый акцент в приграничном сотрудничестве с Китаем необходимо сделать на сотрудничестве в инновационной сфере, а также на повышении качества экспортируемых товаров и услуг, содействии инфраструктурным проектам.

Ключевые слова

приграничное сотрудничество, приграничные регионы, Китай, регионы Дальнего Востока

Для цитирования

Епифанова Н. С., Акулинин В. Н. Приграничная торговля регионов России и провинций Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 103–116. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-103-116

Border Trade between Regions of Russia and Provinces of China

Natalya S. Epifanova¹, Vladimir N. Akulinin²

¹ Siberian Institute of Management –
Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ nucifraga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2014-3258>

² krug22@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6974-9077>

Abstract

The purpose of this article is to study border trade in the regions of Russia and the provinces of China. It is shown that in recent years there have been negative trends in border trade, leading to its reduction. Therefore, Russian regions bordering with China should transform into separate objects of regional policy, while also forming a legislative framework for border interaction in all its main spheres: trade, humanitarian cooperation, science and education, and others. In border cooperation with China, special emphasis should be placed on cooperation in the innovation sphere, as well as on improving the quality of exported goods and services and promoting infrastructure projects. Border trade between the regions of Russia and China is built mainly on trade and export of labour resources from China to Russia, as well as China's receipt of additional sales channels for the confidently growing sales markets for consumer goods and sources of raw materials and primary products. The interaction of Russian regions with neighbouring provinces on the border with China not only preserves the raw material orientation of these regions, but also hinders the development and strengthening of the manufacturing industry in the structure of their regional economies, since border interaction for Russian regions immobilizes those stages of value-added production observed in the very first stages. In general, for the Chinese provinces there is a similar problem associated with such exports to border regions that have common borders with Russia, which does not contribute to the diversification and structural development of the regional economies of the Chinese provinces. That is why building an effective mechanism for border interaction between Russia and China is a strategically important issue for both countries.

Keywords

cross-border cooperation, border regions, China, regions of the Far East

For citation

Epifanova N. S., Akulinin V. N. Border Trade between Regions of Russia and Provinces of China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 103–116. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-103-116

Введение

Процессы глобализации и региональной экономической интеграции в последние три десятилетия привели к углублению разнообразных форм взаимодействия между странами и, в частности, к расширению сотрудничества субъектов субнационального уровня власти разных стран. Это привело к изменению содержания и функций государственных границ, так как подобное сотрудничество затрагивает, прежде всего, взаимодействие приграничных субъектов сопредельных стран. В связи с этим приграничное сотрудничество стало крайне актуальной темой [Дубровина, 2020; Fauser, Friedrichs, Harders, 2019]. Кроме того, существенную роль играет современный контекст этого взаимодействия: в марте 2018 года торговая война между США и Китаем достигла своего апогея и для Китая торговые отношения с Россией приобрели особую актуальность. По мнению китайских исследователей, эскалация китайско-американской торговой войны оказала наибольшее влияние на внешнюю среду китайско-российского экономического и торгового сотрудничества [Лю Хуацзинь, Юй Цзяхуй, 2018]. В этих условиях Китай стремится создать систему новых правил торгово-экономического сотрудничества, основывающихся на функционировании зон приграничной тор-

говли и свободных экономических зон, что делает приграничную торговлю одним из самых актуальных направлений российско-китайского взаимодействия, особенно в межрегиональном разрезе [Александрова, 2020].

Влияние границы на межрегиональное сотрудничество двух стран

Традиционные исследования приграничных территорий исходят из того, что определяющим фактором их развития является подверженность влиянию государственной границы, которая разделяет два суверенных государства и выполняет контактную и барьерную функции [Цветкова, 2015]. При этом приграничные территории, исходя из своего положения, по сути, превращаются в периферийные по отношению к экономической территории своей страны, но при этом в центры межстранового сотрудничества двух стран, которые имеют общую границу. В зависимости от того, какая функция государственной границы доминирует – контактная или барьерная, пространственно-временная дистанция между приграничными территориями двух стран может приводить к различным препятствиям и трудностям в культурном, социальном, экономическом и политическом взаимодействии стран [Makkonen, Williams, 2016].

В последние десятилетия на официальном уровне декларировался вектор сближения в межгосударственном взаимодействии между Китайской Народной Республикой (КНР) и Российской Федерацией (РФ) [Ишмуратова, 2019; Ларин, Ларина, 2020; Песцов, 2021]. В этом сближении обозначались два ключевых направления: 1) энергетическое партнерство; 2) межрегиональное приграничное сотрудничество между провинциями КНР и субъектами РФ. Данная статья посвящена второму ключевому направлению, реализация которого на практике столкнулась с рядом сложностей и ограничивающих институциональных факторов. Целью данной статьи является выявление особенностей приграничного сотрудничества между Китаем и Россией, которые необходимо учитывать в корректировке концепции приграничного сотрудничества между странами на перспективу.

Зоны приграничного сотрудничества в Китае

Мировой опыт показывает, что появление так называемых «поясов приграничья» (между США и Канадой, между США и Мексикой, между Европейским Союзом и его соседями) приводит к ослаблению эффекта влияния национальных границ, и границы начинают носить в большей степени опосредованный характер, приводя к трансформации приграничных территорий в приграничные зоны развития [Brunet-Jailly, 2005]. Но при этом данный процесс сопровождается рядом негативных тенденций, таких как нелегальная миграция, социокультурные конфликты, транснациональная преступность и т.п., что делает приграничные территории политически и экономически уязвимыми [Song Tao et al., 2017]. Правительство Китая, осознавая весь спектр этих тенденций, за период с 1992 года по настоящее время сформировало 14 зон экономической приграничной кооперации в северной, северо-западной и юго-восточной частях страны; четыре из этих 14 зон сформированы для приграничного сотрудничества с Россией (табл. 1).

Наиболее интенсивное и взаимовыгодное приграничное сотрудничество выстраивается у Китая с Казахстаном. С Мьянмой, Вьетнамом, Монголией и Северной Кореей приграничное сотрудничество Китая основывается преимущественно на поставках сырья и первичной продукции в Китай из этих стран, а также на общих декларативных утверждениях о необходимости развивать приграничное сотрудничество в связи с наличием его высокого потенциала (табл. 2).

Таблица 1

Зоны приграничного сотрудничества Китая с Россией

Table 1

Zones of border cooperation between China and Russia

Зона приграничной кооперации	Провинция Китая	Сопредельное государство	Приоритеты приграничного сотрудничества
Маньчжурия (满洲里)	Автономный район Внутренняя Монголия (内蒙古自治区)	Забайкальский край, Россия	Логистический центр, ключевой пункт для развития приграничного сотрудничества с Россией
Суйфэньхэ (绥芬河)	Хэйлунцзян (黑龙江)	Приморский край, Россия	Международная торговля с акцентом на морские грузоперевозки
Хэйхе (黑河)		Амурская область, Россия	Развитие приграничной торговли с акцентом на торговлю природными ресурсами
Хуньчунь (珲春)	Цзилинь (吉林)	Приморский край, Россия	Высокотехнологичный экспорт, туризм, приграничная торговля как товарами, так и услугами (в т. ч. финансовыми)

Во всех 14 случаях развития приграничного сотрудничества инициатива исходила от Китая. Связано это с тем, что Китай – одна из первых стран на евразийском континенте, которая стала интенсивно развивать свои приграничные регионы, осознавая значимость такого сотрудничества не только для развития отдельных территорий, но и для национальной экономики в целом. Так, пакет нормативных документов, регулирующих приграничную торговлю в Китае и принятых Госсоветом Республики, появился еще в середине 90-х годов, часть из которых действует и по настоящее время:

- «Уведомление Государственного совета по вопросам, связанным с приграничной торговлей» (国务院关于边境贸易有关问题的通知) № 2 от 3 января 1996 г.¹, действующий документ;
- «Уведомление Главного таможенного управления Министерства внешней торговли и экономического сотрудничества о принятии мер по регулированию бартерной торговли между жителями приграничных территорий» (海关总署、对外贸易经济合作部关于下发《边民互市贸易管理办法》的通知) № 242 от 29 марта 1996 г.², действующий документ;
- «Уведомление Министерства внешней торговли и экономического сотрудничества и Главного таможенного управления о дополнительных положениях о дальнейшем развитии

¹ 国务院关于边境贸易有关问题的通知 [Уведомление Государственного совета по вопросам, связанным с приграничной торговлей], 【发布日期】1996.01.03 // 北大法宝 – 《法律法规检索系统》[База нормативно-правовых актов Пекинского университета]. URL: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=chl&Gid=14375 (дата обращения 19.05.2021).

² 海关总署、对外贸易经济合作部关于下发《边民互市贸易管理办法》的通知 [Уведомление Главного таможенного управления Министерства внешней торговли и экономического сотрудничества о принятии мер по регулированию бартерной торговли между жителями приграничных территорий], 【实施日期】1996.03.29 // 北大法宝 – 《法律法规检索系统》[База нормативно-правовых актов Пекинского университета]. URL: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=chl&Gid=80972 (дата обращения 19.05.2021).

приграничной торговли» (对外贸易经济合作部、海关总署关于进一步发展边境贸易的补充规定的通知) № 844 от 19 ноября 1998 г.³, утратило силу.

Таблица 2

Зоны приграничного сотрудничества Китая с сопредельными государствами
за исключением России

Table 2

Zones of border cooperation between China and neighbouring states
except for Russia

Зона приграничной кооперации	Провинция Китая	Сопредельное государство	Приоритеты приграничного сотрудничества
Тачен (塔城)	Синьцзян-Уйгурский автономный район (新疆维吾尔自治区)	Казахстан	С 2018 года запущены пилотные проекты по трансформации и развитию приграничной торговли («Городок товаров культуры Шелкового пути»). Преобразование из транзитной зоны в промышленную.
Хоргос		Казахстан	Международный центр приграничного сотрудничества, с 2020 года по инициативе Китая ведется преобразование комплексную бондовую зону, ключевой элемент проекта «Экономический пояс Шелкового пути»
Инин (伊宁)		Восточно-казахстанская область, Казахстан	Развитие высокотехнологичного экспорта, промышленности и торговли
Болэ (博乐)		Алма-Атинская область, Казахстан	Развитие приграничной торговли, трансформация в промышленный центр
Жюйли (瑞丽)	Юньнань (云南省)	Мусхе (Мьянма/Бирма)	Приграничная торговля, туризм, переработка продукции сельского хозяйства
Ваньдин (畹町市)			
Пинсян (凭祥)	Гуанси-Чжуанский Автономный Район (广西壮族自治区)	Дундан, Вьетнам	Приграничная торговля, туризм, переработка продукции сельского хозяйства
Дунсин (东兴)		Мунь Цхай, Вьетнам	Приграничная торговля, туризм
Хэкоу (河口)	Юньнань (云南省)	Лао Цхай, Вьетнам	Приоритеты преимущественно потенциальные (удобное ЭГП)
Даньдун (丹东)	Ляонин (辽宁省)	Синъюицзи (КНДР)	Логистический центр, развитие приграничной торговли
Эрлянь-Хотэ (二连浩特)	АР Внутренняя Монголия (内蒙古自治区)	Замын-Ууд, Монголия	Приоритеты только потенциальные (удобное ЭГП), двустороннее соглашение подписано в 2019 г.

³ 对外贸易经济合作部、海关总署关于进一步发展边境贸易的补充规定的通知 [Уведомление Министерства внешней торговли и экономического сотрудничества и Главного таможенного управления о дополнительных положениях о дальнейшем развитии приграничной торговли], 【实施日期】 1999.01.01 // 北大法宝 – 《法律法规检索系统》[База нормативно-правовых актов Пекинского университета]. URL: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=chl&Gid=21470 (дата обращения 19.05.2021).

Китайская трактовка понятия «приграничная торговля» (边境贸易) является более широкой, чем это принято в подходах ВТО или Всемирного банка. Если ВТО определяет приграничную торговлю как торговую деятельность, проводимую резидентами и предприятиями в приграничных районах соседних стран в пределах 15 километров друг от друга⁴, чтобы облегчить обмен необходимыми товарами между жителями по обе стороны границы, то в Китае под приграничной торговлей понимают торговлю между жителями приграничных территорий, мелкую приграничную торговлю и приграничное технологическое сотрудничество⁵. Первый тип – торговля между резидентами, осуществляемая на приграничной территории, расположенной в обозначенной зоне (не превышающей 20 километров от границы), утвержденной правительством. Этот вид приграничной торговли имеет долгую историю в Китае. Если взять, к примеру, китайско-вьетнамскую приграничную торговлю, то со времени обретения Вьетнамом независимости в 968 году нашей эры жители, живущие в китайско-вьетнамской приграничной зоне, долгое время торговали на приграничном рынке. Даже до восстановления дипломатических отношений между КНР и Вьетнамом в 1992 г. торговля между жителями приграничья продолжалась. В ранний период, когда система управления границами не была жесткой, эту форму торговли часто путали с контрабандой⁶. Таким образом, этот вид приграничной торговли создает множество препятствий для расчета фактического объема торговли между территориями сопредельных стран.

Второй тип – «малая» приграничная торговля, которая относится к торговой деятельности между предприятиями, имеющими право вести торговлю в приграничных городах Китая, и предприятиями в районах соседних стран или другими видами торговых учреждений через специально отведенные наземные пограничные пункты. Этот вид торговли – самая ранняя законодательно утвержденная форма приграничной торговли в Китае (1984 г.), представляющая собой наиболее значимый фактор регионального развития. Третий тип – внешнее экономическое и технологическое сотрудничество в приграничных провинциях, которое относится к проектам сотрудничества в сфере трудовых услуг, осуществляемым предприятиями в приграничных районах Китая с операциями по внешнеэкономическому и технологическому сотрудничеству, одобренными Министерством коммерции Китая.

В мае 2021 г. база нормативно-правовых документов Пекинского университета выдает 52 результата поиска, которые содержат ключевые слова «приграничная торговля», и несколько сотен различных нормативно-правовых актов, регулирующих более узкие вопросы приграничного сотрудничества и содержащих договоры с властями территорий сопредельных стран. Содержание этих документов указывает на то, что правительство КНР уделяет значительное внимание вопросам сотрудничества и торговли, рассматривая приграничные территории как важнейший объект региональной политики.

Приграничное сотрудничество России и Китая

Для сравнения, в России первые единичные попытки нормативно-правового регулирования приграничного сотрудничества приходятся на 2003 год, когда был принят Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеэкономической торговой дея-

⁴ Подход Всемирного банка аналогичен подходу ВТО, только расстояние определяется в 30 км.

⁵ См. подробнее: 国务院关于边境贸易有关问题的通知 [Уведомление Государственного совета по вопросам, связанным с приграничной торговлей], 【发布日期】 1996.01.03 // 北大法宝 – 《法律法规检索系统》 [База нормативно-правовых актов Пекинского университета]. URL: http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=chl&Gid=14375 (дата обращения 19.05.2021).

⁶ Liu Tingting. 广西与越南边境贸易历史、现状与展望. [История, текущее состояние и перспективы приграничной торговли между Гуанси и Вьетнамом]. Guangxi Economic Management Cadre College [广西经济管理干部学院], 2013. (на кит. яз.) URL: <http://gb.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?filename=YQKJ201305002&dbcode=CJFD&dbname= CJFD2013> (дата обращения 19.05.2021).

тельности»⁷, в котором было дано лишь определение приграничной торговли, а также утверждалось, что в территориальных образованиях, расположенных в непосредственной близости к государственной границе России, должны быть сформированы специальные механизмы экономического сотрудничества. Другими словами, никаких серьезных попыток сформировать законодательную базу относительно приграничного сотрудничества российских регионов федеральное правительство России не предпринимало почти 30 лет, а непосредственно «Закон об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» появился лишь только в 2017 году⁸.

Если провести сравнение приоритетов приграничного сотрудничества, то очевидно, что большая часть китайских зон приграничного сотрудничества с сопредельными российскими регионами ориентирована на природные ресурсы Дальнего Востока и на улучшение доступа на российские рынки китайских товаров. Только приграничная зона Хуньчунь (珲春) нацелена на более глубокий уровень интеграции с Россией, основанный на развитии обрабатывающей промышленности, инвестиционного сотрудничества, международном движении высоких технологий (см. табл. 1).

Развитие сотрудничества между российскими регионами Дальнего Востока и граничащими с ними провинциями Китая началось еще в советское время, в конце 40-х гг. XX в. [Даниловских и др., 2016]. Советское правительство активно содействовало развитию приграничной торговли в 80-е годы, применяя к ней так называемый режим «нуллификации», то есть снимая защитные внешнеторговые меры с ряда товаров в рамках приграничной торговли на основе двусторонних договоренностей между дальневосточными регионами РСФСР и китайскими провинциями. Примечательно, что основу приграничных поставок составляла продукция местного производства, а выручку от реализации этой продукции местные органы власти могли оставлять у себя, что стимулировало территориальное развитие.

После распада СССР и открытия границ приграничная торговля стала еще более интенсивной, но приобрела слабо организованный и хаотичный характер. Именно в этот период начинается важный этап совместного российско-китайского поиска наиболее приемлемого формата взаимодействия в рамках приграничного сотрудничества [Инь Цзяньпин, 2007]. Так, например, одним из результатов этого поиска стала «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока, Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востоком Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)», которая содержала целый ряд различных координационных предложений приграничного сотрудничества экономического и гуманитарного характера. Однако большинством экспертов результаты реализации этой программы оцениваются как крайне низкие, с акцентом на тот факт, что большая часть инициатив с китайской стороны была реализована, а с российской – осталась на бумаге⁹. Впоследствии, в 2018 г., была подписана «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке России на 2018–2024 годы», которая, по мнению ряда экспертов «пока... носит скорее концептуальный характер», но в целом очень перспективная [Рензин, 2019].

Приграничное сотрудничество России и Китая охватывает прежде всего сотрудничество северокайских провинций и российских регионов Дальнего Востока, а также два сибирских региона – Забайкальский край и Республику Горный Алтай. Перечень приграничных провинций КНР и соответствующие им сопредельные российские регионы представлен ниже (табл. 3).

⁷ Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Рос. газета. Федер. вып. № 253 (5077). 30.09.2009.

⁸ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» // Рос. газета. Федер. вып. № 167 (7333). 31.07.2017.

⁹ Зуенко И. Почему мы провалили программу приграничного сотрудничества // Фонд Карнеги. 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77081> (дата обращения 19.05.2021).

Таблица 3

Приграничные провинции Китая
и соответствующие им сопредельные российские приграничные регионы

Table 3

Border provinces of China and the corresponding Russian border regions

Провинции Китая, граничащие с регионами РФ	Регионы РФ, имеющие общие границы с данной провинцией
Синьцзян-Уйгурский автономный район (新疆维吾尔自治区)	Республика Алтай
Автономный район Внутренняя Монголия (内蒙古自治区)	Забайкальский край
Хэйлунцзян (黑龙江)	Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край, Приморский край
Цзилинь (吉林)	Приморский край

Северо-Восток Китая представляет собой один из ключевых индустриальных центров страны, с высоким уровнем развития науки, техники и машиностроения, с развитым сельским хозяйством, и хорошо обеспеченный высококвалифицированной рабочей силой. В свою очередь такие дальневосточные регионы РФ как Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край, Приморский край – это регионы с огромным природно-ресурсным потенциалом, для которых характерны негативные демографические тенденции, преимущественно сырьевая ориентация региональных экономик с низким уровнем развития обрабатывающей промышленности.

Приграничная торговля России и Китая

Одной из основных форм приграничного сотрудничества, которая дает возможность количественного измерения и оценки, является приграничная торговля. Большинство источников в русскоязычной литературе, посвященной взаимодействию приграничных регионов РФ и китайских провинций, основывается на данных Федеральной таможенной службы РФ или на общих статистических данных обеих стран макроэкономического уровня. В данной статье мы обратимся к таможенной статистике, содержащейся в базе Главного таможенного управления КНР (中华人民共和国海关总署 主办单位). Ниже представлены данные по внешнеторговому обороту, рассчитанные авторами на основе данных экспорта и импорта приграничных китайских провинций во внешней торговле с Россией. Примечательно, что в таможенной статистике КНР также уделяется большое внимание приграничному сотрудничеству, поэтому база статистических индикаторов внешней торговли содержит как общие данные по экспорту и импорту китайских провинций со всеми торговыми партнерами КНР, так и те потоки экспорта и импорта, которые осуществлялись в рамках только приграничной торговли. В течение 2017–2020 гг. для всех приграничных провинций КНР наблюдается как скачкообразное снижение общих объемов внешнеторгового оборота с Россией, так и устой-

чивое снижение внешнеторгового оборота с Россией в рамках режима приграничной торговли (рис. 1).

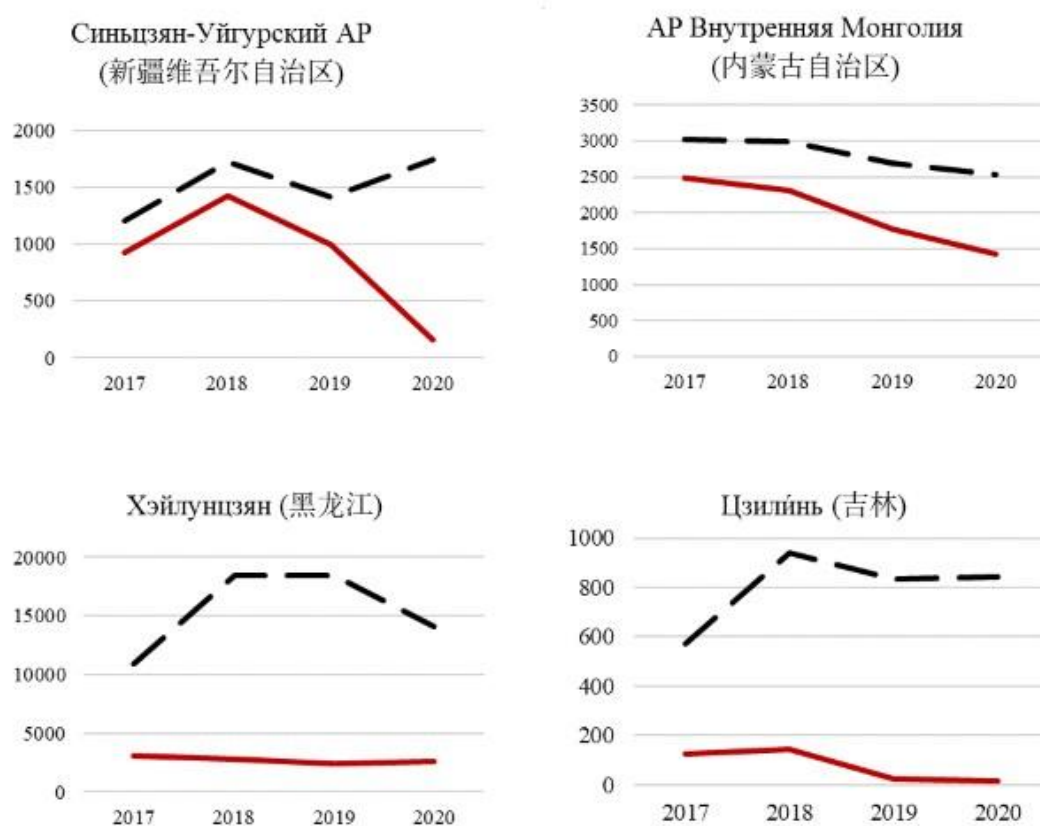

Рис. 1. Динамика товарооборота приграничных провинций Китая в терминах общей торговли с Российской Федерацией и в рамках режима приграничной торговли (млн долл. США): — — общая торговля с Россией; — торговля с Россией в рамках режима приграничной торговли (подготовлено на основе данных о внешней торговле китайских провинций, представленных Главным таможенным управлением КНР (中华人民共和国海关总署 主办单位): customs.gov.cn; использованная база таможенной статистики — URL: <http://43.248.49.97/>)

Fig. 1. Dynamics of trade in China's border provinces in terms of common trade with the Russian Federation and within the border trade regime (USD million): — — total volume of trade with Russia; — trade with Russia within the framework of the border trade regime (produced using the database of Chinese provinces' international trade as presented by the General Administration of Customs of the PRC (中华人民共和国海关总署 主办单位): customs.gov.cn; the database of customs statistics — URL: <http://43.248.49.97/>)

Приморский край является одним из наиболее развитых и имеющих диверсифицированные экономику и внешнеторговые связи с более развитой китайской провинцией Хэйлунцзян¹⁰. Примечательно, что провинция Хэйлунцзян традиционно считается наиболее важным субъектом приграничного взаимодействия с Россией в сравнении с остальными провинциями (см., например, [Цзоу, 2011]), но даже для нее, имеющей самые большие объемы внешнеторгового оборота с Россией в целом, на порядок превышающие аналогичные величины других приграничных провинций, мы видим снижение.

¹⁰ Данный факт также косвенно подтверждает важное следствие из теории развития приграничных регионов, в соответствии с которой наиболее тесные связи возникают между приграничными регионами близкими по уровню социально-экономического развития и структурам региональных экономик.

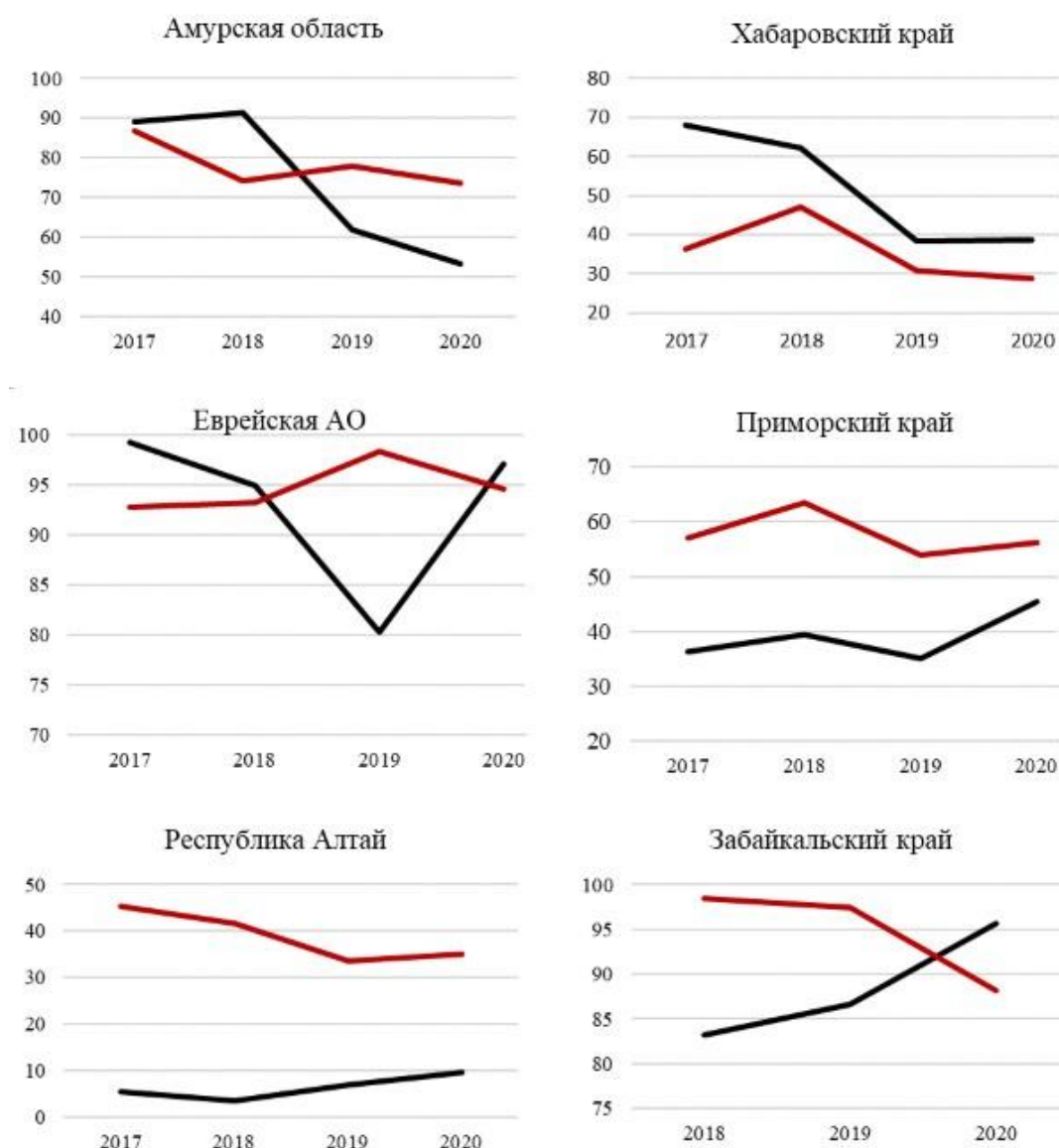

Рис. 2. Динамика региональных значений доли экспорта и импорта в торговле с КНР в общем объеме региональной внешней торговли за период с 2017 по 2020 г.: — доля регионального экспорта в Китай в общей величина экспорта; — доля регионального импорта из Китая в общей величина импорта (подготовлено на основе данных таможенной статистики Сибирского Федерального округа (URL: <https://stu.customs.gov.ru/folder/143386>) и Дальневосточного Федерального округа (URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/143395>))

Fig. 2. Dynamics of regional values of the share of exports and imports in trade with the PRC in the total volume of regional foreign trade for the period from 2017 to 2020: — the share of regional exports to China in the total value of exports; — the share of regional imports from China in the total value of imports (prepared based on data from customs statistics of the Siberian Federal District (URL: <https://stu.customs.gov.ru/folder/143386>) and Far Eastern Federal District (URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/143395>))

Снижение объемов внешней торговли в 2020 году характерно практически для всех стран и регионов мира в связи с кризисом в результате пандемии COVID-19. Однако в рассматриваемой ситуации мы видим, что большинство трендов на снижение берет свое начало еще в 2018–2019 гг. При этом даже для тех провинций, для которых торговля с Россией является стратегически значимой, доля приграничной торговли становится к 2020 году крайне низкой.

Так, для провинции Хэйлунцзян доля импорта в рамках приграничной торговли с российскими приграничными регионами снижается с и без того низкого значения 20,8 % в 2017 году до 9,8 % в 2019 г. и 13,7 % в 2020 году.

Аналогичные тенденции снижения значимости Китая как основного партнера в приграничном взаимодействии с российскими регионами можно наблюдать и на основе данных российской статистики. Практически для всех регионов наблюдается снижение доли экспортных и импортных потоков в торговых отношениях с КНР (рис. 2).

Единственным исключением является Приморский край, для которого, однако, наблюдается отрицательное внешнеторговое сальдо. При этом, по данным таможенной статистики, доминирующих в структуре экспорта Приморского края в Китай товарных позиций значительно меньше, чем в структуре импорта, и в то время как в экспорте Приморского края в Китай значительную долю занимает продукция рыбной отрасли, топливо-энергетическое сырье и древесина, в импорте доминируют такие товары, как фрукты, овощи, орехи, различные пластмассы и изделия из них, и в еще большей степени продукция машиностроительной отрасли КНР сразу по нескольким товарным группам (оборудование и механизмы, электрические машины, аппаратура для записи и воспроизведения звука, изображения, ее части и принадлежности, средства наземного транспорта). Значительную долю импорта в Приморский край из Китая также занимает продукция потребительского назначения (игрушки, спортивный инвентарь, мебель, одежда, обувь, разнообразный текстиль).

В экспорте всех шести приграничных регионов РФ, имеющих общую границу с КНР, преобладает первичная продукция: топливно-энергетические ресурсы, древесина, масличные культуры и плоды. В структуре импорта для всех регионов большую часть составляет первичная продукция и продукция с короткими производственными цепочками и низкой добавленной стоимостью (текстильные изделия, запчасти для машиностроения, пластмассы и изделия из них и т. п.).

Таким образом, опыт слабо регулируемого приграничного сотрудничества в России показывает, что неактивная позиция государства в этом вопросе и либеральный подход к реализации стратегий приграничного сотрудничества не приносит результатов и снижает эффективность приграничного взаимодействия для обеих стран. И это несмотря на то, что правительство Китая проводит весьма активную политику приграничного взаимодействия, в основе которой лежит предоставление приграничным провинциям налоговых и таможенных льгот, а также дополнительных правовых возможностей местному уровню власти в вопросах приграничного сотрудничества, чего нельзя сказать о региональной политике российского правительства. В результате приграничная торговля между регионами России и Китая выстраивается преимущественно на торговле и экспорте трудовых ресурсов из Китая в Россию, а также на получении Китаем дополнительных каналов реализации уверенно растущих рынков сбыта товаров потребительского назначения и источников сырья, и первичной продукции. Поскольку для российских регионов на границе с Китаем сотрудничество с территориями сопредельного государства важно именно с точки зрения их экономико-географического положения в территориальной структуре РФ, а именно как компенсационный механизм минимизации транспортных расходов в условиях непрерывного роста транспортных тарифов внутри России и, вследствие этого, ослабления экономических связей с внутренними российскими регионами, то отсутствие адекватной региональной политики российского федерального центра при активной поддерживающей свои приграничные регионы региональной политике Китая приводит к сохранению сырьевой ориентации приграничных регионов РФ.

Перспективы межрегионального взаимодействия Китая и России

Взаимодействие российских регионов с сопредельными провинциями Китая не просто консервирует сырьевую ориентацию этих регионов, но также препятствует развитию и усилению обрабатывающей промышленности в структуре их региональных экономик, так как

приграничное взаимодействие для российских регионов «фиксирует» те этапы создания добавленной стоимости, которые наблюдаются на самых первых стадиях. В общем-то, и для китайских провинций существует похожая проблема, связанная с таким экспортом в приграничные регионы, который не способствует диверсификации и структурному развитию региональных экономик китайских провинций. Именно поэтому построение эффективного механизма приграничного взаимодействия между Россией и Китаем – это стратегически значимый вопрос для обеих стран.

Заключение

Российско-китайская граница – это не только административный рубеж между двумя странами, но цивилизационный, культурный, политический. Из всех стран, с которыми граничит Российская Федерация, именно с Китаем она имеет одну из самых протяженных границ. Приграничное сотрудничество России и Китая в условиях современных тенденций глобализации и регионализации должно стать приоритетом для обеих стран [Чжан Лэлэ, Цай Сяоцзюань, 2017]. Необходим пересмотр приграничного сотрудничества в направлении повышения его качества и эффективности. Правительство КНР уделяет огромное внимание развитию своих приграничных регионов и созданию институциональной среды приграничного сотрудничества со всеми странами-соседями, ориентируясь на принципы инновационного развития. Россия в этом вопросе значительно отстает, что препятствует росту эффективности взаимодействия российских приграничных регионов и приграничных китайских провинций. Поэтому для российского правительства главными приоритетами должны стать выделение приграничных регионов в отдельные объекты региональной политики, а также формирование законодательной базы приграничного взаимодействия во всех основных его сферах: торговля, гуманитарное сотрудничество, наука и образование и т. д. Особый акцент в приграничном взаимодействии с Китаем необходимо сделать на сотрудничестве в инновационной сфере, а также на повышении качества экспортируемых товаров и услуг, содействии инфраструктурным проектам.

Отставание России от Китая в проработке механизмов приграничного сотрудничества, скорее всего, будет иметь и долгосрочные геополитические последствия. В то время как в России больше 10 лет обсуждался и отклонялся закон о приграничном сотрудничестве, Китай сформировал обширную законодательную базу и через приграничное сотрудничество увеличил свою геополитическую значимость в Центральной Азии, доказательством чего являются успешные проекты приграничного сотрудничества Китая и Казахстана.

Список литературы

- Александрова М. В.** Российско-китайское межрегиональное сотрудничество // Россия – Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи». М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2020. С. 200–233.
- Даниловских Т. Е., Кузьмичева И. А., Флик Е. Г., Кузьмичев Д. И.** Этапы развития и формы приграничной торговли между Китаем и Россией // Территория новых возможностей. Вестник Владивосток. гос. ун-та экономики и сервиса. 2016. Т. 8. № 3 (34). С. 16–22.
- Дубровина О. Ю.** Приграничное сотрудничество: особенности, процессы и факторы, влияющие на его развитие // Вопр. политологии. 2020. Т. 10. № 8 (60). С. 2564–2574.
- Инь Цзяньпин.** Базисные условия экономического сотрудничества и совместного развития Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая // Пространственная экономика. 2007. № 4. С. 68–78.
- Ишмуратова А. Э.** Трансграничная торговля в Китае: возможности для российских экспортеров // Азия и Африка сегодня. 2019. № 6. С. 32–37.
- Ларин В. Л., Ларина Л. Л.** Экономические отношения Тихоокеанской России с Китаем: между установками, желаниями и действительностью // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 1 (90). С. 5–23.

- Песцов С. К.** Трансграничное сотрудничество России и Китая: хаотичный расцвет и упорядоченная деградация // Вестник С.-Петерб. ун-та. Междунар. отношения. 2021. Т. 14. № 1. С. 20–40.
- Рензин О. М.** Региональное сотрудничество в контексте нового этапа отношений России и Китая // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 8–13.
- Цветкова О. В.** Политическая лимология: концепт границы // Регионология. 2015. № 3 (92). С. 5–12.
- Цзоу С.** Анализ торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян КНР и Дальнего Востока РФ // Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2011. С. 57–62.
- Brunet-Jailly E.** Theorizing borders: An interdisciplinary perspective. *Geopolitics*, 2005, vol. 10, no. 4, pp. 633–649.
- Fausser M., Friedrichs A., Harders L.** Migrations and border processes: politics and practices of belonging and exclusion from the 19th to the 21st century. *Journal of Borderlands Studies*, 2019, vol. 34, no. 4, pp. 483–488.
- Makkonen T., Williams A. M.** Border region studies: the structure of an ‘offbeat’ field of regional studies. *Regional Studies, Regional Science*, 2016, vol. 3, no. 1, pp. 355–367.
- Song Tao, Yi Cheng Yi, Liu Weidong, Liu Hiu.** Spatial difference and mechanisms of influence of geo-economy in the border areas of China. *Journal of Geographical Sciences*, 2017, vol. 27, pp. 1463–1480.
- Лю Хуацзинь, Юй Цзяхуэй.** Шицзе бяньцзюй чжун дэ чжунъэ цзинмао хэцзо [刘华芹、于佳卉。世界变局中的中俄经贸合作 // 欧亚经济]. Китайско-российское экономическое и торговое сотрудничество в меняющемся мире // Оу я цзинци. 2019. № 1. С. 2–19. (на кит. яз.).
- Чжан Лэлэ, Цай Сяоцзюань.** Чжунъэ шуанбянь маоидэ сяньчжуан вэньти цзи дуйцэ яньцзю [张乐乐、蔡小娟。中俄双边贸易的现状问题及对策研究 // 环渤海经济瞭望]. Исследование текущей ситуации, проблем и ответных мер в китайско-российской двусторонней торговле // Хуань бохай цзинци ляован. 2017. № 12. С. 16. (на кит. яз.).

References

- Aleksandrova M. V.** Rossiysko-kitayskoe mejregionalnoe sotrudnichestvo [Russian-Chinese Inter-regional Cooperation]. *Rossiia-Kitay: shansyi i vyizovy otnosheniy “novoy epohi”* [Russia-China: Opportunities and Challenges of “New Era” Relations]. Moscow, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, 2020, pp. 200–233. (in Russ.)
- Danilovskih T. E., Kuzmicheva I. A., Flik E. G., Kuzmichev D. I.** Etapyi razvitiya i formyi prigranichnoy trgovli mejdu Kitaem i Rossiei [Development stages and forms of border trade between China and Russia]. *Territoriya novyih vozmojnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 2016, vol. 8, no. 3 (34), pp. 16–22. (in Russ.)
- Dubrovina O. Y.** Prigranichnoe sotrudnichestvo: osobennosti, protsessyi i faktoryi, vliyayushchie na ego razvitie [Border cooperation: features, processes and factors influencing its development]. *Voprosyi politologii*, 2020, vol. 10, no. 8 (60), pp. 2564–2574. (in Russ.)
- Yin Jianping.** Bазисnyie usloviya ekonomicheskogo sotrudnichestva i sovmestnogo razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii i Severo-Vostoka Kitaya [Basic conditions for economic cooperation and joint development of the Russian Far East and the Northeast of China]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2007, no. 4, pp. 68–78. (in Russ.)
- Ishmuratova A. E.** Transgranichnaya trgovlya v Kitae: vozmojnosti dlya rossiyskikh eksporterov [Cross-Border Trade in China: Opportunities for Russian Exporters]. *Aziya i Afrika segodnya*, 2019, no. 6, pp. 32–37. (in Russ.)
- Larin V. L., Larina L. L.** Ekonomicheskie otnosheniya Tihookeanskoy Rossii s Kitaem: mejdu ustanovkami, jelaniyami i deystvitelnostyu [Economic Relations of Pacific Russia with China:

- Between Attitudes, Desires, and Reality]. *Tamojennaya politika Rossii na Dalnem Vostoke*, 2020, no. 1 (90), pp. 5–23. (in Russ.)
- Pestov S. K.** Transgranichnoe sotrudnichestvo Rossii i Kitaya: haotichnyiy rastsvet i uporyadochennaya degradatsiya [Cross-border cooperation between Russia and China: chaotic flourishing and orderly degradation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mejdunarodnyie otnosheniya*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 20–40. (in Russ.)
- Renzin O. M.** Regionalnoe sotrudnichestvo v kontekste novogo etapa otnosheniy Rossii i Kitaya [Regional cooperation in the context of a new stage in relations between Russia and China]. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2019, no. 1 (86), pp. 8–13. (in Russ.)
- Tsvetkova O. V.** Politicheskaya limologiya: kontsept granitsyi [Political limology: the concept of boundaries]. *Regionologiya*, 2015, no. 3 (92), pp. 5–12. (in Russ.)
- Tszou S.** Analiz torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva provintsii Heyluntszyan KNR i Dalnego Vostoka RF [Analysis of trade and economic cooperation between the Heilongjiang province of the PRC and the Far East of the Russian Federation]. *Rossiya i Kitay: sotsialno-ekonomicheskoe vzaimodeystvie mejdou stranami i prigranichnyimi regionami* [Russia and China: Socio-Economic Interaction between Countries and Border Regions]. Blagoveschensk, Amurskiy gosudarstvennyy universitet, 2011, pp. 57–62. (in Russ.)
- Brunet-Jailly E.** Theorizing borders: An interdisciplinary perspective. *Geopolitics*, 2005, vol. 10, no. 4, pp. 633–649.
- Fauser M., Friedrichs A., Harders L.** Migrations and border processes: politics and practices of belonging and exclusion from the 19th to the 21st century. *Journal of Borderlands Studies*, 2019, vol. 34, no. 4, pp. 483–488.
- Makkonen T., Williams A. M.** Border region studies: the structure of an ‘offbeat’ field of regional studies. *Regional Studies, Regional Science*, 2016, vol. 3, no. 1, pp. 355–367.
- Song Tao, Yi Cheng Yi, Liu Weidong, Liu Hui.** Spatial difference and mechanisms of influence of geo-economy in the border areas of China. *Journal of Geographical Sciences*, 2017, vol. 27, pp. 1463–1480.
- Liu Huaqin, Yu Jiahui.** Shijie bianju zhong de zhong’e jingmao hezuo [刘华芹、于佳卉。世界变局中的中俄经贸合作//欧亚经济]. Sino-Russian Economic and Trade Cooperation in the Changing World. *Eurasian Economy*, 2019, no. 1, pp. 2–19. (in Chin.)
- Zhang Lele, Cai Xiaojuan.** Zhong’e shuangbian maoyide xianzhuang wenti ji duice yanjiu [张乐乐、蔡小娟。中俄双边贸易的现状问题及对策研究//环渤海经济瞭望]. Research on the current situation, problems, and countermeasures of Sino-Russian bilateral trade. *Economic Outlook of the Bohai Sea*, 2017, no. 12, 16 p. (in Chin.)

Информация об авторах

Наталья Сергеевна Епифанова, кандидат экономических наук, доцент
Владимир Николаевич Акулинин, кандидат философских наук, доцент

Information about the Authors

Natalya S. Epifanova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor
Vladimir N. Akulinin, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 24.05.2021;
 одобрена после рецензирования 27.07.2021; принята к публикации 05.08.2021
 The article was submitted 24.05.2021;
 approved after reviewing 27.07.2021; accepted for publication 05.08.2021

Научная статья

УДК 339.9

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-117-125

Проблемы и перспективы экономической интеграции России и Южной Кореи в ТОР

Анна Сергеевна Шмакова

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

shmakovaa@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4397-410X>

Аннотация

Статья посвящена анализу инициативы территорий опережающего развития (ТОР) в контексте экономической интеграции России и Южной Кореи. Автор предпринимает попытку ответить на вопрос, какие факторы затрудняют успешную реализацию двумя странами проектов в рамках инициативы ТОР. Цель исследования – выявить и охарактеризовать основные проблемы и перспективы сотрудничества РК и РФ в ТОРах. Исследование выполнено в рамках комплексного подхода с применением системы анализа медиасреды «SCAN Interfax». При этом автор привлекает статистические данные, отражающие состояние экспорта-импорта, торгового оборота между двумя странами в течение последних пяти лет. Анализ позволил определить, что, несмотря на огромный интерес южнокорейского бизнеса к развивающимся рынкам РФ, ввиду усложненных административных процедур, принципиальной разницы в порядке инвестирования в высокотехнологичные и торговые производства, отсутствия доверия к российской системе экономического планирования, недостаточной проработке способов ведения бизнеса с южнокорейскими компаниями со стороны российских специалистов-дальневосточников, проект не мог быть реализован, как планировалось.

Ключевые слова

ТОР, РФ, РК, Южная Корея, экономическая интеграция

Благодарности

Статья подготовлена в сотрудничестве с Департаментом зарубежного регионоведения НИУ «Высшая школа экономики»

Для цитирования

Шмакова А. С. Проблемы и перспективы экономической интеграции России и Южной Кореи в ТОР // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 117–125. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-117-125

Problems and Prospects of Economic Integration of Russia and South Korea in the ASEZs

Anna S. Shmakova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
shmakovaa@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4397-410X>

Abstract

This article analyzes the Advanced Special Economic Zones (ASEZ) initiative in the context of economic integration of the Russian Federation and South Korea. The author of the article, relying on an extensive source base, for the first time attempts to answer the question of what factors impede the successful implementation of projects by the two countries within the framework of this initiative. The purpose of the study is to identify and characterize the main problems and prospects of cooperation between the Republic of Korea and the Russian Federation within the ASEZ. The study was carried out within the framework of an integrated approach using the SCAN Interfax media environment analysis system as one of the main forecasting tools. At the same time, the author draws on statistical data reflecting the state of export-import and trade turnover between the two countries over the past five years. The analysis of the source made it possible to determine that despite the huge interest of South Korean business in the emerging markets of the Russian Federation, the project could not be implemented as planned due to the complicated administrative procedures, the fundamental difference in the procedure for investing in high-tech and commercial production, lack of trust in the Russian system of economic planning as well as insufficient experience in ways of doing business with South Korean companies by Russian Far Eastern specialists.

Keywords

ASEZ, Russian Federation, Republic of Korea, South Korea, economic integration

Acknowledgements

The article was prepared in cooperation with the Department of Foreign Regional Studies of the National Research University "Higher School of Economics"

For citation

Shmakova A. S. Problems and Prospects of Economic Integration of Russia and South Korea in the ASEZs. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 117–125. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-117-125

Введение

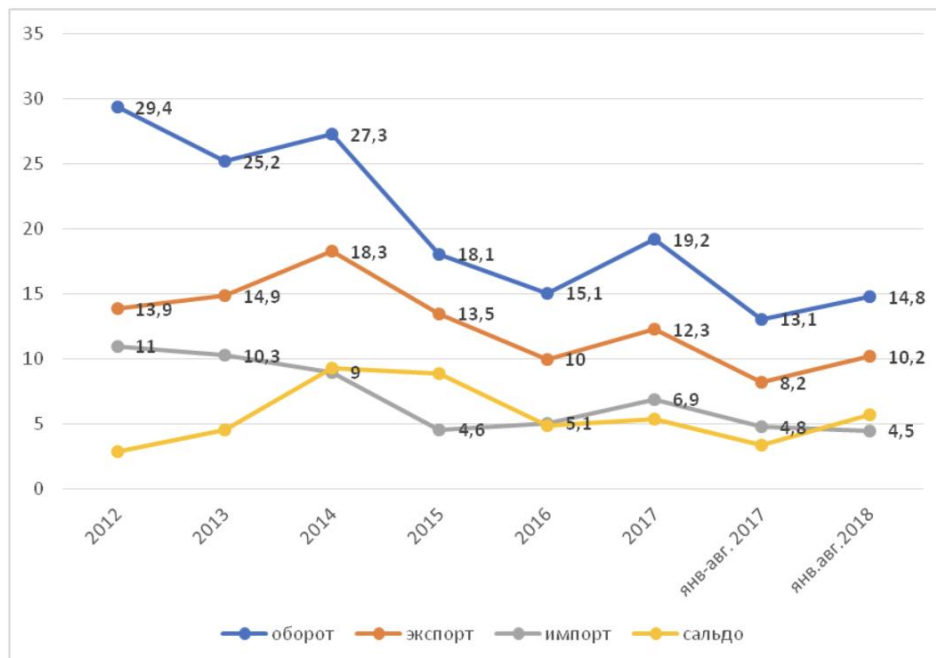
История развития торгово-экономических связей РФ и Южной Кореи насчитывает около 30 лет. За этот период двум странам удалось выработать прочную правовую основу сотрудничества и значительно расширить географию капиталовложений. На Восточном экономическом форуме в сентябре 2019 г. президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин озвучил новую экономическую инициативу – «Девять мостов развития», в соответствии с которой в краткосрочной перспективе планировалось значительно увеличить объем инвестиций в корейско-российские проекты, а именно нарастить его до \$2 млрд. При этом товарооборот между двумя странами к 2020 г. должен был составить \$30 млрд¹.

По данным Посольства РК в РФ, Южная Корея занимает третье место в товарообороте России в Азии и девятое место в общем списке основных торговых партнеров нашей страны². В 1-м полугодии 2019 г. товарооборот России с Республикой Корея (Южной Кореей) составил 12,736 млрд долл. США, увеличившись на 20,48 % к АППГ. В 1-м квартале 2020 г. товарооборот России с Республикой Корея (Южной Кореей) составил 4,955 млрд долл. США,

¹ Почему Южная Корея активизировала экономические отношения с Россией. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2017/12/07/744486-yuzhnaya-koreya-ekonomicheskie-rossiei> (дата обращения 02.11.2020).

² Экономические отношения России и Республики Корея. URL: <https://tass.ru/info/3331211> (дата обращения 01.11.2019); Товарооборот между Российской Федерацией и Республикой Корея в 2012–2018 гг. URL: <https://korea-seoul.mid.ru/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-rossijskoj-federacii-i-respubliki-korea> (дата обращения 02.11.2020).

уменьшившись на 20,43 % (1,273 млрд долл. США) по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Товарооборот между РФ и Южной Кореей в период с января по август 2018 г. составил 14,8 млрд долл. США, что на 12,2 % больше, чем в АППГ (см. рисунок).

Динамика товарооборота РФ и Южной Кореи в период с 2012 по 2018 г. (млрд долл. США)
 Источник количественных данных: Генеральное консульство Южной Кореи во Владивостоке.
 URL: http://overseas.mofa.go.kr/ru-vladivostok-ko/brd/m_7808/view.do?seq=1329720&srchfr=&s
 (дата обращения 08.11.2020)
 Dynamics of trade between the Russian Federation and South Korea from 2012 to 2018 (USD billion)
 Quantitative source: The Consulate General of South Korea.
 URL: http://overseas.mofa.go.kr/ru-vladivostok-ko/brd/m_7808/view.do?seq=1329720&srchfr=&s
 (accessed: 08.11.2020)

При этом наибольший прирост экспорта России в Южную Корею в первом полугодии 2019 г. по сравнению с первым полугодием 2018 г. был зафиксирован по товарной группе минерального топлива, нефти и продуктов их перегонки, битуминозных веществ, минеральных восков (рост на 1, 583 млн долл. США)³.

Сотрудничество между РФ и РК осуществляется, главным образом, в энергетическом секторе (нефть, уголь, природный газ), а также в таких отраслях, как машиностроение, судостроение, металлообработка, сфера услуг, высокоточная электроника, строительство инфраструктуры, организация и продвижение корейских товаров на рынки РФ (в рамках деятельности «КОТРА»⁴), инвестиции. Среди наиболее перспективных проектов в топливно-энергетическом секторе отметим сотрудничество между ОАО «Газпром» и «Kogas», проекты

³ Внешняя торговля России с Республикой Корея (Южной Кореей) в 1 полугодии 2019 г. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-08/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-respublikoy-koreya-yuzhnoy-koreey-v-1-polugodii-2019-g/> (дата обращения 01.11.2020).

⁴ КОТРА – некоммерческая организация, созданная корейским правительством 21 июня 1962 года с целью содействия развитию торговли между Кореей и другими странами. Более 50 лет КОТРА помогает заинтересованным компаниям со всего мира развивать деловые отношения с Республикой Корея. Подробнее см. <http://kotra.ru/kotra/deyatelnost/>.

«Сахалин-1» и «Сахалин-2», сотрудничество между ОАО «Газпром» и «KNOC» по освоению Западно-Камчатского шельфа Охотского моря⁵. Объемы экспорта минерального сырья из РФ в РК в 2019 г. в стоимостном выражении см. в табл. 1.

Таблица 1

Объемы экспорта минерального сырья из РФ в РК в 2019 г.
в стоимостном выражении (млн долл. США)

Table 1

Export volumes of mineral raw materials from the Russian Federation
to the Republic of Korea in 2019 in value terms (USD million)

Вид сырья	Стоимость в 2019 г.
Черные металлы	343,971
Медь и изделия из нее	0,311
Никель и изделия из него	0,184
Олово и изделия из него	0,286
Прочие недрагоценные металлы	10,212
Минеральное топливо и продукты	13 277,939

Источник количественных данных: Внешняя торговля РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11193> (дата обращения 08.11.2020).

Методология исследования

Исследование выполнено в рамках комплексного подхода с применением системы анализа медиасреды «SCAN Interfax» как одного из основных инструментов прогнозирования⁶. Медиасреда в данной работе рассматривается как социальная реальность, в которой действуют массмедиа. Такая социальная реальность отражает социально-культурные, политические и экономические характеристики жизни общества на разных этапах его развития. Это внешняя среда существования средств массовой коммуникации, которая влияет на их содержание, состояние, задает тенденции их развития. Медиасреда есть отражение социальной реальности на всех ее уровнях – международном, региональном, национальном. Она формируется с учетом особенностей функционирования национальной системы СМИ и влияющих на нее факторов (в том числе состояние экономики СМИ, типологическая структура, состояние правовой базы СМИ и др.)⁷.

Объектом анализа стали общественно-политические, социальные и экономические процессы, касающиеся инициативы TOP в РФ и Южной Кореи. Проведение мониторинга ОРМ в период с 2014 по 2019 гг. дало автору возможность подробно изучить объект анализа в его развитии, а также обеспечило получение объективных данных. Обращению к данной теме предшествовал длительный опыт работы автора в области социальной антропологии. В ходе долгосрочных и краткосрочных стажировок в РК методом включенного наблюдения прово-

⁵ Проекты сотрудничества РФ и Южной Кореи. URL: <https://korea-seoul.mid.ru/torgovo-ekonomiceskoe-sotrudnicestvo-rossijskoj-federacii-i-respubliki-korea> (дата обращения 01.11.2020).

⁶ Scan Interfax – это система автоматического сбора информации из интернета на основе заданных параметров. Может использоваться для мониторинга СМИ и социальных сетей.

⁷ Экология медиасреды: проблемы безопасности и рационального использования коммуникативных ресурсов // Материалы второй Международной научно-практической конференции 7 декабря 2016 г. URL: <http://www.journ.msu.ru/downloads/2016/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D1%81%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA.pdf> (дата обращения 02.11.2020).

дилось изучение тенденций, происходящих в южнокорейском обществе, в том числе и в сфере экономической интеграции РФ и РК.

В источниковую базу исследования вошли материалы СМИ, экспертно-аналитические статьи об инициативе ТОР, опубликованные в сети Интернет на русском, английском, корейском языках, а также отчеты Посольства Южной Кореи в РФ, Генерального консульства Южной Кореи во Владивостоке за 2018 г., Министерства по развитию Дальнего Востока, представительств КОТРА⁸ в РФ, сайта о внешней торговле РФ (Russian-trade.com), Международного валютного фонда.

Необходимо отметить, что теоретическая база по теме интеграции РФ и Южной Кореи в ТОР в российском регионоведении пока не сформирована в силу новизны темы и молодости инициативы. Встречаются различные материалы и статьи специалистов по экономике, политике, этнологии, этнодемографии, в основе которых, главным образом, лежат интернет-источники. Такая ситуация, с одной стороны, создает множество проблем для исследователя, а с другой, актуализирует необходимость изучения вопросов, связанных с вхождением южнокорейского бизнеса в российские ТОР.

Основные результаты исследования

В 2013 г. с целью ускорения темпов развития отдаленных территорий правительством РФ и формирования дополнительного инвестиционного инструмента был принят и разработан закон № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», который вступил в силу 30 марта 2015 г. В настоящее время в РФ действует всего 99 территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР или ТОСЭР).

По данным отчета консульства Южной Кореи за 2019 г., общее количество иностранных компаний в них составило 22, общая сумма иностранного капитала – 171,45 млрд рублей, а количество созданных ими рабочих мест – 4215⁹. В Российской Федерации ТОР – экономическая зона со льготными налоговыми условиями, упрощенными административными процедурами и другими привилегиями, создаваемая для привлечения инвестиций, ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения.

Согласно п. 1 статьи 12 № 473-ФЗ, индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, намеревающиеся приобрести статус резидента ТОР или создать юридическое лицо на территории опережающего социально-экономического развития в целях приобретения статуса резидента такой территории и отвечающие установленным настоящим Федеральным законом требованиям к резидентам ТОР, подают в управляющую компанию заявку на заключение соглашения об осуществлении деятельности (далее – заявитель)¹⁰.

При этом согласно части второй, введенной Федеральным законом от 26.07.2019 № 254-ФЗ, особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности на территории опережающего социально-экономического развития, предусмотренный частью первой настоящей статьи, не предоставляется организациям, осуществляющим добычу неф-

⁸ КОТРА – некоммерческая организация, созданная корейским правительством 21 июня 1962 года с целью содействия развитию торговли между Кореей и другими странами. Для эффективного выполнения своих функций КОТРА создала обширную сеть зарубежных представительств. На данный момент существует 126 представительств в 86 странах мира. В России КОТРА имеет дипломатический статус Торгового отдела Посольства Республики Корея в РФ. См. URL: <http://kotra.ru/> (дата обращения 20.09.2020).

⁹ Генеральное консульство Республики Корея. Территории опережающего развития и система свободного порта Владивосток 2018. URL: http://overseas.mofa.go.kr/ru-vladivostok-ko/brd/m_7808/view.do?seq=1329720&srchfr=&s (дата обращения 02.12.2020).

¹⁰ Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=330102&fld=134&dst=100114,0&rnd=0.6661925380156639#009092542643898316> (дата обращения 03.11.2020).

ти, добычу природного газа и (или) газового конденсата, заготовку древесины и их реализацию, а также банковскую, страховую или клиринговую деятельность, организациям, являющимся профессиональными участниками рынка ценных бумаг или негосударственными пенсионными фондами¹¹.

Южная Корея является крупным экспортером нефти, газа, каменного угля и железной руды. В силу отсутствия полезных ископаемых в стране и ее малой территории крупные компании Южной Кореи, такие как «KORES», «Kosoal», «POSCO», «Korea Zinc Co», «SK Global Chemical» и другие приобретают активы за рубежом. Необходимо отметить, что география и специализация таких активов достаточно обширна и простирается от Монголии до Австралии. Среди наиболее крупных проектов по добыче сырья, эксплуатируемых Южной Кореей совместно с иностранными партнерами за пределами страны, можно отметить такие, как «Wallarrah 2» (Австралия, уголь), «Raigad» (Индия, газ), «Galaxy» (Аргентина, литий) и др.

Тем не менее, к 31 мая 2019 г. на территории РФ находилось всего четыре южнокорейских резидента (табл. 2). Кроме того, согласно данным консульства РК во Владивостоке от 31 декабря 2017 г., было зарегистрировано заявление на получение статуса резидента от компании «Trade LLC», которая запланировала строительство завода по производству кабельных линий с полихлорвиниловой изоляцией¹².

Таблица 2

Список южнокорейских компаний-резидентов TOP¹³

Table 2

List of South Korean companies-residents of ASEZs

Регион РФ, в котором расположена TOP	Название TOP	Название компаний- резидента	Сфера деятельности	Общая стоимость проекта, млрд руб.	Инвестор (с указанием общей сум- мы инвести- ций, млн руб.)
Приморье	Большой Камень	Hotel Pride LLC	Строительство гостиниц	5,9	–
	Козьмино	ЗАО «Нацио- нальная хими- ческая группа»	Производство минеральных удобрений	458	Hyundai
	Надеждинская	Oyang	Рыбная про- мышленность	1,1	R&Food Company
Хабаровск	Камчатка	Gorod 415 LLC	Рыбная про- мышленность	6,4	KTI (4,5)

Таблица составлена автором на основе анализа всего массива источников, указанных в подстраничных сносках.

¹¹ Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

¹² Генеральное консульство Республики Корея. Территории опережающего развития и система свободного порта Владивосток 2018. URL: http://overseas.mofa.go.kr/ru-vladivostok-ko/brd/m_7808/view.do?seq=1329720&srchfr=&s (дата обращения 08.11.2020).

¹³ 주블라디보스톡 총영사관. 2018 선도개발구역 및 블라디보스톡 자유항 제도. URL: http://overseas.mofa.go.kr/ru-vladivostok-ko/brd/m_7808/view.do?seq=1329720&srchfr=&s (дата обращения 08.11.2019).

Подробный анализ источниковой базы «RISS», содержащей основные результаты южнокорейской науки за последние 30 лет, показал, что компании Южной Кореи изначально рассчитывали на создание СП в энергетическом секторе и участие в разработке недр РФ, что позволило бы им решить проблему сырьевой и региональной безопасности, освободившись от необходимости производить закупки сырья на Ближнем Востоке¹⁴.

В статьях южнокорейских исследователей за последние пять лет отчетливо прослеживается мысль о том, что ресурсы российского Дальнего Востока в сочетании с японским и южнокорейским капиталом и технологиями могли бы стать хорошим фундаментом для долгосрочного сотрудничества РК и РФ в рамках «Новой азиатской политики» и «Северного экономического сотрудничества», в котором Дальний Восток России обозначен как ключевое звено и логистический центр между Европой и ЮВА. При этом КНР и РК могли бы обеспечить стабильно высокий объем потребления энергетических ресурсов РФ на всем протяжении действия указанных проектов¹⁵.

Аналитики также отмечают, что для Южной Кореи в краткосрочной перспективе было бы выгодным участие в строительстве небольших нефтехимических предприятий, расположенных вблизи газовых месторождений. Кроме того, постепенное вхождение южнокорейского бизнеса на рынки Дальнего Востока подготовило бы почву для создания прочной базы торгового и промышленного сотрудничества РК и РФ, раскрыв его потенциал. Южнокорейское правительство также рассчитывало на использование транспортных артерий российского Дальнего Востока для перевозки товаров из страны на внутренние рынки РФ¹⁶.

Однако для создания единой энергетической сети и рынка прежде всего необходима синхронизация правовой и институциональной основ всех государств-участников. Южнокорейские предприниматели не в полной мере осведомлены о содержании и принципах работы малого и среднего бизнеса, функционировании рынков на территории РФ, что подтверждается компанией KOTRA, и данными, приобретенными автором в ходе участия в переговорах между южнокорейскими и российскими делегациями. У южнокорейских бизнесменов вызывают вопросы обеспечение строительства инфраструктуры в ТОР, отсутствие четко регламентированного плана поддержки крупных компаний – будущих резидентов ТОР, распределение бюджета при необходимости ежегодно выделять на развитие проекта около 100 млрд рублей¹⁷.

Прокладка трубопроводов в южнокорейском направлении давно интересует Россию. Проект магистрального газопровода через территорию Северной Кореи обсуждался «Газпромом» и южнокорейской компанией «Kogas» еще в 2008 г. Однако из-за обострения напряженности на Корейском полуострове согласовать его так и не удалось. Технически возможно строительство морского трубопровода в обход КНДР, однако это более дорогостоящий проект. В сентябре 2018 г. в рамках Восточного экономического форума стороны опять вернулись к обсуждению проекта строительства газопровода, однако уже на форуме 2019 г. «Газ-

¹⁴ Около 70 % нефти Южная Корея закупает именно в странах Ближнего Востока, объем импорта энергетических ресурсов в процентном выражении составляет 94%.

¹⁵ При написании данного исследования были использованы материалы на корейском языке из базы RISS (<http://www.riss.kr>), причем выборка осуществлялась не только по запросу «ТОР», но и по запросам «экономическое сотрудничество РК и РФ», «экономическая интеграция РК и РФ».

¹⁶ Кан Мёнгу. Синбукпанджончхэк-ква синдонпанджончхэк тхонхан ханро хёпнёк ёнгу [강명구. 신북방정책과 신동방정책을 통한 한-러 협력 연구]. Сотрудничество РФ и РК с точки зрения Северной политики. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=2ahUKEwiD7oyXtcf0AhXDk4sKHa19D_8QFjAAegQIARAB&url=https%3A%2F%2Frd.kdb.co.kr%2FfileView%3FgroupId%3D9A9D1AE5-3DAC-D38C-1B7C-CBAE286D15D9%26fileId%3D1DBDD855-D0B5-0951-D254-A1464BB6CEC9&usg=AOvVaw0rq5E1AuuDhCueDxhaE_S5 (дата обращения 21.04.2021).

¹⁷ Бом Вонсок. Россия кыктончийёк пальджон чончхэк хёнхван мит мундже пунсок [범원석. 러시아 극동지역 발전정책 현황 및 문제점 분석]. Российская политика в отношении развития Дальнего Востока и анализ проблем // Чончхэк погосо. Вып. 65. URL: <http://scholar.dkyobobook.co.kr/searchDownload.laf?barcode=4010025788962&artId=10339602&gb=pdf&rePdf=pdf> (дата обращения 29.03.2021).

пром» и «Kogas» обсуждали в основном перспективы сотрудничества в области СПГ, в частности, поставки, осуществляемые по контракту между «Sakhalin Energy» и «Kogas».

Потенциальные участники проектов отмечают сложности в проведении административных процедур, связанных с оформлением статуса резидента и участием в проектах, планируемых к исполнению в рамках инициативы ТОР¹⁸. Однако более глубокая проблема состоит в представлениях южных корейцев о РФ и бывшем СССР, сформированных учебной литературой, а также деятельностью СМИ. Анализ исследований, представленных в базе RISS, показывает, что Россия в сознании корейцев тесно связана с реалиями СССР, среди которых на первом месте – неразвитость рынков, товарный дефицит, технологическая отсталость и отсутствие инфраструктуры, развившиеся, согласно мнению исследователей, вследствие неэффективной работы администрации¹⁹.

Тем не менее, анализ источников позволяет прогнозировать сопряжение южнокорейской «Новой северной политики» и Новой восточной политики России, что приведет к развитию сотрудничества между двумя странами в различных аспектах, таких как дипломатическая безопасность, экономика и культурный обмен. Российско-южнокорейское сотрудничество также может быть интенсифицировано за счет заключения Соглашения о свободной торговле и формирования соответствующей зоны между двумя странами. Отметим, что данный проект обсуждается с осени 2017 г., в июне 2018 г. об этом было подписано совместное заявление, которое было дополнено меморандумами о взаимопонимании.

Среди проектов, которые будут способствовать углублению экономических и хозяйственных связей между РК и Россией, – «Проект энергосистемы Юга-Севера-России», а также «Проект сельскохозяйственного сотрудничества Юг-Север-Россия». В последнем активное участие принимают северо-корейские рабочие. Очень перспективным с точки зрения корейского правительства является «проект сельскохозяйственного сотрудничества Юг-Север-Россия», поскольку он позволит в долгосрочной перспективе привлечь Северную Корею к практическому экономическому сотрудничеству.

¹⁸ 한국은 지난 2014 년 12 월 연해주(프리모리 변경주), 하바롭스크 변경주, 아무르 주, сахалин 주 등을 중심으로 곡물터미널 개발과 곡물 유통 인프라 구축, 러시아 탄광 (угольные рудники) 개발 등에 투자하는 방안을 계획했지만 세제 혜택이나 통관 등 행정절차가 까다로운데다 투자금 환수 기간과 수익률 추산이 어려워 투자 계획을 전면 재검토하기로 했다. [Южная Корея планировала инвестирование средств в строительство зерновых терминалов, торговой инфраструктуры для реализации злаковых культур и в разработку угольных месторождений, однако из-за запутанных административных процедур, сложной системы налогообложения и растаможивания, а также проблем со сроками возврата инвестиционных вложений и оценкой прибыльности, было принято решение полностью пересмотреть инвестиционные планы]. [Там же] (дата обращения 25.10.2021). 하지만 선도개발구역 조성과 관련한 일련의 내용들은 러시아의 복잡하고 까다로운 행정절차를 개선하는 수준에 머물고 있는 것이라는 지적이 많다. [...Тем не менее, многократно отмечается, что содержание, касающееся работы по созданию ТОР за один год, приостановилось на задаче по упрощению сложных и запутанных административных процедур]. [Там же] (дата обращения 23.10.2021).

¹⁹ 1990 년 한러 수교(당시는 소련) 당시부터 러시아 극동에 대한 한국의 관심은 상당했다. ...그러나 지난 20 여년간 러시아 극동의 투자 환경은 그러한 기대를 충족시키기에 충분치 못했다. 작은 인구와 낮은 인구밀도에 따른 협소한 시장 규모, 부족하고 노후화된 인프라 환경, 효율적이지 못한 행정 처리 및 관료주의 성향 등 여러 가지 문제점들이 복합적으로 얹혀 있기 때문이다. [Со времени установления российско-корейских дипломатических отношений в 1990 г. (в то время с СССР) интерес Южной Кореи к российскому Дальнему Востоку огромный... Однако за последние 20 лет инвестиционная среда на Дальнем Востоке не оправдала надежд, что было связано с различными проблемами, такими как узкий рынок труда, соответствующий небольшому количеству населения и его низкой плотности, бедная инфраструктура, неэффективное административное управление, бюрократия] // *Бом Вонсок*. Россия кыктон чйёк пальджон чончхэк хёнхван мит мундже пунсок [범원석. 러시아 극동지역 발전정책 현황 및 문제점 분석]. Российская политика в отношении развития Дальнего Востока и анализ проблем // Чончхэк погосо. Вып. 65. URL: <http://scholar.dkyobobook.co.kr/searchDownload.laf?barcode=4010025788962&artId=10339602&gb=pdf&rePdf=pdf> (дата обращения 29.03.2021).

Выводы

Несмотря на большие надежды, связанные с сотрудничеством РФ и РК в ТОР, данную серию проектов не удалось реализовать так, как планировалось. Среди основных причин – принципиальная разница в порядке инвестирования в высокотехнологичные и торговые производства, отсутствие доверия к российской системе экономического планирования со стороны южнокорейского бизнеса, несмотря на его большой интерес к новым рынкам России, в частности к рынкам Сибири и Дальнего Востока, а также отсутствие специалистов, которые могли бы в равной степени обладать знаниями в области бизнеса, культурной антропологии и языка.

Информация об авторе

Анна Сергеевна Шмакова, кандидат исторических наук, доцент

Information about Author

Anna S. Shmakova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 11.10.2021;
одобрена после рецензирования 30.10.2021; принята к публикации 09.11.2021
The article was submitted on 11.10.2021;
approved after reviewing 30.10.2021; accepted for publication 09.11.2021*

Краткое сообщение

УДК 578.854.1:614.4(510)

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-126-130

Начальный этап борьбы с эпидемией COVID-19 в Китае: взгляд изнутри *

Лю Дэпэй

Шэньянский институт физической культуры

Шэньян, Китайская Народная Республика

depeiliu1947@21cn.com, <https://orcid.org/0000-0001-6058-3963>

Аннотация

Данная публикация представляет собой литературное эссе, посвященное борьбе против коронавируса SARS-CoV-2 в течение самых первых дней и даже часов начавшейся пандемии. Эта частная история может помочь оценить ситуацию полной неопределенности начального периода, о которой все мы уже забыли. Но память об этих первых настроениях и первых действиях очень важна для того, чтобы избежать новых кризисов и паники во время возможных эпидемий в будущем. Рассмотрение проблемы изнутри способствует лучшему пониманию настроений и чувств китайцев в ходе нынешней пандемии COVID-19.

Ключевые слова

борьба с пандемией, COVID-19, китайский опыт, свидетельство очевидца

Для цитирования

Лю Дэпэй. Начальный этап борьбы с эпидемией COVID-19 в Китае: взгляд изнутри // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 126–130. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-126-130

Initial Stage of the Fight against COVID-19 Pandemic in China: A View from Inside **

Liu Depei

Shenyang Sport University

Shenyang, People's Republic of China

depeiliu1947@21cn.com, <https://orcid.org/0000-0001-6058-3963>

Abstract

This publication represents a kind of literary essay about the fighting against the SARS-CoV-2 coronavirus at the very beginning of the pandemic, during the first days and even hours. The personal story may help to evaluate the situation of complete uncertainty on the first days of the pandemic all of us have already forgotten now. But to remember the first moods and the first steps is a very important thing, for avoidance of new crises during possible epidemics in the future and the panic associated with them. Looking at the problem from the inside helps to understand the worries, moods and feelings of Chinese people during the current COVID-19 pandemic.

* Перевод с китайского выполнен по авторской рукописи С. А. Комиссаровым.

** The translation from Chinese was made according to the author's manuscript by S. A. Komissarov.

© Лю Дэпэй, 2021

© Комиссаров С. А., пер., 2021

Keywords

fight against pandemic, COVID-19, Chinese experience, eyewitness testimony

For citation

Liu Depei. Initial Stage of the Fight against COVID-19 Pandemic in China: A View from Inside. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 126–130. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-126-130

Путешествие, в котором мы разминулись с эпидемией

Самый важный праздник в жизни китайцев – *Чуньцзе*¹. Где бы ни жил или работал человек, но его не остановит расстояние в 10 тысяч *ли*, и при малейшей возможности он поспешит домой, чтобы вместе с родными встретить Праздник весны. Так, рано утром 20 января 2020 г., за три дня до кануна Нового года, я вместе с зятем и внуком вылетел из Гуанчжоу в Шэньян. Там мы планировали встретиться с моей женой и дочерью, прилетевших из Польши, сутки отдохнуть, и на машине двинуться дальше, на мою родину в г. Цзиань. У рейса в Шэньян есть одна промежуточная посадка, в г. Яньтай. Именно в зале ожидания яньтайского аэропорта я услышал новости, прозвучавшие в телевизионной программе, о вспыхнувшей в г. Ухань эпидемии коронавируса. В сердце пронеслось чувство тревоги, но это отнюдь еще не было большим потрясением. В Шэньяне вся семья переночевала в гостинице, а после завтрака прибыла встречающая нас машина, и мы быстро отправились в путь. Уже в дороге нам позвонил наш товарищ и сообщил, что администрация Шэньяна опубликовала сообщение об эпидемической обстановке. В соответствии с этим документом, начиная с 10 часов сего дня, устанавливался строгий контроль за въездом и выездом в город, их разрешали только в особых случаях. Вот повезло! Если бы мы опоздали с отъездом на несколько часов, то могли бы встретиться с большими трудностями.

Затишье перед боем

Моя малая родина, г. Цзиань, расположена на реке Ялуцзян, за которой начинается Корея. Это небольшой прелестный городок в горах, население которого едва достигает 100 тыс. человек. И все они готовились к *Чуньцзе*, в соответствии с установившимся порядком и добрым согласием. Но в ночь накануне Нового года телевидение постоянно передавало сообщения о тяжелой эпидемии в Ухане, куда для оказания помощи специальными рейсами вылетали медицинские работники из Гуанчжоу, Шанхая, Чэнду и других мест.

Разумеется, жители встревожились, хотя в наших местах тогда еще не было каких-либо следов эпидемии. Следя за телевизионными сообщениями из Уханя, люди начали готовить противоэпидемическую защиту. Когда на третий день наступившего нового года, после обеда, мы отправились в аптеку купить защитные маски, то обнаружили, что цена на них взлетела в 15 раз. Те образцы, которые раньше стоили два гивенника, теперь продавались за три юаня. Мы купили одну упаковку и вернулись домой. Но мои домашние боялись, что этого количества будет недостаточно. Поэтому мы вернулись в аптеку прикупить еще. Но к тому времени все маски уже были распроданы. Мы обожали все аптеки в городе – результат был таким же. Далее люди хлынули в супермаркеты, нарасхват скупая продукты питания: рис и муку, мясо и яйца. У входа в супермаркеты появились дежурные с красными нарукавными повязками, которые измеряли температуру и проверяли пропуск у каждого посетителя. Эти пропуска местное правительство выдало по одному на каждую семью, и без него никому не разрешалось покидать место жительства. Это стало ответом на панические настроения и потребовало полной отдачи от дежурных. Ночью температура воздуха упала ниже –20 °С, но сотрудники контрольных служб на дорогах сохраняли высокую бдительность. Эти отряды

¹ *Чуньцзе* (春节), самый большой календарный праздник Китая и других стран Восточной Азии; соответствует началу нового года по аграрному (лунно-солнечному) календарю. – *Примеч. пер.*

были сформированы из правительственных чиновников и волонтеров, в качестве которых выступили студенты вузов, приехавшие домой на каникулы для встречи Нового года. Буквально засыпанные снегом, они медленно расхаживали взад и вперед, чтобы хоть немного обогреться. Но не было даже намека на расхлябанность; все они поклялись охранять покой своей малой родины, подобный успокоению в буддийском царстве Чистой земли.

Ухань, где начались описываемые события, – это самый большой город в центральной части Китая, крупнейший транспортный узел на берегу Янцзы, где сходятся речные, сухопутные и воздушные маршруты. Наибольший пик людских потоков приходится как раз на Чунцзе, самый большой праздник в Китае. И надо же, чтобы именно в это время и в этом месте разразилась эпидемия. Можно себе представить, каковы оказались катастрофические последствия – словно кто-то сбросил небольшую атомную бомбу. Но самым пугающим было то, что мы ничего не знали о нашем «враге» – не знали, где прячется болезнетворный вирус. Единственной мерой предосторожности стало измерение температуры тела, чтобы в безбрежном людском море отыскать тех, у кого эта температура подозрительно высокая. На практике это создавало огромные трудности в сражении с вирусом. Но я воочию видел мобилизационную готовность правительственных учреждений разных уровней и высокую степень самосознания у жителей – и сразу поверил в то, что мы обязательно победим внезапно обрушившийся на нас коронавирус. Тем же вечером я написал такое стихотворение:

Внезапно пришла большая война.
Полнеба окутала черная мгла.
Но хуже всего, что неведом нам враг.
Перекрыты пути и в осаде теперь города.
Но черные тучи не спрячут надолго солнце.
Китай всегда из разгрома творил победу.
Народ безбрежный, как океан,
покончит скоро с дьявольской напастью.

Объединенные усилия и моральное единство в противодействии эпидемии

Вирус все же добрался и до моих родных мест! Вечером 30 января один человек, 10 дней назад приехавший в Цзиань из Тяньцзиня, поступил в больницу с очень высокой температурой. Дежурный врач сразу же сообщил в городской центр по профилактике и контролю эпидемии. Поскольку центр не располагал собственными диагностическими возможностями, то больного немедленно отправили в полностью изолированной машине скорой помощи на обследование в больницу окружного центра, г. Тунхуа. К сожалению, точная диагностика подтвердила, что этот мужчина болен коронавирусной пневмонией.

В тот же день городское правительство приняло решение о том, что начиная с 18.00 в Цзиане вводится режим закрытого города, такой же, как в Ухане. Все жители в течение 15 дней не могли покидать своего жилища, за исключением чрезвычайных случаев. Всю еду и бытовые товары должны были доставлять в каждый дом и оставлять перед входом специально назначенные люди. Для того чтобы предотвратить распространение инфекции, посыльные не должны общаться с заказчиками; жителей извещали по телефону, после чего они сами забирали доставку от дверей.

Днем на всех перекрестках на светофорах, не меняясь, горит красный свет, на улицах почти нет пешеходов и машин. Когда наступает ночь, то переливается радужными цветами новогодняя иллюминация, красные блики, как и прежде, занимают полнеба, однако рыхлый снег, покрывающий проспекты, остается абсолютно непоколебленным, на нем не видно ни единого отпечатка следов.

Каждый год во время зимних каникул, приезжая на север, я отправлялся кататься на лыжах, этот вид спорта был моим пристрастием. Но в этот раз я мог лишь рассматривать из ок-

на белый снег, заполнивший и горы, и долины; о том, чтобы проложить по нему лыжню, можно было только мечтать. И поэтому я написал такое стихотворение:

Спокойствие в мире царит, снег покрыл и долины, и горные вершины.
Однако ужасный мор скрыт под тройным сугробом.
Каждый год, радуясь снегопаду, мы поднимаемся в горы кататься на лыжах.
Но нынче я как птица в клетке лишь печально вздыхаю, глядя ваясь во внешний мир.

Только в единстве сердец сможем мы победить

Английский ученый Томас Мальтус в своих трудах указывал, что скорость возрастания населения на Земле превосходит скорость прироста жизненных средств. Но когда возникает подобная ситуация, то на планете вспыхивают войны или эпидемии, которые сокращают часть населения, что способствует достижению нового равновесия. Война – это действие самих людей, а эпидемии – действие Бога. Очутившись в ситуации полной изолированности от мира, я тоже предавался размышлениям на тему совершённых человечеством ошибок, за которые последовала божья кара.

Жизнь в ситуации домашнего ареста, под которым мы все оказались, была невыносимой. Наша семья, запертая в квартире площадью около 100 кв. м, каждый день, кроме еды и сна, только и делала, что смотрела телевизор. Но люди не впадали в отчаяние. Все горожане по телефону или через Интернет ободряли друг друга, твердо верили в неизбежность победы.

В «Библии» есть рассказ о Ноевом ковчеге, корабле для спасения человечества. В Ухане при поддержке всей страны в течение 10 дней был построен «медицинский ковчег» – больница, рассчитанная на прием 2000 больных и располагающая самым современным оборудованием. Жизнь людей – это наивысшая ценность. Команды медицинских работников численностью в несколько десятков тысяч человек прибыли в провинцию Хубэй и г. Ухань из всех регионов Китая, чтобы всеми наличными силами оказывать помощь каждому, кто заразился коронавирусом, будь это новорожденный младенец или 90-летний старик. Если была хоть малейшая надежда, то от нее нельзя было отказываться. При этом все расходы на содержание и медицинское обслуживание взяло на себя правительство.

В те дни мы часто слушали советскую военную песню «Нам нужна одна победа». Эта песня воодушевляла нас и придавала бодрости.

Когда каникулы закончились, то выяснилось, что, исходя из реальной ситуации, студенты не могут посещать занятия. К счастью, у нас есть Интернет, и, например, моя дочь, которая преподает в университете, каждый день проводила дистанционное обучение через компьютер. Для того чтобы сделать жизнь более увлекательной, очень важны спортивные занятия. Мы разработали несколько спортивных игр, которые можно проводить в домашних условиях, чтобы преодолеть однообразие жизни и укрепить здоровье.

В марте погода потеплела, лед и снег растаяли, эпидемическая ситуация в родных местах в конце концов была взята под контроль. Мы также полностью покончили с жизнью в изоляции, стало возможно выходить из дому для прогулок по берегу реки. Белые облака на небе, теплый весенний ветерок, прозрачные потоки воды – мир воистину прекрасен!

Люди с улыбкой говорили, что на этот раз эпидемия внесла в жизнь общества много нового. Во-первых, все коммунисты стали солдатами, поскольку в самые опасные и трудные места обязательно направлялись члены партии. Во-вторых, охранники на воротах для транспорта превратились в философов, поскольку каждый день они многократно повторяли: «Откуда Вы пришли и куда путь держите?» – чем не базовые вопросы философии². В-третьих, родители превратились в учителей, поскольку школы для детей были закрыты, и главными наставниками для детей стали старшие в семье.

² Как тут не вспомнить библейское *Quo vadis* – «Камо идёши» (Иоанн. 13.36; 14.5). – *Примеч. пер.*

Так пожелаем, чтобы эпидемия, оставив нам все хорошее, ушла как можно дальше! Чтобы планета вновь обрела прежние мир и спокойствие.

Информация об авторе

Лю Дэпэй, PhD социологии, профессор

Information about the Author

Liu Depei, PhD in Sociology, Professor

*Статья поступила в редакцию 19.06.2021;
одобрена после рецензирования 27.08.2021; принята к публикации 25.09.2021
The article was submitted 19.06.2021;
approved after reviewing 27.08.2021; accepted for publication 25.09.2021*

Краткое сообщение

УДК 902.2 / 902.6

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-131-135

XI Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири, Северного Китая»

Андрей Васильевич Варенов

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

Аннотация

Представлен отчет об XI Международной научной конференции «Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири, Северного Китая», проходившей в Абакане на базе Хакасского государственного университета с 8 по 12 сентября 2021 года. Приводятся краткие описания представленных докладов.

Ключевые слова

археология, Северный Китай, Монголия, Южная Сибирь, Байкальская Сибирь, XI Международная конференция

Для цитирования

Варенов А. В. XI Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири, Северного Китая» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 131–135. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-131-135

XI International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal and South Siberia, Northern China”

Andrey V. Varenov

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

Abstract

A report on the XI International scientific conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal and South Siberia, Northern China” held in Abakan by Khakas State University from September 8 to September 12 2021 is presented. Brief descriptions of the papers presented are given.

© Варенов А. В., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 131–135
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 131–135

Keywords

archaeology, Northern China, Mongolia, South Siberia, Baikal Siberia, XI International conference

For citation

Varenov A. V. XI International Scientific Conference "Ancient Cultures of Mongolia, Baikal and South Siberia, Northern China". *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 131–135. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-131-135

С 8 по 12 сентября 2021 г. в г. Абакане прошла XI Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири, Северного Китая». В роли базовых принимающих организаций выступили Хакасский государственный университет и Южносибирский филиал Института истории материальной культуры РАН. На открытии конференции участников поприветствовали Председатель Правительства Республики Хакасия В.О. Коновалов, ректор Хакасского государственного университета Т. Г. Краснова, проф. Бурятского государственного университета А. Д. Цыбиктаров и и.о. директора Института истории материальной культуры РАН А. В. Поляков.

Затем прозвучали пленарные доклады К.В. Чугунова «Погребально-поминальный комплекс как категория археологического памятника (на примере мемориалов раннескифского времени в тувинской «Долине царей)», А. В. Полякова «Роль миграционных процессов в сложении культур периода палеометалла Минусинских котловин», Жэнь Гуань и Вэй Цзяня «The Bath Remains in the Tangchaodun City Site and the Cultural interaction between East and West along the Silk Road» (онлайн), Г. Анхсанаа и Э. Мижиддоржа «Петроглифы Восточной Монголии» (онлайн). Далее участники конференции работали в четырех секциях: «Историография и методология», «Каменный и бронзовый века Центральной, Восточной и Северной Азии», «Центральная, Северная и Восточная Азия в скифскую и хунно-сяньбийскую эпохи», «Центральная, Восточная и Северная Азия в эпоху средневековья». Наиболее богатая участниками секция, посвященная эпохам камня и бронзы, заседала полтора дня, после обеда 8 сентября и весь день 9 сентября. Восьмого сентября ее работа проходила параллельно с секцией историографии и методологии, а 9 сентября – со средневековой секцией. Десятого сентября заседала только «скифо-хуннская» секция. Поскольку 8 и 9 сентября заседания проходили одновременно в двух залах, расположенных на разных этажах одного здания, это создавало определенные (хотя и преодолимые) трудности при желании прослушать доклад с параллельной секции.

На секции «Историография и методология» по тем или иным причинам не было оглашено три из восьми заявленных в программе докладов. Реально на конференции выступили Му Цзиньшань с докладом «Вклад В. Д. Кубарева в изучение керамической посуды из курганов Пазырыкской культуры», В. Н. Тугужекова с докладом «Вклад В. Е. Ларичева в изучение Хакасии», А. В. Варенов и М. А. Кудинова с докладом «Монографические публикации петроглифов северных районов Китая в XX веке и их авторы», А.С. Нилогов с докладом «Проблемы методологии палеоДНК-исследований: размышляя над книгой Д. Райха "Кто мы и как сюда попали"», М. А. Куслий, А. А. Тишкин, Н. В. Воробьева, В. П. Семибратов, К. Ю. Кирюшин, А. А. Ковалев, Д. Эрдэнэбаатар и А. С. Графодатский с докладом «Генотипирование древних лошадей из археологических памятников Монголии аржано-майэмирского и хуннского времени» (онлайн).

На секции «Каменный и бронзовый века Центральной, Восточной и Северной Азии» прозвучали доклады С. А. Васильева и В. С. Зубкова «Палеолитические местонахождения Хакасии: материалы к археологической карте», Е.С. Левановой «К вопросу об атрибуции и относительной датировке петроглифов Рашаан-Хад» (онлайн), И. П. Лазаретова «Впускные курганы окуневской культуры», А. А. Тишкина «Погребения младенцев на поселении елунинской культуры Березовая Лука (Верхнее Приобье, долина Алея): целенаправленный инфантицид (детоубийство) или погребальная традиция (о взаимодействии прошлого и местно-

го населения)», П. В. Мандрыки «Бобровский тип керамики на Енисее», Е. А. Миклашевич «Изображения личин на скалах в горах Оглахты (Хакасия)» (онлайн), Н. Ю. Смирнова «О некоторых особенностях архитектуры курганов монгун-тайгинского типа в сравнительной перспективе», М. А. Килуновской, А. В. Семенова и Л. Д. Чадамба «Исследования наскальных рисунков около пос. Боршоо (Монголия)» (онлайн), Д. А. Виноградова «Новые материалы бронзового века из Красноярской лесостепи», Юань Сяо «Исследование археологических культур бронзового века и процессов эволюции социума в верхнем течении реки Или» (онлайн), А. В. Харинского «Ритуальные комплексы Окинского Плоскогорья (Юго-Восточный Саян): предварительные данные», О. Н. Корочковой «Андроновская общность: модель сложения», В. С. Бусовой «Поселение Кара-Дыт II – памятник эпохи бронзы на юге Тувы», В. М. Лурье «Развитие хозяйственных традиций эпохи бронзы Минусинских котловин», Д. В. Папина «Результаты изотопного исследования биоархеологических материалов эпохи бронзы лесостепного Алтая», А. Д. Цыбиктарова «Отражение дипломатии древних кочевников Центральной Азии в петроглифических, палеоантропологических и топографических источниках культур плиточных могил и херексуров (часть III, к постановке проблемы)», К. Н. Солодовникова «Антропологические общности населения культур эпохи бронзы Центральной и Северной Азии» (онлайн).

Групповое фото участников конференции в улусе Полтаков
Group photo of the participants of the Conference at Poltavkov ulus

На секции «Центральная, Северная и Восточная Азия в скифскую и хунно-сяньбийскую эпохи» были озвучены доклады Н. А. Боковенко «Некоторые аспекты формирования тагарской культуры на Среднем Енисее», Т. Р. Садыкова «Конструктивные особенности раннескифского кургана Туннуг 1», Юй Сяосяо «Archeological Observation of the Communication Features surrounding Junggar Gate in the first millennium BC: A view from the catacomb graves» (онлайн), К. Мацумото «A survey of Bronze and Early Iron Age tools and weapons from Northern Mongolia» (онлайн), В. Хорват «История и вопросы исследования начала скифского времени на Среднем Енисее (по памятникам с вооружением)» (онлайн), П. В. Германа «На северо-западной границе тагаро-таштыкского мира: памятники раннего железного века среднекифского археологического микрорайона», А. А. Тишкина «Лошади из курганов хуннского времени памятника Яломан II (Алтай): археологический контекст и археозоологические определения», Ю. Н. Есина «Новая гипотеза о владельце Абаканского дворца», В. Б. Трубниковой «Образ оленя в металлопластике сяньбэй», И. А. Грачева и Э. Н. Киргинекова «Новые

памятники переходного тагаро-таштыкского периода», Н. А. Жоговой «Погребение кокзельской культуры на многослойной стоянке Желвак-5 в Туве», П. Б. Амзаракова «Выплавка железа на территории Минусинской котловины в тагаро-таштыкскую эпоху», М. Е. Килуновской и П. М. Леуса «Бронзовые ажурные пряжки-пластины Саяно-Алтая» (онлайн).

На секции «Центральная, Восточная и Северная Азия в эпоху средневековья» были представлены доклады Н. Н. Серегина «Предметы конского снаряжения из раннетюркских «поминальных» комплексов Центрального и Восточного Алтая (по материалам раскопок А. С. Васютина)», З. Ч. Ухинова и И. В. Уланова «Дощатые внутримогильные конструкции из погребальных комплексов XI–XIV вв. Юго-Восточного Забайкалья», А. Н. Мухаревой «Техника гравировки в раннесредневековых петроглифах Монгольского Алтая» (онлайн), Э. Р. Усмановой, М. Б. Кожа, К. Ускенбая, Г. А. Ахатова и Д. А. Джумабекова «К вопросу о тайных погребениях золотоордынской эпохи в Улытау», С. Г. Бочарова «Китайская керамика XIV в. в материальном комплексе второй столицы Золотой Орды (Царёвского городища)», О. А. Митько и Ю. А. Солод «Металлический сосуд из Перевозинского чаатаса» (онлайн), А. У. Урбушева и Н. А. Константинова «Изображения средневековых жилищ на памятнике наскального искусства Дялбак (Восточный Алтай)», А. В. Выборнова «Археологические объекты II тысячелетия нашей эры на горе Унюк», Ма Янь «The Cave Stone Tombs found in Northern China, Han-Tang Period and their Connections with Northern Black Sea, Eastern Mediterranean and Central Asia» (онлайн), Цун Дэсиня «New Evidence for the site of high altitude area in Xinjiang, China» (онлайн), Пань Лин «On the date of tomb No. 10 of Gol-Mod II cemetery» (онлайн), Ма Цзяня «The settlement form of 1000 BC in the Eastern Tianshan Mountain: a case study of Haiziyan site» (онлайн), Ван Сяокуня «Archeological Exploration of the Origin of Dairy Products» (онлайн).

Полные тексты докладов были изданы заранее, к началу работы конференции, что способствовало предварительной подготовке участников к плодотворным дискуссиям на самих заседаниях [Древние культуры, 2021]. В этом плане XI (Абаканская) конференция очень выгодно отличалась от предшествующей десятой, прошедшей осенью 2019 г. в Пекине (см. [Варенов, 2020, с. 176]). После официального подведения итогов работы конференции для участников провели полевые экскурсии по южным и центральным районам Хакасии. Одиннадцатого сентября был организован осмотр действующих охранных раскопок в районе реконструкции железной дороги Абакан – Аскиз – Новокузнецк, а также природных и археологических объектов, таких как стеларий в улусе (поселке) Полтаков, Аскизская могильная степь, курганы в районе посёлка Сафронов, музей под открытым небом в Казановке. Экскурсионная программа на 12 сентября предусматривала посещение могильного поля в урочище Салбык, где в 1950-е годы был раскопан самый крупный курган Хакасии, памятника Барсучий лог и горы Оглахты с наскальными изображениями.

Список литературы

- Варенов А. В.** X Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 4: Востоковедение. С. 173–176. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-173-176
- Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XI Междунар. науч. конф. (8–11 сент. 2021 г., Абакан) / Отв. ред. А. В. Поляков, М. Т. Кашуба, А. Д. Цыбиктаров. Абакан: ИИМК РАН, 2021. 376 с.

References

- Ancient cultures of Mongolia, Southern Siberia and Northern China: Transactions of the XIth International Conference (September 8–11, 2021, Abakan). Executive eds. A. V. Polyakov,

М. Т. Kashuba, A. D. Tsibiktarov. Abakan, Institute for the History of Material Culture RAS, 2021. 376 p. (in Russ.)

Varenov A. V. X International scientific conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 4: Oriental Studies, pp. 173–176. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-4-173-176

Информация об авторе

Андрей Васильевич Варенов, кандидат исторических наук, доцент

Information about the Author

Andrey V. Varenov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 19.09.2021;
одобрена после рецензирования 22.09.2021; принята к публикации 25.09.2021
The article was submitted 19.09.2021;
approved after reviewing 22.09.2021; accepted for publication 25.09.2021*

Рецензия

УДК 81-11

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-136-140

Популярная книга

о древнеиндийских лингвистических традициях

Евгения Алексеевна Десницкая

Институт восточных рукописей Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

khecari@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7890-2061>

Аннотация

В рецензируемой книге О. А. Волошиной «Языкознание в Древней Индии в контексте культуры и ритуала» (М.: Водолей, 2020. 244 с.) рассматриваются лингвистические учения, сложившиеся в Древней Индии; особое внимание автор уделяет принципам описания языка в грамматике Панини. Необходимость популярного очерка древнеиндийской лингвистики на русском языке не вызывает сомнения. К сожалению, рецензируемая книга представляет собой не слишком аккуратную компиляцию разнородных, не всегда релевантных и отчасти устаревших источников, поэтому ее нельзя считать качественным научно-популярным изданием. В рецензии представлен обзор обнаруженных в книге фактических ошибок, спорных утверждений и методологических несообразностей.

Ключевые слова

Индия, Веды, Упанишады, व्याкарана, Панини, Аштадхьяи, индийские лингвистические традиции

Благодарности

Работа подготовлена при поддержке мегагранта Минобрнауки № 075-15-2021-603 «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии»

Для цитирования

Десницкая Е. А. Популярная книга о древнеиндийских лингвистических традициях // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 136–140. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-136-140

A Popular Survey of Indian Linguistic Traditions

Evgeniya A. Desnitskaya

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation

khecari@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7890-2061>

Abstract

“Linguistics in Ancient India in the Context of Culture and Ritual” (Moscow, Vodoley, 2020, 244 p.) by O. A. Voloshina, published in Russian, presents a popular survey of Indian linguistic traditions, with a particular focus on descriptive methods of Pāṇini's grammar. A popular book on this topic written in Russian is indeed highly in demand. However, the book by Voloshina is not a popular, high-quality book, rather an imperfect compilation. The references in the book are mainly irrelevant or out of date. Works of contemporary leading scholars in Vedic studies are

© Десницкая Е. А., рец., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 136–140

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 136–140

totally ignored. As a result, the book contains a number of errors and wrong conclusions, let alone numerous typos in Sanskrit. The author fails to distinguish consistently between historical description, the ideology of Vedic texts, and their subsequent interpretation in the frames of Hinduism. Chapters of the book that deal with Pāṇini's grammar provide parallels with concepts of modern linguistics. These seem promising, though sometimes a bit straightforward. The author is suggested to distinguish between descriptive and comparative parts in the chapters on Pāṇini.

Keywords

India, Veda, Upaniṣad, vyākaraṇa, Pāṇini, Aṣṭādhyāyī, Indian linguistic traditions

Acknowledgements

This work was supported by the project of the Russian Ministry of Education and Science no. 075-15-2021-603 "Development of the new methodology and intellectual base for the new-generation research of Indian philosophy in correlation with the main World Philosophical Traditions"

For citation

Desnitskaya E. A. A Popular Survey of Indian Linguistic Traditions. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 136–140. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-136-140

Рецензируемая книга О. А. Волошиной «Языкознание в Древней Индии в контексте культуры и ритуала» (М.: Водолей, 2020. 244 с.) представляет собой популярный очерк древнеиндийской лингвистики. Автор ставит перед собой задачу «*рассказать понятным широкому кругу читателей языком*» о принципах описания языка в древнеиндийских лингвистических дисциплинах: фонетике, грамматике и традиции семантического анализа. Также в книге подробно рассказывается о ведийском каноне и предпринимается попытка выявить влияние ведийского ритуализма на становление индийских языковедческих дисциплин.

Необходимость такой книги в русскоязычном культурном пространстве не вызывает сомнения. В мировой индологии индийские лингвистические дисциплины изучены весьма глубоко, однако на русском языке есть лишь небольшое число компетентных публикаций по данной тематике. Исследования ведийского канона представлены в книге В. Г. Эрмана [1980], а также в трудах и переводах Т. Я. Елизаренковой. За последние десятилетия мировые ведийские исследования существенно продвинулись в понимании истории сложения и интерпретации ведийских текстов, однако в русскоязычной литературе эти разработки практически не отражены. Поэтому написание популярной книги о ведийском каноне и древнеиндийской лингвистической традиции можно назвать начинанием актуальным и востребованным.

Требования к изданиям такого жанра очевидны: книга должна основываться на релевантных источниках, в том числе на современных исследованиях; должна быть написана последовательно, без фактических ошибок; должна легко читаться и быть свободной от стилистических невнятистей. Рассмотрим рецензируемую книгу сквозь призму указанных критериев.

Список использованной литературы насчитывает 180 изданий, однако две трети из них составляют работы на русском языке, в том числе и весьма далекие от древнеиндийской тематики. Подбор источников на санскрите выглядит случайным. Нет ссылок на издания «Махабхашьи» Патанджали, хотя цитаты из этого трактата в книге присутствуют. Не упоминается фундаментальный труд Джорджа Кардоны «*Pāṇini, His Work and Its Traditions*» [Cardona, 1988]. Ведийская часть библиографии позволяет предположить, что автор не знаком с работами таких выдающихся ведологов конца XX – начала XXI в. как М. Витцель (Michael Witzel), Дж. Бреретон (Joel Brereton), С. Джемисон (Stephanie Jamison), Й. Хейстерман (Johannes Heesterman), Х. Бодевитц (Henk Bodewitz) и др. Соответственно, и читатель, заинтересованный в расширении кругозора, останется в неведении относительно современного уровня ведийских исследований.

Разнородный характер использованной литературы существенно повлиял на содержание книги. Автор некритически использует имеющиеся источники, воспроизводит информацию из нерелевантных изданий или популярных книг компилятивного характера. В результате первый раздел, посвященный описанию ведийского канона и веданг, содержит много неточностей, ошибок и безосновательных утверждений. Обсуждение происхождения ведийского канона ограничивается констатацией проблематичности вопроса и цитатой из статьи

С. В. Кулланды о том, что попытки установления абсолютной хронологии «в той или иной степени умозрительны» (с. 18). Автор даже не упоминает о существовании фундаментальных трудов Майкла Витцеля по истории сложения ведийского канона. Схожим образом при обсуждении этимологии слова «упанишада» автор ссылается на неактуальный в данном контексте труд Рене Генона (с. 51), вместо того чтобы обратиться, например, к статье Фалька (Harry Falk), в которой обосновывается неправомерность расхожей интерпретации о «сидении у ног учителя» [Falk, 1986].

Утверждение о том, что «стилистика самхиты никогда не была предметом анализа в самой Индии»..., «Ригведа как текст шрути, по мнению индийцев, появилась в результате приобщения человека к божественному слову, поэтому не было смысла рассуждать об искусной технике авторов гимнов» (с. 23), – опровергается многочисленными упоминаниями в гимнах РВ о поэтическом мастерстве и о «тайных именах» значимых явлений, а также тем обстоятельством, что именно повышенное внимание ведийских риши к языку и стилистическим практикам послужило предпосылкой для формирования древнеиндийской грамматики.

При характеристике ведийского канона в книге не проводится разграничения между идеологией самих ведийских текстов и их позднейшими интерпретациями, сложившимися в постведийскую эпоху в рамках индуизма, т. е. уже после формирования грамматической традиции. Автор рассуждает о Веде (в единственном числе) как о «неделимом цельном знании» (с. 12) и приводит поздние индуистские сюжеты о появлении Вед в ходе битвы богов с асурами, а также о мудреце Вьясе, разделившем единую Веду на три части (с. 13). Столь же непоследовательно заключение о том, что «Нирукта» Яски и грамматика Панини, почитавшиеся «индийцами как канонические священные тексты», могут быть поняты лишь «внутри традиционной культуры» и их интерпретация должна производиться «без навязывания» чуждых этим трактатам «современных категорий мышления...», а также научных терминологических систем» (с. 8). Отметим, что «Нирукта» и «Аштадхьяи» составлялись и использовались как рациональные сочинения прикладного характера, поэтому апелляция к гипотетическому священному статусу не способствует пониманию структуры и методологии этих произведений. К тому же, далее в главах о грамматике автор активно использует терминологию современной лингвистики, не оговаривая, что это противоречит исходному тезису об отказе от «современных категорий мышления». Подобная непоследовательность вызывает удивление.

В целом ведийский раздел рецензируемой книги производит впечатление не слишком аккуратной компиляции разнородных источников. Из явных фактических ошибок можно отметить утверждения о том, что Яджурведа состоит «по большей части из гимнов Ригведы» (с. 13); что только поздние Упанишады называют ведантой (с. 57); что «Аштадхьяи» разделяется «на восемь книг (*aṣṭaka*), которые в свою очередь подразделялись на главы (*adhyaṃya*)...» (с. 68); что возгласения *svāhā*, *bhūh*, *bhuvah*, *svaḥ* были заимствованы «из оккультных практик местного доарийского населения» (с. 30). Неоправданной инновацией является употребление слова *веданга* в единственном числе для обозначения «корпуса» вспомогательных дисциплин, в то время как в санскритском и в современном индологическом узусе слово *vedāṅga* (*vedasya aṅga*, букв. 'часть/член Веды') в единственном числе употребляется для обозначения одной из указанных дисциплин, а для их обобщенного обозначения используется множественное число *vedāṅgāṇi* (по-русски: *веданги*). Вызывает недоумение и отождествление *вьякараны* с трактатом Панини: «Вьякарана (*vyākaraṇa*) – трактат по грамматике» (с. 68), при том что *вьякараной* называют грамматику как дисциплину, а не какое-то отдельное произведение, пусть даже и такое значимое, как «Аштадхьяи».

Разделы книги, посвященные принципам описания языка в древнеиндийских лингвистических дисциплинах, написаны более последовательно. Автор дает общую характеристику древнеиндийских фонетических трактатов, нирукты как традиции лексической семантики, подробнее останавливается на принципах описания языка в грамматике Панини: рассказыва-

ет о классификации звуков в «Пратьяхара-сутрах», об основных принципах порождения словоформ из морфем, вкратце освещает семантико-синтаксическую систему карак.

К сожалению, данный раздел содержит большое количество опечаток в санскритских текстах и неточностей в переводах сутр. Так, сутра 1.1.45 (с. 180): ошибочно переведена: «*Замена гласных (iK) на полугласные (yaN) есть samprasāṇa*», вместо: «*Сампрасарана – это замена полугласных (yaN) на гласные (iK)*». Отметим, что автор напрасно не учитывает специфику актуального членения санскритских безглагольных предложений, в которых – в отличие от русского языка – определение предшествует определяемому. В таблицах с окончаниями *parasmaipada* и *ātmanepada* (с. 165) для *parasmaipada* указаны окончания настоящего времени, а для *ātmanepada* – окончания имперфекта.

При разъяснении особенностей грамматической системы Панини автор проводит параллели с концепциями современной лингвистики и цитирует различные лингвистические работы, что в ряде случаев приводит к двусмысленностям. Так, карака *karṭṛ* характеризуется как «*отношения, которые обозначают агенса – активно действующего субъекта*», а далее приводится цитата из труда В. А. Плунгяна о том, что агенс – это «*активный, обычно наделенный волей и сознанием участник ситуации, расходующий собственную энергию в процессе деятельности*» (с. 197). Неясно, в какой мере формулировка Плунгяна применима к паниниевской караке: тождественны *karṭṛ* и агенс, или же *karṭṛ* – это не агенс, а «*обозначающие его отношения*»? Избыточное цитирование придает тексту школярский вид: автор словно прячется за чужими словами, не решаясь сформулировать собственную позицию.

Рецензируемая книга не лишена и стилистических недочетов. Автор временами увлекается сомнительными метафорами, временами впадает в официальный канцелярит. Некоторые пассажи способны повергнуть в глубокую задумчивость: «*Удаленность от Европы, слабые контакты с европейскими странами способствовали самостоятельному развитию древнеиндийской цивилизации. С одной стороны, ее относительная обособленность от Европы, а с другой стороны, тесные контакты с культурой местных народов полуострова Индостан обеспечили становление своеобразной философии и самобытных научных концепций, в рамках которых были разработаны уникальные методы исследования*» (с. 6).

Остается гадать, контакты с какими «*европейскими странами*» три тысячи лет назад могли бы воспрепятствовать «*самостоятельному развитию древнеиндийской цивилизации*» и как именно «*тесные контакты*» древнеиндийской цивилизации с «*культурой местных народов*» обеспечили становление «*самобытных научных концепций...*»

Приходится признать, что попытка популяризации древнеиндийской лингвистики, принятая О.А. Волошиной, оказалась неудачной. Книга «Языкознание в Древней Индии в контексте культуры и ритуала» содержит большое число фактических ошибок и необоснованных утверждений, в особенности в главе о Ведах. Разделы, посвященные грамматике Панини, написаны на более высоком уровне, но также не свободны от ошибок и неточностей. Уважая труд, проделанный автором, можно посоветовать подготовить новую редакцию книги, в которой ведийский раздел будет сокращен до минимальной вводной справки, а грамматический раздел, напротив, расширен, расписан более подробно и, разумеется, избавлен от опечаток и фактических ошибок. Также представляется разумным разделить непосредственное описание принципов паниниевской грамматики и их интерпретацию в терминах современной лингвистики. Возможно, соображения компаративного характера следует вынести в особую главу.

Список литературы

- Эрман В. Г. Очерк истории ведийской литературы. М.: Наука, 1980. 230 с.
Cardona G. Pāṇini, His Work and Its Traditions. Delhi, Motilal Banarsidass, 1988, 671 p.
Falk H. Vedisch upaniṣád. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1986, Bd. 136, 1, S. 80–97.

References

Cardona G. Pāṇini, His Work and Its Traditions. Delhi, Motilal Banarsidass, 1988, 671 p.

Erman V. G. An essay on the history of Vedic literature. Moscow, Nauka, 1980, 230 p. (in Russ.)

Falk H. Vedisch upaniṣád. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1986, Bd. 136, 1, S. 80–97.

Информация об авторе

Евгения Алексеевна Десницкая, кандидат философских наук

Information about the Author

Evgeniya A. Desnitskaya, Candidate of Sciences (Philosophy)

*Статья поступила в редакцию 07.07.2021;
одобрена после рецензирования 05.08.2021; принята к публикации 04.10.2021
The article was submitted 07.07.2021;
approved after reviewing 05.08.2021; accepted for publication 04.10.2021*

Рецензия

УДК 903

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-141-144

Фундаментальное исследование раннего неолита Южного Китая

Екатерина Александровна Гирченко

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ekaterina.girchenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5304-2595>

Аннотация

В рецензируемой монографии Станислава Роберта (Станислава Иосифовича) Кучеры «Древнейшая и древняя история Китая: ранний неолит юга страны» (М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 596 с.) представлен обзор основных ранненеолитических комплексов юга Китая. Работа велась несколько десятков лет и базируется на анализе более 2000 различных научных публикаций. По глубине и широте исследования данная монография не имеет аналогов на русском языке. На основе систематизированных и проанализированных материалов дается представление о существовавших миграциях, появлении керамики, способах обработки камня, domestikации растений и животных у ранненеолитического населения юга Китая. Впервые на русском языке широко представлены данные по радиоуглеродному датированию материалов памятников. Четыре главы дают полное представление о разных аспектах неолитического хозяйства региона.

Ключевые слова

юг Китая, ранний неолит, абсолютная хронология, древнейшая керамика, миграционные процессы

Для цитирования

Гирченко Е. А. Фундаментальное исследование раннего неолита Южного Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 141–144. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-141-144

A Fundamental Investigation of the Early Neolithic of Southern China

Ekaterina A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ekaterina.girchenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5304-2595>

Abstract

The reviewed investigation made by Stanisław Robert Kuczera “The Antique and Ancient History of China. Early Neolithic of the South” (Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020, 596 p.) provides an overview of the main early Neolithic complexes in the south of China. The work has been carried out for several dozens of years and is based on the analysis of more than 2000 different scientific publications. In terms of its depth and thoroughness of presented research, this monograph has no analogues in the Russian language. Based on the systematization and analysis of the scientific articles of Chinese archaeologists it presents an overview of migrations, emergence of ceramics, methods of stone processing, domestication of plants and animals in the Early Neolithic of southern China. Radiocarbon data

© Гирченко Е. А., рец., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 141–144
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 141–144

of the archaeological sites is being widely presented in Russian for the first time. Four chapters provide a comprehensive investigation of different aspects of the Neolithic economy of the region.

Keywords

South of China, early Neolithic, absolute chronology, most ancient pottery, migration processes

For citation

Girchenko E. A. A Fundamental Investigation of the Early Neolithic of Southern China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 141–144. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-141-144

Работы Станислава Роберта (Станислава Иосифовича) Кучеры [Кучера, 1977; 1996] воспитали не одно поколение востоковедов-археологов и часто являлись первыми настольными книгами, с которых начиналось «путешествие в древность» для тех, кто планировал заниматься древнейшей историей Китая. У недавно вышедшей монографии этого же автора «Древнейшая и древняя история Китая: ранний неолит юга страны» (М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 596 с.) название частично совпадает с заголовком книги 1996 г., что не случайно [Кучера, 2020]. Эта работа является логичным хронологическим продолжением палеолитического тома и обращается к раннеолитической эпохе юга страны. Выбор региона исследования представляется обоснованным, так как в последние годы именно с юга Китая приходят новости, поражающие воображение своими датировками, например, древнейшая в мире на данный момент керамика происходит из региона нижнего течения р. Янцзы (пам. Сяньжэньдун, провинция Цзянси). Самый нижний слой памятника, где была обнаружена керамика, датируется временем 20–19 тыс. л. н.! Условия появления керамики на юге значительно отличаются от уже известных материалов севера страны, тоже достаточно древних (ранняя керамика датируется временем около 14 тыс. л. н.) – так, например, большая часть южных памятников, где обнаружена керамика, это пещерные объекты, а на севере раннеолитических пещерных памятников с керамикой нет. Различается и состав керамического теста. Все это в совокупности говорит о том, что это были самостоятельные центры, генетически не связанные друг с другом. Разобраться в многообразии неолита региона в одиночку не под силу даже самому дотошному исследователю, настолько колоссальный объем книг, статей, музейных каталогов накопился за годы масштабных исследований неолита Китая. В монографии отмечено, что работа над материалами велась несколько десятков лет, что позволило собрать библиографию, насчитывающую более 2000 источников различной направленности. Но даже при этом, безусловно, охватить всю современную библиографию физически не представляется возможным. В списке рассматриваемых памятников в основном фигурируют прибрежные объекты, материалы внутриматериковых памятников отмечены менее полно, но это было бы и невозможно в рамках одного исследования. Современная китайская археологическая наука развивается огромными темпами, для составления всесторонних описаний нужно было бы привлекать к работе по меньшей мере целые научно-исследовательские институты.

Монография Станислава Иосифовича это энциклопедия археологии раннего неолита юга Китая с очень подробной навигацией, где в структурированной форме представлены основные объекты. Это делает данную книгу удобным рабочим инструментом и полезным справочником, куда нужно заглянуть, приступая к изучению южнокитайского неолита. Многие памятники публикуются на русском языке впервые. Внимание уделяется и переводу отчетов радиоуглеродного датирования (включающих в себя сведения и о лаборатории, проводившей анализ, и о самом образце, и об условиях его залегания), подробному описанию и данным реестров антропологических костных останков, что делает эту книгу по-настоящему нужной для всех ученых, работающих с реконструкциями миграционных процессов заселения Евразии и взаимовлиянием культур сопредельных территорий. В рассматриваемом издании представлен самый большой на русском языке сводный каталог радиоуглеродных дат по неолиту южного Китая на 80 страницах, полученный в лаборатории Научно-технического института охраны памятников материальной культуры КНР, соответствующие таблицы есть в каждой

из глав. Следует отметить, что Станислав Иосифович не просто перевел и систематизировал материалы, автор очень последовательно подводит своих читателей к основной информации, приводит справку об истории исследований региона, обзорно дает географическо-археологический экскурс в проблематику в начале своей книги, расшифровывает основные понятия (причем с пометками для китайистов о правильном чтении, трактовке некоторых иероглифов), знакомит с законодательством в сфере охраны памятников материальной культуры и основными организациями. В конце своего исследования автор излагает основные выводы на основе изученных материалов – об имевших место миграциях, появлении керамики, новых способах обработки камня, domestikации растений и животных, росте населения и т. д. Таким образом, для будущих поколений востоковедов-археологов эта книга может выступать еще и в качестве учебного пособия, рассказывающего о том, как работать с публикациями на восточном языке и правильно переводить соответствующую специальную терминологию, как анализировать археологические отчеты и интерпретировать материалы.

К каждому из рассмотренных памятников, расположенных в хронологическом порядке, начиная от самых древних, относится небольшая историческая справка, приводятся стратиграфия, характеристика каменных индустрий, фаунистических, антропологических костных останков, керамики. По ходу изложения Станислав Иосифович дает комментарии к отдельным историческим зарисовкам, анализируя изложенную информацию и делая выводы о типе хозяйствования и развитии технологий. Первая глава представляет собой небольшое вступление; вторая глава посвящена основным пещерным комплексам (Сяньжэньдун, Байляньдун, Хуаньняньдун, Цзэнпиянь) и раковинным кучам (Наньнин, Баоцзытоу); третья глава полностью отводится рисоводческой культуре Хэмуду, локализованной в нижнем течении р. Янцзы, где были найдены самые древние лаковые изделия, свайные постройки, черная и расписная керамика, керамические фигурки животных; четвертая глава представляет многообразие культур юго-восточного Китая – Пэнтоушань, Цзаоши, Чэнбэйси, Шаншань и др. Разделы неравномерны по своему объему, но в целом дают полное представление о разных аспектах неолитического хозяйства региона.

Любая масштабная работа такого плана, естественно, не может обойтись без недостатков. В рецензируемой монографии при большой ценности представленного текста и проведенного анализа недостатком является качество иллюстративного материала, что представляется крайне важным в работе с археологическими источниками. В книге нет хороших цветных иллюстраций, черно-белые сканированные рисунки нередко плохого качества и требуют дополнительной работы в графическом редакторе. Кроме того, карты взяты из статей китайских авторов, соответственно, все географические названия даются в иероглифической записи и читателям, не владеющим китайским языком, сориентироваться в них очень трудно. Подписи к рисункам на китайских фотографиях часто оказываются более подробными, чем в переводе, что является плюсом для тех, кто китайским языком владеет, и минусом для тех, от кого эта информация остается скрытой. В рассматриваемом исследовании нет единообразия в представлении памятников и подаче информации об их локализации и общей планиграфии. Карт и схем явно недостаточно. В некоторых случаях карта расположения памятника присутствует, в других есть только его стратиграфия. Безусловно, здесь нужно учитывать, что работа велась по публикациям, доступность материала и полнота его описания в китайских статьях определяла то, насколько подробно тот или иной аспект будет представлен на русском языке. Наблюдается некоторая неровность в изложении, но она, к сожалению, неизбежна в данном случае.

Высказанные замечания в действительности носят технический характер и не умаляют огромной значимости проделанной работы и фундаментальных выводов. Возможно, в будущих переизданиях иллюстративная составляющая может быть переработана и дополнена учениками Станислава Иосифовича, настоящего большого ученого-энциклопедиста, вдохновившего многих молодых историков отправиться по трудному пути постижения древнейшей истории Китая.

Список литературы

- Кучера С.** Китайская археология, 1965–1974 гг.: палеолит – эпоха Инь: Находки и проблемы. М.: Наука, 1977. 268 с.
- Кучера С.** Древнейшая и древняя история Китая: Древнекаменный век. М.: Вост. лит., 1996. 432 с.
- Кучера С.** Древнейшая и древняя история Китая: ранний неолит юга страны. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 596 с.

References

- Kuczera S.** Chinese Archaeology, 1965–1974: Paleolithic – Yin Period: Findings and Problems. Moscow, Nauka, 1977, 268 p. (in Russ.)
- Kuczera S.** The Antique and Ancient History of China: Paleolithic Age. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1996, 432 p. (in Russ.)
- Kuczera S.** The Antique and Ancient History of China. Early Neolithic of the South. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020, 596 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Екатерина Александровна Гирченко, кандидат исторических наук

Information about the Author

Ekaterina A. Girchenko, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 19.09.2021;
одобрена после рецензирования 22.09.2021; принята к публикации 25.09.2021
The article was submitted 19.09.2021;
approved after reviewing 22.09.2021; accepted for publication 25.09.2021*

Рецензия

УДК 94

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-145-147

Обобщающий труд по древней истории Китая

Мария Владимировна Ефименко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Москва, Россия

efimenko.masha2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4168-0183>

Аннотация

В статье дается рецензия на первые шесть глав монографии Джона С. Мэйджора и Констанс Кук «Древний Китай: история», изданной в 2017 г. в США. Авторы предприняли попытку краткого обзора истории древнейшего и древнего Китая на основе компиляции фактических данных из трудов виднейших исследователей указанных периодов в Европе и США. Показано, что авторы компиляции во многом следуют традиции исторического предания китайцев, повторяя основную информацию из классических конфуцианских канонов раннеимперского времени. Особенно значимым представляется то, что авторы совершают ошибки, указывающие на складывание собственной традиции написания истории Китая в США.

Ключевые слова

Китай, историография, традиция, США, неолит, Шан, Чжоу

Для цитирования

Ефименко М. В. Обобщающий труд по древней истории Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 145–147. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-145-147

A General Survey of Ancient Chinese History

Maria V. Efimenko

National Research University “Higher School of Economics”

Moscow, Russian Federation

efimenko.masha2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4168-0183>

Abstract

The author reviews the first six chapters of the monograph by John S. Major and Constance Cook “Ancient China: A History” (New York, London: Routledge, Taylor and Francis Group, 2017. 300 p.). The authors of the book made an attempt to briefly review the history of ancient China on the basis of a compilation of factual data from the works of the most prominent researchers of these periods in Europe and the United States. It is shown that the authors of the compilation mainly follow the Chinese historical tradition, repeating the basic information from the classical Confucian treatises of the early Imperial time. It is particularly significant that the authors make mistakes that indicate the formation of their own tradition of writing the history of China in the United States.

Keywords

China, historiography, tradition, USA, Neolithic, Shang, Zhou

For citation

Efimenko M. V. A General Survey of Ancient Chinese History. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 145–147. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-145-147

© Ефименко М. В., рец., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 145–147
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 10: Oriental Studies, pp. 145–147

Монография Джона С. Мэйджора и Констанс Кук «Древний Китай: история» (Нью-Йорк: Рутледж, Тэйлор энд Френсис групп, 2017. 300 с.) представляет собой обзорный труд, предназначенный для первоначального знакомства читателей с историей и культурой древнейшего и древнего Китая от неолита до конца империи Хань (10 тыс. лет до н.э. – 221 г.)¹. Эта работа являет собой компиляцию знаний по истории Китая указанных эпох, которые содержатся в трудах виднейших современных исследователей древнего Китая в Западной Европе и США (Чжан Гуанчжи, Ли Фэн, Эд. Шонесси, М. Лёве, К. М. Линдаф, С. Аллан, Д. Н. Китли и др.). В рецензии рассмотрена первая часть книги до конца Западного Чжоу. Монография была опубликована в 2017 г. Она состоит из 12 глав. Внутри каждой главы авторы следуют от общего обзора периода к частным вопросам его истории, обсуждаемым в современном научном сообществе.

Достоинством публикации, на наш взгляд, является то, что Дж. Мэйджор и К. Кук представляют древнюю китайскую культуру как результат взаимодействия различных культур и народов севера и юга Китая. Хотя авторы не привели примеров конкретных народов, особенностей их языка и культур, однако они прямо указывают на различие севера и юга в хозяйственно-экономическом плане: выращивание проса на севере и риса на юге.

При описании древнейшей истории авторы рассмотрели периоды неолита, «нефритового» и бронзового века². В разделе о неолите ими приведена характеристика хозяйства носителей нескольких наиболее известных археологических культур, выделенных еще в 70-х гг. XX в. Переход к раннему неолиту авторы характеризуют как период начала одомашнивания растений и начало широкого распространения сельского хозяйства, а также как переход к широкому употреблению риса или проса в пищевом рационе людей того времени. Они указывают на то, что с появлением так называемого «материального богатства людей» (вероятно, под ним понимается имущественное расслоение) и владения домашним скотом происходит социальное расслоение общества ранних земледельцев. Особое внимание уделено символам на керамике памятников Цзяху и Баньпо. Авторы считают, что знаки, обнаруженные здесь, не являются письменным языком сами по себе, а представляют собой символы клана, числа и метки мастера, изготовившего сосуд.

Рассматривая бронзовый век, Дж. Мэйджор и К. Кук следуют китайской модели описания истории «по династиям» и ассоциируют его с традиционной системой «трех династий» – легендарной Ся (2070–1600 гг. до н. э.), Шан (1600–1046 гг. до н. э.) и Чжоу (1046–771 гг. до н. э.). С нашей точки зрения, так называемая «династия Ся» не может считаться реально существующим государственным образованием, поскольку не обнаружено никаких археологических данных, прямо указывающих на связи с ней. Из всех культур бронзового века Китая особое внимание американских авторов привлекла Эрлитоу (2070–1600 до н. э.), видимо потому, что она, по мнению китайских специалистов, ассоциируется с Ся, хронологически совпадая с традиционной датировкой этой легендарной династии. Явное противоречие такого подхода состоит в том, что далее авторы без каких-либо оговорок подробно касаются таких вопросов, как миф об основателе Ся Великом Юе и его борьбе с потопом, который они сравнивают с другими евразийскими мифами о потопе и ищут палеоклиматические доказательства его историчности. Нет необходимости говорить о том, что включение мифа в картину исторического прошлого противоречит требованиям современной науки.

В главе о государстве Шан Дж. Мэйджор и К. Кук указывают на то, что это первое государство в центре Восточной Азии, поскольку обнаружены археологические свидетельства его существования на городище *Иньсюй* близ современного города Аньян, пров. Хэнань. Они пишут о том, что в период, когда столица Шан находилась в *Иньсюй*, правитель уже

¹ Здесь и далее датировки даны по тексту рецензируемой публикации.

² Представления о «нефритовом веке» восходят в Китае к сочинениям эпохи Хань, что сопоставимо с античным учением о «золотом» и «серебряном» веках. В последнее время этот термин активно реанимируется современными китайскими исследователями, а из западных его используют Э. Чайлдс-Джонсон (Elizabeth Childs-Johnson) и П. Дематте (Paola Dematte).

не контролировал всю территорию страны, а выступал лишь как верховный жрец. Это представляется еще один стереотипом, который входит в противоречие с самим понятием государства, поскольку жрец являлся лишь исполнителем сакральных церемоний в догосударственных (типа племени, вождества) и государственных образованиях.

Еще одним сомнительным тезисом представляется предположение о том, что шанский ван У-дин (1253–1195 гг. до н. э.) сопровождал любые свои действия гаданием на панцирях черепах, поскольку на период его правления приходится наибольшее количество известных на сегодня гадательных надписей. Но из этого вовсе не следует, что в правление У-дина, длившееся почти 60 лет, гадания совершались чаще, чем при его не столь долговечных преемниках. Причиной может быть и неполнота доступного исследователям корпуса шанских гадательных надписей, проистекающая из неравномерной археологической изученности территории *Иньсюй*. Этот вопрос еще требует дальнейших исследований.

Описывая историю и культуру государства Западное Чжоу, авторы использовали термин *хуася*. Вводя его, они не представили разбор истории формирования этой этнической общности и не дали ее характеристик, хотя именно *хуася* являются предками современных китайцев. Дж. Мэйджор и К. Кук перечисляют такие народы, как *и*, *ди*, *жуны*, *цяньюнь*, и справедливо упоминают, что они говорили на отличных от китайского языках и отличались от *хуася* своими религиозными верованиями. Однако к каким этническим группам принадлежали эти народы, авторы не уточняют.

Использование таких письменных источников, как «*Шаниу*» и «*Шицзин*», а не археологических данных и надписей на бронзовых сосудах, задает тон рассмотрения политической истории Западного Чжоу, наполненной элементами исторического предания более, чем анализом фактов. Авторы обращают внимание читателя на неприменимость термина «феодализм» к периоду Западного Чжоу, вновь возвращаясь к дискуссиям 20–30-х гг. XX в. Однако при переводе терминов, обозначающих ранги знатности и названия должностей с китайского языка на английский, они, в соответствии с давно установившейся западной традицией, зачастую используют средневековые европейские титулы, характерные именно для эпохи феодализма.

Нельзя не отметить «творческий» подход американских авторов, иногда мешающий обнаружить связь между текстами внутри глав их книги. Краткое упоминание некоторых фактов позволяет сделать вывод об их знакомстве с проблематикой истории древнего Китая, однако отсутствие дальнейшего рассмотрения упомянутых тем может разочаровать любопытного историка. Позиция авторов претендует лишь на пересказ исторического предания, а не на реконструкцию исторических процессов.

Информация об авторе

Мария Владимировна Ефименко, преподаватель

Information about the Author

Maria V. Efimenko, Teacher

*Статья поступила в редакцию 16.07.2021;
одобрена после рецензирования 11.08.2021; принята к публикации 25.09.2021
The article was submitted 16.07.2021;
approved after reviewing 11.08.2021; accepted for publication 25.09.2021*

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1,0 печатного листа (40 тыс. знаков, шрифт Times New Roman, кегль 12, аннотации – кегль 10, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить:

- 1) сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы;
- 2) контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора.

Обязательным требованием является наличие *ключевых слов* (не более 15) и *резюме статьи* на русском (не менее 1 000 знаков без пробелов) и английском (240-270 слов – не более 1 800 знаков с пробелами) языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 902.694

Корейский полуостров и Японские острова:

сложение особенностей и заимствование культурных традиций

Иван Иванович Иванов

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова (на русском языке)

Благодарности (на русском языке)

Korean Peninsula and Japanese Islands:

Forming Features and Borrowing Cultural Traditions

Ivan I. Ivanov

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы

References

Информация об авторах

Information about the Authors

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора или первые слова названия публикации без автора, год, номер страницы, например: [Алексеев, 1976, с. 2] или [Энциклопедия игр, 1989, т. 1, с. 184].

В конце статьи помещается список литературы (всего не менее 15–20 публикаций, включая размещаемые подстранично интернет-источники) в алфавитном порядке (сначала блок публикаций на русском, затем на европейских и в конце на восточных языках). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа, для восточных авторов фамилия и личное имя полностью), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Образцы составления библиографического описания

Ким Бусик. Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

Kakar H. The Fall of the Afghan monarchy in 1973. *Int. J. of Middle Eastern Studies*, 1978, vol. 9, no. 2, pp. 195–214.

Ан Чхольхва. Маджак пэуги [마작 배우기. 서울: 넥서스 부그스]. Обучение игре маджак. Сеул: Нэксос бук, 2001. 176 с. (на кор. яз.)

Гакусю: дзиммэй дзитэн [学習人名事典. 東京: 富士教育] Учебный словарь имен. Токио: Фудзи кёйку, 1983. 400 с. (на яп. яз.)

Ма Гоцзюнь, Ма Шуюнь. Чжунхуа чуаньтун юси дацюань [麻国钧, 麻淑云. 中华传统游戏大全. 北京: 农村读物出版社]. Все о китайских традиционных играх. Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. 610 с. (на кит. яз.)

Сато Сэкико. Гэндзи-моноготари-но буцукан – хо:бэн-но оmoi-ни сокуситэ [佐藤勢紀子. 『源氏物語』の仏観 一方便の思いに即して— // 日本文学. 京都: 日本文学教会]. Буддийское мировоззрение в романе «Гэндзи-моноготари»: о принципе хо:бэн // Японская литература. Киото: Нихон бунгаку кё:кай, 2002. № 51–12. С. 1–11. (на яп. яз.)

Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань. Шиси саньсиндуй ичжи шандай ихао кэн дэ синчжи цзи югуань вэньти [陈显丹, 陈德安. 试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题 // 四川文物]. Предварительное изучение характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов // Сычуань вэньу. 1987. № 4. С. 27–29. (на кит. яз.)

Чэнь Хунхай, Ван Гошунь, Мэй Дуаньчжи, Су Нань. Цинхай тундэ сянь цзунжи ичжи фацзюэ цзяньбао [陈洪海, 王国顺, 梅端智, 素南. 青海同德县宗日遗址发掘简报 // 考古] Краткий отчет о раскопках памятника Цзунжи в уезде Тундэ, пров. Цинхай // Каогу. 1998. № 5. С. 1–14. (на кит. яз.)

Образцы составления списка литературы в транслитерации (References)

Voytishek E. E., Bordjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V. Traditsionnyi prazdnik kalligrafii v Pavil'one Orkhidei i sud'ba sovremennykh intellektualov [Traditional Calligraphy Festival at the Orchid Pavilion and the Destinies of Modern Chinese Intellectuals]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 12, no. 10: Oriental Studies, pp. 163–173. (in Russ.)

Voytishek E. E. Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)]. Novosibirsk, 2011, 312 p. (in Russ.)

Sun Yuxiang. Xiandai wenren de yin yu tong [孙玉祥. 现代文人的隐与痛. 广州市, 中国友谊出版公司]. The Secret and Pain of the Modern Man of Culture. Zhongguo youyi chuban gongsi, 2010, 158 p. (in Chin.)

Ссылки на архивные документы, а также источники и труды, опубликованные в Интернете и не поддающиеся библиографическому описанию, как и авторские примечания, оформляются в виде сносок внизу страницы¹. Иллюстрации (рисунки, фотографии) следует предоставлять в форматах .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Подписи к иллюстрациям и таблицам обязательно предоставляются и на русском, и на английском языках.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В «Вестнике НГУ» публикуются статьи, соответствующие основным рубрикам журнала, а также рецензии, дискуссии, хроника.

Рабочие языки выпуска «Востоковедение» – русский, английский, китайский, японский и корейский. Статьи на иностранных языках публикуются с кратким изложением содержания на русском языке. Для статей, цитат и терминов на восточных языках следует придерживаться следующих рекомендаций: для китайского языка – палладиевская транскрипция, шрифт SimSun; для японского языка – поливановская транскрипция, шрифт MS Mincho; для корейского языка – транскрипция по системе Л. Р. Концевича, шрифт Gulim. В списке литературы в конце каждой статьи следует указывать язык, на котором выполнена публикация: (на рус. яз. / кит. яз. / яп. яз. / кор. яз.) и (in Russ. / Chin. / Jap. / Kor.).

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из ранее опубликованных научных работ. Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное двойное слепое рецензирование**. По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи. Плата за публикацию не взимается, гонорары не выплачиваются.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (каб. 2211, новый корпус НГУ), переслать по электронной почте или обычной почтой.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Востоковедение» серии «История, филология»:

Новосибирский государственный университет
Гуманитарный институт, отделение востоковедения
ул. Пирогова, 1, каб. 2211, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363 42 37
E-mail: orient@lab.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»

¹ Гасюк А. Обама убил двух зайцев. США сохранят присутствие в Афганистане как минимум до 2024 года // Рос. газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/02/afghanistan-site.html> (дата обращения 03.05.2016).